

Международный союз бывших малолетних узников фашизма
Общероссийская общественная организация
«Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей»
Благотворительный фонд «Газета «Судьба»»

АНТОН САЕНКО

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЗНИКОВ – ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Улан-Удэ · 2023

УДК 930.2:94(47)
ББК 63.3(2)622,6

Рецензенты:

А.А. САРЖАН, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и права
Донецкого национального технического
университета.

Е.Ю. ШАПОВАЛ, кандидат исторических наук,
начальник отдела информационных архивных
технологий Государственного архива
Республики Бурятия

*Рекомендовано
отделом общественных дисциплин
Донецкого республиканского института
развития образования для использования
в учебно-воспитательном процессе*

Саенко, А.С.

С 382 Живая память. Воспоминания узников-жертв нацизма – Улан-Удэ:
Издательство АО «Республиканская типография». – 2023. – 296 с.

Эта книга – настоящий исторический источник, результат многолетней исследовательско-поисковой, краеведческой работы. Она посвящена судьбам более 100 советских людей, которые прошли через ад нацистских концентрационных лагерей. Большинство из них никогда не делились воспоминаниями о пережитых событиях, не писали о себе сами. Эти свидетельства подлинной истории войны могли бы просто исчезнуть. Воспоминания бывших узников-жертв нацизма звучат особенно тревожно, предупреждая, призывая к бдительности ныне живущее и будущее поколения. Книга адресуетея всем, интересующимся историей Великой Отечественной войны.

ISBN 978-5-600-03602-4

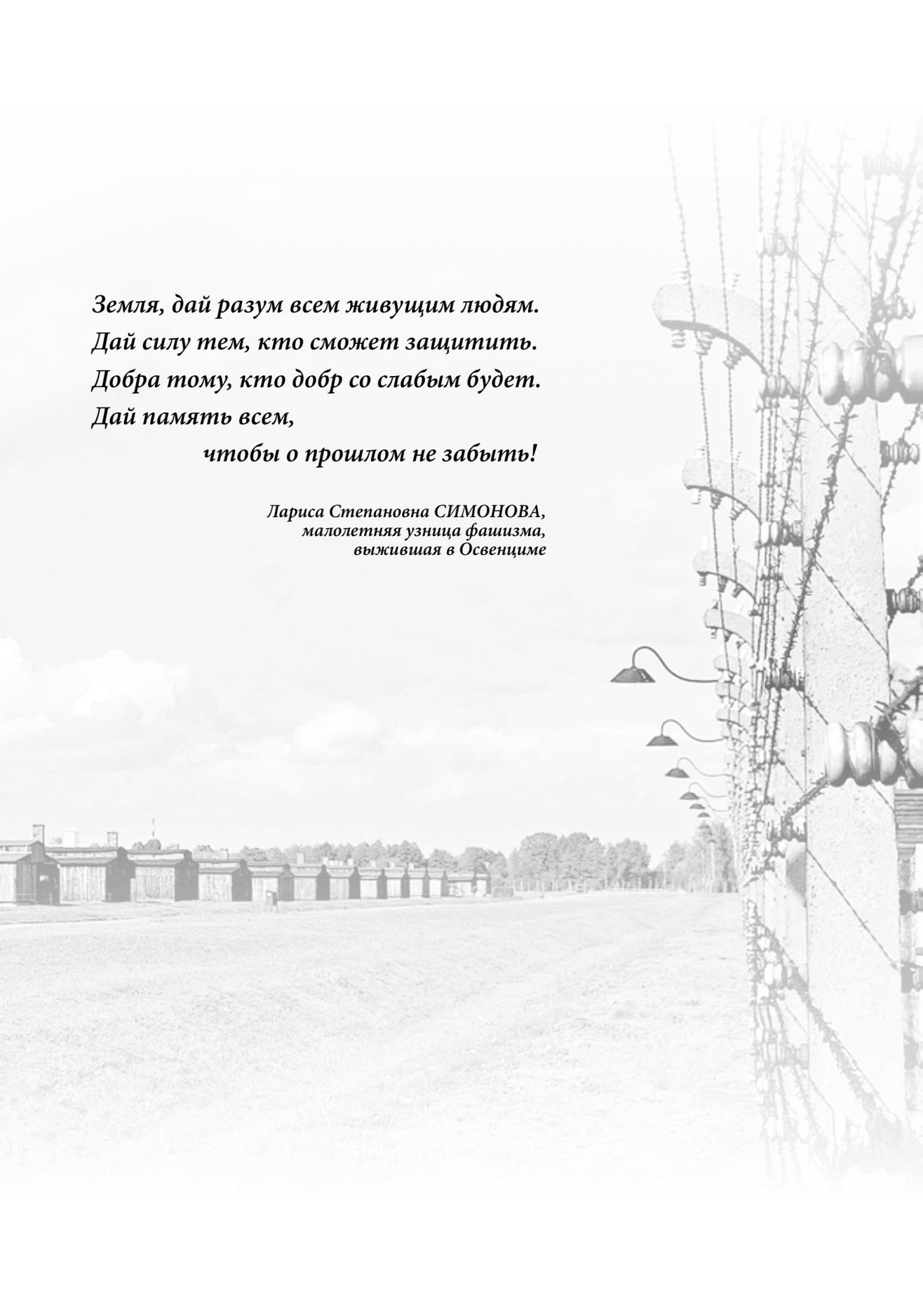
УДК 930.2:94(47)
ББК 63.3(2)622,6

© А.С. Саенко, 2023

© АО «Республиканская типография», 2023

*Земля, дай разум всем живущим людям.
Дай силу тем, кто сможет защитить.
Добра тому, кто добр со слабым будет.
Дай память всем,
чтобы о прошлом не забыть!*

*Лариса Степановна СИМОНОВА,
малолетняя узница фашизма,
выжившая в Освенциме*

ОТ АВТОРА – СОСТАВИТЕЛЯ

Книга, которая у вас в руках, результат многолетней исследовательско-поисковой, краеведческой работы. В ней – воспоминания более 100 советских людей, которые прошли через ад нацистских концентрационных лагерей. Большинство из них никогда не делились о пережитых событиях, не писали о них сами. Эти свидетельства подлинной истории войны могли бы просто исчезнуть. Разве можно это допустить?!

Герои этой книги – люди, которые провели ужасное и бесконечное долгое время своей жизни в настоящих «фабриках смерти», названия которых вызывают до сих пор самые трагичные ассоциации: Аушвиц, Бухенвальд, Равенсбрюк, Озаричи, Майданек... Почти все они попали за колючую проволоку будучи еще несовершеннолетними! Их свидетельства бесценны, в них даты, имена, ужасающие подробности быта, которые невозможно читать, оставаясь безучастным, здесь подлинные картины преступлений, издевательств, страшных мучений и – одновременно – братства людей, милосердия, равнодушия и взаимопомощи.

Руководство Третьего рейха использовало концентрационные лагеря как главный инструмент своей политики террора, принудительного использования рабочей силы и физического уничтожения народов Европы, в первую очередь славян, а также евреев.

Международный трибунал в Нюрнберге назвал гитлеровские концентрационные лагеря одним из позорнейших средств террора по отношению к населению оккупированных стран, а преступления, которые в них совершались – преступлениями против человечности.

Гитлеровский маховик по уничтожению населения работал на полную мощность с первых до последних дней войны. Масштабы злодеяний нацистов просто впечатляют! Достаточно назвать хотя бы такие цифры и факты: на территории оккупированных стран и в самой Германии в годы войны функционировало 55 концентрационных лагерей, 1 082 их филиала, 7 205 трудовых лагеря, 2 071 тюрьма, 506 гетто, 2 663 лагеря для

военнопленных и др. – всего 14 033 пункта принуждения. Их узниками были не менее 18 миллионов человек, из которых уничтожено более 11 миллионов человек. По данным материалов Нюрнбергского процесса, нацистскими оккупационными властями в рабство было вывезено 4 млн. 978 тысяч советских граждан. В живых осталась только пятая часть. Несмотря на террор, ужасные условия содержания, все попытки нацистов вытравить из людей все человеческое, узники смогли сохранить в себе лучшие качества и проявляли Соппротивление. Патриотизм, любовь к жизни и свободе вдохновляют, восхищают нас и по сей день.

К сожалению, в сборнике представлены фотографии не всех героев, так как некоторые из них до сих пор стесняются своего прошлого, боятся говорить об этих трагических событиях.

Правда о нацистских концентрационных лагерях, порожденных гитлеризмом, имеет важнейшее значение, не только научное, но и гораздо большее – общечеловеческое.

Для того, чтобы написать правду, нужно мужество. Мужество снова пережить годы унижений, боли и страданий.

Книга «Живая память» наполнена таким мужеством. Каждый, кто ее прочитает, уверен, не останется равнодушным, задумается не только над прошлым нашей страны, но и над своей жизнью.

Из воспоминаний, приведенных в данной книге порой можно узнать больше исторических подробностей, чем из научно-исторического исследования. Они поражают своей яркостью, цепкостью памяти и трагизмом. Трудно вообразить себе более мучительный и тяжкий путь, чем тот, который прошли эти героические люди.

В 2022 году началась работа по созданию проекта «Отстаивание исторической правды в деятельности объединения бывших малолетних узников фашизма и инициативной группы граждан города Макеевка Донецкой Народной Республики». Автором проекта стал главный редактор газеты «Судьба», председатель Общероссийской общественной организации «Российский союз бывших несовершеннолетних узников фашистских концентрационных лагерей» (РСБНУ), Почетный гражданин Республики Бурятия Л.К. Синегрибов; руководителем проекта – кандидат исторических наук, начальник отдела информационных технологий Государственного архива Республики Бурятия Е.Ю. Шаповал; координатором проекта по Донецкой Народной Республике – историк, аспирант исторического факультета Донецкого национального университета А.С. Саенко.

Проект вошел в число победителей специального конкурса на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2022 году. Его реализацию осуществляет

Некоммерческая общественная организация Благотворительный фонд «Газета «Судьба»».

Газета «Судьба» – регулярный печатный орган Международного союза бывших малолетних узников фашизма (МСБМУ). Выходит в г. Улан-Удэ (Российская Федерация, Республика Бурятия) с мая 1993 года. Распространяется по подписке (в каталоге «Почта России» подписной индекс ПН 838).

Книга открывается воспоминаниями бывшей малолетней узницы концлагеря Аушвиц Ларисы Степановны Симоновой, которая внесла большой вклад в становление организации бывших узников концентрационных лагерей, провела большую работу по увековечению памяти жертв фашизма. Память об этом человеке я храню и продолжаю хранить глубоко в душе и сердце. Такие люди как Лариса Степановна – образец для подражания, пример истинного лидера, патриота и настоящего Человека!

*Антон САЕНКО,
автор-составитель*

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ МАХУТОВ

председатель Международного союза бывших
малолетних узников фашизма,
член-корреспондент Российской академии наук, профессор

Эта книга, выходящая в год 80-летия сразу нескольких ключевых событий Великой Отечественной войны, посвящена одной из самых волнующих, трагических и одновременно героических страниц этой войны – судьбам бывших узников нацистских концлагерей.

Чем больше было успехов нашей Красной Армии на фронтах, тем более жестокими становились фашисты по отношению к людям: детям, женщинам, старикам. Если раньше они просто: так сказать, проходили, сжигали, убивали и шли дальше, то потом из нашего народа надо было

выкачать кровь, забрать средства существования, уничтожить наши памятники культуры, ликвидировать выдающихся политических и других государственных деятелей. Так стояла задача. По существу, эта задача, поставленная еще 80 - 90 лет назад, не изменилась. По-прежнему стоит вопрос о том, что наша страна, наша цивилизация – основной стратегический барьер на пути людей, рвущихся к мировому господству, и поэтому все те установки, которые тогда были сделаны захватчиками, остаются.

Я ребенком прошёл 900 км, прикрывая по злой воле фашистов немецкие отступающие части - мы были заложниками.

Вспоминается картина, когда идущие танки немецкой колонны и слева, и справа нас гонят. Женщин, детей. Налетают советские самолеты и не бомбят, они видят, что в колоннах советские люди, советские дети. Впервые в мировой истории государство, нацистское государство поставило детей объектом войны, такого раньше в истории не было. Дети, это хорошо известно, были в концлагерях. Мы знаем Майданек, мы знаем Освенцим. А ведь их было 14 000 этих лагерей и везде гибли люди. Мы знаем, что фашисты на детях проводили пристрелку оружия, подбрасывали их кверху и летящих в воздухе расстреливали. Младенцев топили в бочках, сжигали в печах.

Мы все видели, мы были свидетелями этого большого процесса. Мы, дети, были его участниками.

Сразу после окончания войны еще Трумэн сказал: «Мы победители, мы вышли победителями из этой войны и на нас возлагается миссия дальнейшего регулирования мироустройства». Потом это же повторили другие американские президенты. Роль зачинщика беды перешла сегодня от Германии к Соединенным Штатам, и один из лозунгов, который мы хорошо знаем, звучит примерно так: «Мы не допустим соединения славянских народов, мы пойдем на все, чтобы этого не было».

Одним из символов Победы нашего народа в Великой Отечественной войне является советский солдат, разгромивший фашизм, держащий в руках меч, который рассек фашистскую свастику, но самое важное, что наш солдат держит на руках немецкого ребенка. Это и есть, может быть, лицо России, лицо моей страны и лицо нашего солдата.

В нашем Союзе бывших малолетних узников фашизма есть и украинцы. Им очень непросто, мы все это понимаем, мы называемся Союзом в память о том, что был наш Советский Союз. Мы образовали Международный союз бывших малолетних узников фашизма 35 лет назад в Киеве 22 июня. Это тоже для нас определенный символ.

Помните о том подвиге, который совершили наши отцы, матери, братья, сестры – наши победители. Мы там были свидетелями.

Книга «Живая память» – вклад в создание подлинной летописи великого, бессмертного подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Убежден, что и через десятилетия люди будут черпать из этой книги уроки истинного мужества, силы духа и человечности. Эта мысль стала особенно актуальной в наши дни – в начале третьего десятилетия XXI века в связи с событиями в нашей стране, на Украине, в Европе и мире, когда фашизм и нацизм вновь поднимают головы. Мы должны не только помнить, но и предвидеть все сложности и уметь побеждать как и в суровые годы Великой Отечественной войны.

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ КИКНАДЗЕ

доктор исторических наук, кандидат военных наук,
доцент, полковник, член-корреспондент Российской академии
ракетных и артиллерийских наук

Важнейшая функция памяти, по мнению профессора Рафаэля Лемкина (Лемке), автора термина «геноцид», состоит в том, чтобы стимулировать человеческую совесть. В 1933 году, на 5-й Конференции по унификации международного уголовного права в Мадриде он предложил объявить действия, направленные на уничтожение или разрушение расовых, этнических, религиозных и социальных сообществ, варварским преступлением по международному праву – «*delictio juris gentium*». Именно такое преступление – геноцид советского народа

– осуществляла Германия и её многочисленные сателлиты из государств Европы на оккупированной территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Издание данной книги – дань памяти и уважения всем, кто стал жертвами нацизма. Она необходима, чтобы укрепить мировоззренческие основы, моральные и политические, идеологические ориентиры современного общества.

Уходит в вечность поколение, которое родилось в 20 - 30-х годах прошлого столетия. Автор-составитель данной книги успел записать интервью с ними, пообщаться лично и сохранить правдивые воспоминания очевидцев войны для будущих поколений.

Несмотря на то, что время стирает в воспоминаниях ужасы Второй мировой войны, постепенно угасает жизнь тех, кого её пламя безжалостно обожгло в детском возрасте. Эти дети, которых фашисты гнали в неволю, когда-то, в довоенной жизни, весело бегали вместе со своими ровесниками, слушая уроки истории о том, что когда-то в мире было рабство. Не догадывались они, что в XX веке лишатся своего имени – останутся у них только номера, что по их спинам будет ходить кнут! Человек под номером, с нагрудным знаком «OST» губил вместе с именем и свою судьбу.

История использования германским национал-социализмом рабского и принудительного труда, жизнь узников, к сожалению, предаётся

забвению в Европе. Можно что-то забыть, если оно не имеет значения. Эти же страницы памяти наполнены страданиями, унижением, болью для целых народов. Это искалеченные судьбы, разбитые семьи и сердца. Это сотни тысяч человеческих жизней, похороненных на чужбине. Это сотни тысяч умерших от последствий издевательств и пыток, пережитых страданий уже на Родине. Это тысячи ещё живых, кто несёт в себе боль, обиду, у кого сегодня плачет душа только от воспоминаний о прошлом. Есть ли в мире эквивалент этим мукам?

Оглядываясь в прошлое, связанное с трагическими перипетиями Второй мировой войны, прежде всего, важно знать правду, какой бы суровой и жестокой она не была.

Об этом думаешь, перечитывая воспоминания тех, кому волей неминуемой судьбы суждено было пройти через концлагерный ад, муки подневольного труда на чужбине, наяву ощутить истинную дьявольскую сущность немецкого нацизма.

Важно отметить, что эти люди, сказав жизни ДА, смогли создать свои союзы, ассоциации, общественные организации, которые призваны объединить бывших узников, направить их усилия на гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Книга воспоминаний бывших узников-жертв нацизма, добросовестно составленная А.С. Саенко – уникальный документ о прожитом и пережитом. Она всегда будет оставаться актуальной, поскольку предлагает исповеди наших соотечественников, земляков, которые несмотря на эхо всех бед, смогли остаться собой. Именно поэтому не стоит требовать от героев этой книги «сглаживания острых углов», соответствия их взглядов вчерашней или завтрашней политико-идеологической конъюнктуре.

Такая книга крайне нужна, чтобы молодое поколение знало правду о прошлом, чтобы сегодня от рук неонацистов прекратили погибать и страдать дети на земле нашего Отечества, победившего фашизм и нацизм в 1945 году, чтобы обеспечить действенность принципа неотвратимости наказания за преступление геноцид и предотвратить его в будущем.

ДУШВИЦ

Концентрационный лагерь Аушвиц (Освенцим) был основан в 1940 году на предместьях города Освенцима. Концлагерь изначально был задуман в качестве средства террора по отношению к поработанному польскому народу, местом изоляции и впоследствии истребления сотен тысяч польских патриотов. Шестая часть всех евреев, погибших от рук нацистов, была отравлена газом в Аушвице. Всего через Аушвиц (Освенцим) прошли более 4 миллионов человек, из которых 234 000 детей. Погибли более 1,1 миллиона, из которых около 1 миллиона – евреи.

В 620 бараках лагерей Аушвица содержалось постоянно 180-250 тысяч заключенных.

В марте 1942 года начали ежедневно прибывать поезда, привозившие евреев. Во многих случаях, в течение одного дня прибывало несколько поездов, в каждом из которых находилась тысяча и более жертв из гетто на территории Восточной Европы, а также из стран Западной и Южной Европы. В течение 1942 года шли в Аушвиц транспорты из Польши, Словакии, Голландии, Югославии и Терезинштадта. Евреи и цыгане продолжали прибывать и в течение 1943 года. Венгерские евреи были привезены в Аушвиц в 1944 году, наряду с евреями из оставшихся польских гетто, также подлежащих ликвидации.

К августу 1944 года в Аушвице находилось 105 168 узников, в то время как еще 50 000 заключенных - евреев находились в лагерях - спутниках Аушвица. Население лагеря постоянно росло, несмотря на число смертей в результате уничтожения, голода, изнурительного труда и эпидемий.

Средняя продолжительность жизни заключенного в Освенциме составляла три месяца. Узники представляли собой ходячие скелеты, обтянутые кожей. Кузнецов Алексей Ермилович в 23 года, когда его освободили из лагеря, весил чуть больше 20 килограммов!

По прибытии на платформу в лагере евреев выгружали из вагонов (личные вещи оставались внутри), выстраивали в две шеренги, мужчин и женщин раздельно. Офицеры СС, в том числе печально известный доктор Йозеф Менгеле, проводили селекцию среди стоявших в шеренгах, отправляя большинство жертв в одну сторону, тем самым приговаривая их к смерти в газовых камерах.

Среди тех, интересовавших любознательного доктора, были: пересадка органов и тканей, операции по смене пола, исследования в области ограничения рождаемости для представителей «неполноценных» рас и увеличения плодовитости немок. Не чурался доктор Менгеле и изучения последствий воздействия на людей различных химических и ядовитых веществ. Особенно же его занимали близнецы – для них у Менгеле была разработана особая программа исследований, которая не прекращалась даже со смертью испытуемых. Данных о точном числе подопытных Менгеле нет, однако известно, что из трех тысяч отобранных для экспериментов детей в живых осталось менее 200.

Однако, по словам коллег, «Ангел смерти» был приветлив, приятен в общении, чистоплотен, на детей не кричал, часто улыбался.

До мая 1943 года все дети, родившиеся в освенцимском лагере, зверским способом умерщвлялись: их топили в бочонке. Это делали медсестры Клара и Пфани. Первая была акушеркой по профессии и попала в лагерь за детоубийство. Поэтому она была лишена права работать по специальности. Ей было поручено делать то, для чего она была более пригодна. Для помощи к ней была приставлена немецкая уличная девка Пфани. После каждых родов из комнаты этих женщин до рожениц доносилось громкое бульканье и плеск воды. Вскоре после этого роженица могла увидеть тело своего ребенка, выброшенное из барака и разрываемое крысами.

В мае 1943 года положение некоторых детей изменилось. Голубоглазых и светловолосых детей отнимали у матерей и отправляли в Германию с целью денационализации. Пронзительный плач матерей сопровождал увозимых малышей.

Меньшая часть отправлялась в другую сторону, означающую принудительные работы. Приговоренные к смерти уничтожались в тот же

 Мешки с волосами уничтоженных узников Аушвица

день, их тела сжигались в крематории. Тех, кого не отправили в газовые камеры, посылали на «карантин», где их обривали, одевали в лагерную униформу и регистрировали как узников лагеря. На левой руке делалась татуировка с личным номером заключённого. Большинство узников затем отправлялись на принудительные работы в Аушвиц I, III, лагеря-спутники, или другие лагеря, где продолжительность их жизни обычно составляла несколько месяцев. Продолжительность жизни узников, оставшихся в «карантине», составляла несколько недель.

Некоторые из узников Аушвица, в том числе близнецы и лилипуты, использовались для мучительных медицинских опытов. Их проверяли на выносливость в ужасающих условиях, таких как экстремальный холод или жара, или стерилизовали. Несмотря на чудовищные условия существования, узникам Аушвица удавалось оказывать нацистам сопротивление, в том числе вооруженное, и совершать побег. В октябре 1944 года члены зондеркоманды, работавшие в крематории, сумели убить нескольких эсэсовцев и вывести из строя одну из газовых камер. Все бунтовщики погибли, оставив после себя дневники, содержащие свидетельства о происходящих в Аушвице изверствах.

Нацисты не гнушались обувью, верхней одеждой, чемоданами, очками уничтоженных людей – всё это складировалось и отправлялось потом в фатерлянд для дальнейшего использования гражданским населением.

Из трупов заключённых варили мыло, что подтвердили исследования Института национальной памяти Польши, проведённые в 2006 году. Был проведён анализ мыла, фигурировавшего на Нюрнбергском процессе.

Преступные действия были окружены глубокой тайной. Чтобы заметить следы преступлений, в конце 1944 года эсэсовцы взорвали газовые камеры и вывезли из лагеря большинство заключённых. Но руины взорванных газовых камер и крематориев, сохранившиеся планы и другие документы дают представление о масштабах и механизме действия этого устройства массового уничтожения.

В январе 1945 года советские войска подошли к Аушвицу. В ходе отчаянного отступления нацисты отправили 58,000 оставшихся в живых узников в «марш смерти» в Германию, по пути большинство из них были убиты. Красная Армия освободила Аушвиц 27 января; во всем комплексе солдаты обнаружили всего лишь 7 650 едва живых заключённых.

 Освобождение Красной Армией узников Аушвица

СИМОНОВА ЛАРИСА СТЕПАНОВНА

Мне еще в детстве говорили, что я «в рубашке» родилась. Родилась 20 апреля 1937 года в г. Макеевке – жемчужине Донбасса в семье военнослужащего.

Мой отец – Конашевич Степан Николаевич, 1909 года рождения, мать – Ольга Дмитриевна, 1913 года рождения, по комсомольским путевкам прибыли в г. Макеевку на строительство коксохимического завода в 1933 году. Отец был военным и вскоре отбыл к другому месту службы. Присылал мне откуда-то красивую одежду, в яслях я была самой нарядной из всех. Смутно

помню, как отец приехал однажды домой с турецким одеялом для мамы и подарком для меня – это была огромная кукла с кроваткой. Потом родилась сестра Аллочка, и папа (он служил в Севастополе) настоял, чтобы мы к нему переезжали. Мы собрали вещи и приготовились к отъезду. А наутро началась война. Помню, что творилось в доме, когда люди узнали страшную новость: все шумели, кричали...

Когда началась война, отец остался служить на теплоходе «Украина» в городе Севастополе. Перед началом войны, где-то весной, он получил визу на переезд семьи в Севастополь. Отъезд был назначен на 22 июня 1941 года. Вещи были упакованы, мы ждали контейнер, а утром поездом должны были выехать в Севастополь. Где-то перед рассветом дом загудел, как улей. Хлопали двери, кричали люди, плакали дети. Мать, прижав нас к себе, горько причитала: – «Война, война, война!». Слово-то какое непонятное, но от него холодело в груди. На всю жизнь я запомнила голос Левитана, который несся из репродуктора, оповещая, что началась война. Мы остались на оккупированной немцами территории. Правда Макеевка была оккупирована только в октябре 1941 года. Но мы, малые дети, уже знали, что идет война.

Отрезанный от центра, Донбасс терпел голод и холод, особенно когда в город вошли немцы. До этого матери имели хоть малую возможность менять вещи на зерно, а с приходом немцев стало намного сложнее, так как многоликая армия фашистов мародерствовала не только по жилым домам, а и в пути, отбирая остатки вещей у женщин, которые собирались группами и уходили менять даже в другие области. Мы пухли от голода, особенно маленькая сестра и мать. Оставлять опухших от голода

детей на чужих людей мать не решалась. Она пригласила свою младшую сестру Нину из города Орехово Запорожской области.

Пока приехала тетя Нина, события разворачивались с особой жестокостью. Мать тяжело заболела малярией, сестра умирала от голода и холода. Соседи как могли, поддерживали нас. Чудом удалось спасти мать от неминуемой смерти. Кто-то дал хинин, а также посоветовали положить в мамалыгу несколько штук вшей, которых в то время было уже в изобилии в каждой семье. Мать поднялась с постели, шатаясь, собрала какие-то вещи и пошла на рынок обменять их на кукурузную дерть, а меня оставила с сестрой, положив в лоскут белой марли мамалыгу, завязав ее соской, чтобы я дала сестре, как только она заплачет.

Вдруг резко распахнулась дверь, и в квартиру ворвались мародеры с автоматами на груди. Они хватали все, что попадало под руки: вещи, вилки, ножи, материалы, игрушки. Из шкафа вытащили куклу, которую подарил мне отец. Этого я не могла пережить, начала сопротивляться, открыла окно, стала кричать: «Дяди забирают мою куклу!». Увидев на стене портрет отца в матросской форме, один из них произнес слово: «Морена» и автоматной очередью изрешетил фотографию, она висела над кроваткой сестры, гильзы падали прямо на неё. Осколки разлетелись по всей комнате. Я кричала, сестра вскрикнула от испуга и замерла. Кроватка Алочки стояла у этой же стены, и ей в глаз попало стекло. Я видела, как глазик ее вытек, представляете? Пыталась позвать соседей, а этот тип взял и вытолкнул меня в открытое окно. Я схватилась за ручку и повисла на ней. Он смотрел, как я пытаюсь удержаться, и улыбался. Потом ударил меня. Я упала на грядки, сломала руку, ребра...

Когда мать пришла с базара, то обнаружила полный бедлам, а сестра лежала с почерневшими губками. Она скончалась от разрыва сердца. Аллу мы похоронили на Казачьем кладбище в маленьком фанерном ящике, куда я подложила свои игрушки – восковые уточки.

Вскоре приехала тётя Нина. Мать через некоторое время собралась с женщинами из нашего дома менять вещи в Днепропетровскую область.

Июнь 1942 года. Началась массовая облава по угону мирных граждан в Германию. Город лихорадило от зверств, чинимых фашистами. Ими было создано более двенадцати концлагерей, три биржи, детский дом для проведения вакцинации, опытов и переливания крови у детей, а также массовый угон трудоспособных граждан на принудительные работы. Был установлен комендантский час.

26 июля 1942 года, когда мне исполнилось четыре года и семь месяцев, я помню, как будто это было вчера. Немцы свирепствовали. Тётя решила, чтобы избежать угона, до возвращения матери, выехать из города на некоторое время, пока утихнет, а потом возвратиться в город.

Наскоро собрав вещи, мы малолюдными улицами помчались на станцию. К нашему счастью на пути стоял товарняк, весь облепленный людьми. Крыши, буфера, ступени, все было занято людьми. Тётя поспешила к последнему вагону. И нам повезло. Задняя площадка с тормозным колесом была почти свободна. Там было два человека. Они сжалились над нами и разрешили сесть. Вскоре поезд тронулся в путь. Ехали не спеша, без остановок. Тётя посадила меня в коляску, поставив чугунок с мамалыгой мне на колени, надела шапку, пальто, одеяльцем укутала ноги – на задней площадке было холодно.

Сколько мы находились в пути, не знаю, но запомнила на всю жизнь. В небе загудели самолеты. Раздались взрывы около идущего поезда, а затем стали переворачиваться вагоны, охваченные пламенем. От взрывной волны нас выбросило в пространство. Мы очутились в поле. Тётя с окровавленным лицом и руками схватила меня и прижала к себе. Я закричала от нестерпимой боли. Болело лицо, бок, нога. Осколки надёжно застряли в моем теле. Один в подбородке, несколько в левой стороне живота, один в левой ноге и один маленький в бедре правой ноги. Ни коляски, ни чугунок не было. Только обезумевшие от страха люди метались, освещённые пламенем огня. Мимо нас пробежала женщина, у которой не было половины лица и руки.

Напротив нас сидела женщина, прижав голову ребенка без туловища, валялись тела, головы, руки, ноги. Тётя старалась закрыть меня своим телом, чтобы я не видела всего этого ужаса. Она волоком стащила меня в овраг. Осторожно посадила меня к себе на колени и нежно гладила по спине, уговаривая, что всё будет хорошо. Скоро поедем домой. Вдруг раздалась сирена, и черные грузовики появились у горящего состава. Крик людей усиливался. Лай собак, немецкая речь, крики людей – все смешалось в хаос. На краю оврага появились фигуры немцев с овчарками. Грубо схватив тётю, они попытались забрать её без меня. Но она цепко держала меня за руку, я кричала от нестерпимой боли. Тётю затолкнули в грузовик, а меня бросили прямо на головы людей.

Сколько мы были в пути, и куда нас везли, никто не знал. Нас посадили в товарные вагоны, закрыли и повезли. Людей было очень много, почти все стояли. От усталости и боли подкашивались ноги. Лицо распухло, приняло синюшный вид. В вагоне было душно, дурно пахло, так как люди оправляли свою нужду прямо там. Хотелось есть и пить. Я часто теряла сознание. Тётя своей слюной смачивала мне губы (с её рассказа). Она несла ответственность перед матерью за мою жизнь.

За время пути многие не выдерживали и умирали, но было так тесно, что умершие продолжали стоять, потому что их собой подпирали живые. Вначале их складывали возле стены, потеснившись, но трупы изда-

вали жуткий запах (было лето, жара...). Тогда более сильные выламывали доски в полу и тихонько сбрасывали их под вагон. В вагоне были не только взрослые, но даже грудные дети. Их нечем было запеленать, воды не было. Сердобольные женщины разрывали свои нижние рубашки и отдавали матерям. Трупный запах врезался в мою память навсегда... Я и сегодня не могу бывать на похоронах.

Глубокой ночью мы прибыли на место. Людей выгоняли, как скот. Нас «встречали» эсэсовцы с собаками. Построили. Было много детей. Офицер подошел к нам с тётёй, ткнул стёком ей в грудь и сказал: – «Бордель» (тётя была красивой девушкой), она почему-то плюнула ему в лицо. К нам сразу ринулось два охранника. Тётя повернула меня лицом к себе, я обхватила её руками. Охранники стали срывать с неё одежду, а меня схватили за руки, и каждый потянул в свою сторону. От нестерпимой боли, так как руки были сорваны с плеч и повисли как плети, от болевого шока, я потеряла сознание. Что происходило дальше, я не помню.

Очнулась я уже в бараке на третьем ярусе с привязанными лангетами на руках, в блоке мужского лагеря. Меня прятали, ухаживали, кормили, следили за здоровьем, бывшие военнопленные Продиус Роман и дяди: Гриша и Яша (фамилий не знаю). Потом я очутилась в блоке Б-II-б. За нами, детьми, ухаживали женщины – тётя Мотя, Клава, Паша. И так до освобождения. Спустя два года после освобождения, я, в 1947 году встретилась со своей тётёй Ниной, которая мне рассказала, что со мной произошло после того, как нас разлучили. С тёти сорвали одежду, положили на деревянный тол, привязали, и долго били шпидерутенами по спине, резиновыми палками по пяткам, загоняли под ногти иглы. У неё вся спина и ногти на руках были изуродованы. Мышцы пяток были отбиты от кости. Охранники меня отшвырнули в сторону, где лежали штабелями умершие. В это время к телам подъехала телега, которую везли заключенные и стали нагружать трупы, вместе с ними попала и я. Тётя кричала, билась в истерике, она тогда ещё не знала, куда повезут трупы и меня. Она не знала, что трупы везут сжигать. Больше мы с нею не встречались, она думала, что меня похоронили где-то за лагерем. У неё была одна мысль, что она скажет моей матери, которая ушла менять вещи на хлеб, а меня поручила своей сестре.

Руки мне вправили, поставил на место фельдшер немец-антифашист Хайнц. Какими путями он попал в барак – загадка. Кроме сорванных рук, ещё и два бедра были поломаны.

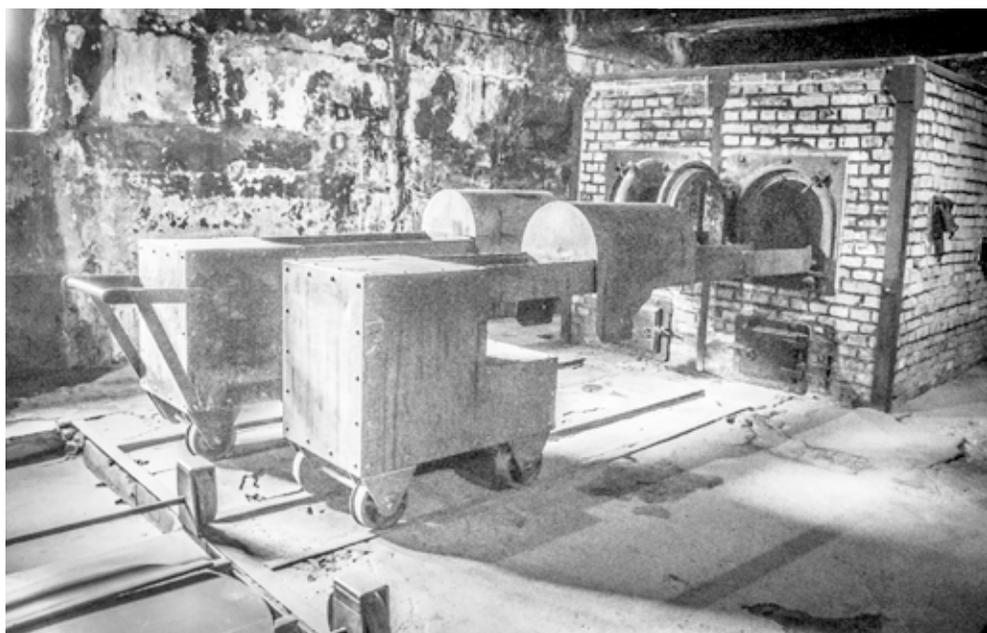
Хайнц успешно справился и с этим. Сколько я была в бараке для военнопленных, неизвестно. Спустя много лет я узнала из уст своего отчима, Продиуса Романа Евсеевича, как это было. В тот день, когда нас разлучили с тётёй Ниной, я очутилась на куче трупов, он «дежурил» у печи крематория. Они с товарищами приехали за трупами с телегой, чтобы отвезти в крематорий. Они складывали трупы на телегу, дошла очередь и до меня. Когда он взял меня из кучи, я застонала от боли, так как придавили поломанные рёбра, и открыла глаза. Не сговариваясь с товарищами, они осторожно положили меня сверху на трупы и быстро покатали в сторону крематория. Там они решили, во что бы то ни стало, сохранить мне жизнь, потому что я звала маму и просила пить по-русски. Роман сказал: «Яка красива дивчина – вона повинна жити». Они вытащили ящик, в который складывали одежду, снятую с трупов, осторожно положили меня туда, и по окончании смены занесли в свой блок. Там уже произошли все метаморфозы с моим пребыванием. Узники свято хранили тайну. Разрабатывали план передачи меня в безопасное место, рискуя не только своей, но и другими жизнями: если бы о моём спасении стало известно, расстреляли бы весь барак.

Так я попала в мужской блок узников, где долгое время пряталась на третьем ярусе нар. Хайнц оказался фельдшером, он вставил сустав на место и наложил лангетки, зафиксировав их телефонным проводом. Я эти цветные проводочки долго хранила. Они казались мне тогда такими красивыми. На третьем ярусе лежали больные, они тихо умирали, и какое-то время я лежала среди остывших трупов. Жирные нахальные крысы выедали у умерших губы, нос, щеки. Меня научили не кричать. Я до сих пор боюсь умерших, а от крыс дохожу до шокового состояния.

Когда мне стало лучше, меня завернули в байковое одеяло (оно долго хранилось мною, пока не было украдено чьей-то циничной рукой) и перенесли в 13 блок. Я кочевала из барака в барак: как только где-то умрёт ребёнок, меня – туда. В целях конспирации в лагере мне давали имена погибших детей. Меня ведь не должно было быть...

Печи крематория работали круглосуточно. Сжиганием трупов занимались сами заключённые. Мы, дети, видели трубы, из которых вылетал коричневый дым, но что такое крематорий, тогда не понимали. А сейчас стоит кому-то закурить под моим окном, я уже задыхаюсь.

Конечно, у меня были друзья, мы с ними играли. Но делали все очень тихо. Нам нельзя было ни общаться, ни смеяться, ни шуметь. За малейшую провинность били резиновой палкой. Бараки наши плохо отапливались, и дети грелись в золе печей крематория. Когда начальница женского лагеря Мария Мендель, при виде которой все замирали от ужаса, застала нас там, подружки мои спрятались, а я не успела. Она наступила

 Печи крематория работали круглосуточно...

мне на грудь сапогом, и я услышала, как затрещали мои кости, а спина запекла от тлеющих углей. Я, конечно, не знала тогда, что лежу на сгоревших человеческих костях.

Взрослые заботились о нас: женщины делали из тряпок куклы, мужчины передавали нам такие фигурки фанерные и кремешки – их вытачивали для нас на каменоломне. А Мария Мендель игрушки у нас отбирала. Ели мы строго по команде. В бараке, на всю его длину, стоял стол, а за спиной у нас – надсмотрщики. Не дай Бог повернуться или заглянуть кому-то в миску, перекинуться с соседом хоть словом – избивали тут же. Комендант дает команду: «Achtung!», и все должны повернуть головы. «Eine Loffe Suppe und ein Brot!» – это значит, что надо набрать только одну ложку супа и только один раз откусить хлеб. Раз в день давали прокисший суп из нечищенной брюквы, с землёй, с червями. Потом – ломтик хлеба в палец толщиной и мармелад из свеклы или маленькую картошку. И больше ничего. Вода – в строго ограниченном количестве. Напиться, когда хотелось, было нельзя. Руки вымыть было нечем, мы все были грязные, страшные. И у каждого – вши, несметное количество. У меня на ноге до сих пор осталось пятно – я тогда расчесала рану, и в ней завелись черви. Рана выгнила, и из неё выглядывала жёлтая кость.

Больных отправляли в госпиталь, но это была верная смерть. Там на детях ставили медицинские опыты, поэтому женщины до последнего старались уберечь нас от такой «помощи». Помню, как приезжал очень

 Йозеф Менгеле

красивый человек, напыщенный такой. Он отбирал детей, в том числе и близнецов. Это был сам Йозеф Менгеле (доктор, проводивший опыты над людьми, отличавшийся уникальной жестокостью и получивший кличку от заключенных Ангел Смерти). Детей, отобранных Менгеле, возили в центральный лагерь. Меняли им цвет глаз, впрыскивая в них химикаты, делали инъекции прямо в сердце, ампутации без анестезии, анатомировали живьем – обращались с ними, как с материалом. И над взрослыми опыты ставили тоже. Оставшиеся после этих опытов в живых, умерщвлялись.

Кстати, в соседнем бараке было что-то наподобие родильного отделения – но не в том смысле, что женщинам помогали справиться с родами. Там работала полька-акушерка и уличная девка-немка, которые следили за

тем, чтобы роженицы топили своих младенцев, или же делали это сами. Когда в нашем бараке, прямо на земляном полу, родила женщина, к ней подошла немка из заключённых, подцепила ребенка лопатой и живьем кинула в печку-буржуйку.

В 1995 году, приглашённая в Германию немецким правительством, я безошибочно нашла свой блок, свои нары. Когда мы приехали в Освенцим, все подумали, что я экскурсовод, – так я запомнила все детали. Показывала, где стояла буржуйка, где были бараки и печи крематория. Хотя мы, дети, тогда и не

понимали, что такое крематорий. Видели трубы, из которых вылетал коричневым дым. Его запах я запомнила на всю жизнь. Из-за этого никогда не бываю на пикниках, где жарят мясо. Стоит кому-то закурить под моим окном, и я уже задыхаюсь. Как собака, чую запах нечистот – и это тоже метка Освенцима. Дети, изнурённые дизентерией, ходили в грязной одежде – ни помыться не было возможности, ни постирать.

Время от времени в лагерь приезжали богатые немцы и покупали себе работников. Я приглянулась супружеской паре из Веймера и меня забрали работать на ферму. Я была приставлена обслуживать толстую и злую свиноматку. До сих пор на моих руках сохранились шрамы от её укусов. Но со свиноматкой я пробыла недолго: застукав меня за воровством еды из свиного корыта, фрау перебила сапогами со шпорами пальцы на моих руках и снова отправила в лагерь.

Я достигла своего детского Олимпа – стала учительницей и отдала школе 45 лет. А сказочные горы, на вершинах которых лежит снег и у подножия которых цветут розы, я увидела однажды в Кисловодске и заплакала, так и оставшись непонятой другими туристами.

Когда Освенцим освобождала Советская Армия, произошло чудо – в одном из бойцов я узнала своего спасителя Продиуса. Оказалось, что Роман Евсеевич бежал из Освенцима, и пристал к нашим войскам. На Родину мы возвращались вместе.

Но вот незадача – я, пережившая за два года столько стрессов, что хватило бы на сотню взрослых, забыла не только Макеевку, но и русский язык. Я, шестилетняя, говорила по-немецки лучше, чем по-русски.

Роман Евсеевич устроился работать на металлургический завод, получил комнату в общежитии с категорическим запретом брать туда с собой дочку. Чтобы не отдавать меня в интернат, он сделал домик в шкафу, где я успешно пряталась от уборщицы, пока отец трудился в цеху. На прогулку я выходила ночью – через окно, ну а вслед за мной – он, но через дверь, конечно. Как-то он принес с завода портянки. Покрасил их бузиной и сшил мне костюм, представляете?! Шаровары и «бобочку». Под выходные покупал семечки, чистил их для меня, угощал зернышками. А еще – макуху приносил. Для меня это был такой праздник – я вам передать не могу. Вскоре ему стали выдавать продпаёк, в котором был рафинад синеватого цвета и хлеб. Вкус этого сахара, запах того хлеба я никогда не забуду.

А свою родную маму я встретила в очереди за хлебом, и, соблазнённая петушком на палочке, согласилась навестить незнакомую и почему-то рыдающую тётю, но только в компании с папой. Так я не только вернулась домой из лагеря смерти, но и привела овдовевшей маме любимого человека, мужа, с которым она в счастье и согласии прожила до старости.

На этом чудеса можно было бы считать исчерпанными, если не считать мои достижения в спорте, два высших образования и материнство вопреки прогнозам врачей.

Тогда в Киеве в Доме офицеров состоялся первый съезд малолетних узников концлагерей. В числе 800 делегатов была и я. На съезде был создан Международный союз малолетних узников фашизма. Через год по моей инициативе такая организация появилась в Донецкой области, а в 1991 году – в нашем городе. Меня избрали ее руководителем.

С тех пор прошло уже более 20 лет. За это время проведена огромная работа. Город узнал фамилии семи тысяч человек, побывавших в фашистской неволе. Это позволило многим улучшить свое материальное положение благодаря компенсационным выплатам Германии.

ЛЕВЧЕНКО ЛИДИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Родилась я в Макеевке. В детстве мечтала стать певицей. Когда началась война, во время оккупации немцы на 4 года отправили меня в концлагерь Освенцим (Аушвиц). Привезли нас в лагерь ночью. Мне сразу присвоили и выкололи на руке номер 22896. С этого момента

исчезли мое имя и фамилия, а появился только номер 22896. Я тогда еще не осознавала, куда я попала, и что мне предстояло пережить. Это была настоящая фабрика уничтожения людей. Впереди меня ждал долгий, мучительный, страшный и непереносимый путь, выжить на котором было почти невозможно.

В лагере было голодно и холодно. Условия жизни – непереносимые. Тучи вшей и клопов разносили заразу. Я сразу заболела чесоткой. Из-за клопов, стонов, тяжелого спертого воздуха спать было невозможно, ко всему еще полчища крыс охотились за людьми: лежачим отгрызали уши, носы, пальцы.

Однажды я совсем выбилась из сил, не могла грузить вагонетку. Это заметила надзирательница, жестко избивала меня плеткой и ногами. Я упала, обливаясь кровью. После смены меня бросили к телам умерших...

Когда открывали вагоны вновь прибывших эшелонов, из них падали полуживые или уже мертвые люди. Выжившие еле держались на ногах. Их сразу же сортировали. Женщин – отдельно, мужчин – отдельно, а детей и стариков – в крематорий, чтобы сжечь живьем!

Надзиратель заставил нас таскать землю лопатами из одной кучи в другую, причем на коленях. А мы были не в состоянии это делать. Тогда он приказал лечь всем попарно спинами на землю и стал ходить по людям, как по шпалам. Раздавался треск костей, ломались ребра, стояли стоны и крики. От такого ужаса умерли сразу 14 человек.

Как-то нас заставили убирать территорию крематория. И вот что мы увидели. Из чистого зала вел длинный коридор в помещение, где люди раздевались и складывали одежду, рассчитывая, что после «бани» они вернутся сюда. Затем, получив мыло и полотенце, шли в «дезинфекционную камеру». Входили в огромную пустую комнату, где не было ничего, кроме закрытых колпаками отверстий, из которых начинали сыпаться голубоватые комочки – газ «циклон», который подавали так, что люди мгновенно не умирали, а долго мучились. Трупы застывали в позах отчаянной мучительной борьбы. Умерших было так много, что их не успевали сжигать, поэтому складывали в штабеля.

Я видела такое, что невозможно представить себе даже в самом безумном кошмаре. Там, куда стаскивали трупы со всего лагеря, были не просто горы, а целые горные завалы невероятного количества тел. Штабеля, штабеля и штабеля недогоревших трупов, просто брошенных и сложенных в шестиметровые квадраты по 80-85 в каждом. Можно было идти и идти среди них, и конца и края этим горам не было.

В апреле 1945 года нас освободили американские войска. Трудной была дорога домой, на родную землю. Ехали мы почти четыре месяца. Поезд дважды терпел крушение (это были диверсии). После этого пришлось три дня идти пешком. От Польши мы ехали машинами, но и тут нас поджидала опасность – бандеровские банды нападали на транспорт и расстреливали людей прямо в машинах. Спокойно мы вздохнули только на своей земле. Сюда добирались кто как мог. Ехали на крышах вагонов, на открытых платформах, в переполненных до отказа поездах.

Только 11 сентября 1945 года я переступила порог родного дома... Были крики, слезы, суета, обмороки родных, но... от большой радости.

После войны свою мечту стать певицей я так и не осуществила. Голос подвел – сказались испытания в Освенциме. Но я устроилась на пост

управления № 3 на Макеевском металлургическом заводе, где проработала всю жизнь.

Вышла замуж за хорошего парня – преподавателя ремесленного училища Александра Добрынина. Родила двух дочерей. Правда, супруг не дожил до внуков и правнуков.

Страшно, больно, мучительно, почти невыносимо вспоминать о пекрежитом в концлагере Освенцим. До сих пор меня преследует один бесконечный кошмарный сон, в котором я таскаю на себе разлагающиеся тела, слышу грозный лай собак... И по сей день я чувствую на себе злое око охраны, отчего оборачиваюсь и вздрагиваю.

Не дай Бог этому кошмару повториться! Нет и не будет оправдания фашизму!

АФНАСЬЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

Я, Екатерина Алексеевна Афанасьева (Каплан), 1921 г.р., до войны работала в Ялте Первомайского района.

Когда началась война мне было 20 лет. Я работала в местном колхозе. Весной 1942 г. в село вошли румыны. Никто не успел эвакуироваться. Летом созвали молодежь на собрание. Окружили и, не дав вернуться домой, попрощаться с родными, вывезли под конвоем на станцию в Мариуполь. Погрузили в телячьи вагоны и привезли в Гамбург.

На «рабском рынке» продавали нас хозяевам. Меня выбрал «бауэр» (сельский богач) из села Прыцвальк.

Работали на огороде, в саду, в коровнике и т.д. По воскресеньям давали выходной. Встречались с нашими девушками с заводов. Их плохо кормили, и я начала им помогать. Собирала за неделю продукты, а в воскресенье выносила тайком. Так продолжалось около года. Я осмелела и стала больше готовить, складывала за забором, а они, как бы мимо проходя, забирали.

Но однажды хозяйка это обнаружила. Хозяин не хотел заявлять в полицию. Он был добрым человеком. А она вызвала полиция. Арестовали за воровство у хозяина. Из гамбургской полиции этапом меня отправили в тюрьму в Берлин. А оттуда этапом с евреями в Освенцим. Получила №79387, с которым живу до сих пор. Я черная гречанка с пышными волосами, и меня принимали за еврейку. Мои знакомые по тюрьмам прятали меня. Осталась живым свидетелем всех страшных издевательств.

Пережила голод, жила в бывших конюшнях без нар на цементном полу, на рабском труде. Видела костры горящих узников, виселицы с повешенными. Описать и рассказать это невозможно.

Женщины стригли меня часто, чтобы не заметили мои волосы. Я пряталась всегда от глаз полицаев, чтобы не попасть под массовый расстрел евреев. Долго меня мучили сны из той жизни.

Поздней осенью, уже шел снег, нас вывезли из Освенцима на открытых платформах в «KZ» Дахау. По дороге так засыпало снегом, что многие не доехали, умерли на платформах.

В Дахау были нары, и нам показалось, что мы попали в рай. Лохмотьями, но можно было на ночь укрыться.

Я заболела тифом, но только благодаря дружбе и солидарности узников я выжила.

В мае 1945 г. нас освободили американцы и англичане, которые сделали все, чтобы спасти нас от истощения и болезней. А затем передали советским войскам.

В Советской Армии меня взяли в 380 полк НКВД на подсобное хозяйство. Мне, «воровке», доверили бригадирство. У нас были коровы, свиньи, лошади, птицы. Мы кормили нашу армию.

Там я и вышла замуж за старшину Николая Никитича Афанасьева, теперь покойного. После демобилизации вернулись в Ялту, Первомайского района. Там и жили.

Всегда в моих молитвах поминаю павших в войне солдат: американской, английской и нашей, Советской, армии, и низко кланяюсь живым за наше спасение.

26.01.2006 г.

ГОТОВЧИЦ АНАСТАСИЯ АНТОНОВНА

Мой сын Иван был в партизанском отряде. Налетела черная стая немчуры, которая ворвалась в деревню и арестовала меня, а также других, которые не успели сбежать. Их били до потери сознания, затем отвезли в Барановичи и бросили в холодный тюремный подвал. Еду давали в день 100 граммов хлеба и пол литра баланды. Вызвали несколько раз для допроса и жестоко избили. Из Барановичей отправили в Колдычев, где пришлось пережить самые тяжелые мучения: избивали здесь много раз в день, натравливали собак, но даже собаки имели больше милости, чем проклятые

гестаповцы. Снова жестоко били, и всех спрашивали о местонахождении партизан. Но только и тут я молчала. Мне вывернули руку, куски мяса были вырваны, но нацисты ничего не добились. Я не боялась умереть тогда. Я решила, что лучше умру, но не скажу им ни слова о партизанах.

Из Колдычева нас отвезли в концентрационный лагерь Аушвиц, расположенный в шести километрах от Кракова. Здесь нас ожидали новые ужасные муки. Их выдумывали гестаповцы, как могли, издеваясь над нами. Однажды нас отвезли в баню и согрели паром, а затем голых выгнали на три часа под дождь и холод. Многие тогда умерли от простуды.

Каждый день нас выгоняли на работу, чтобы нести камни, строить траншеи, рыть канавы. Весь день, не разгибаясь, нас заставляли работать. Над нами стояли конвоиры, которые забивали на смерть человека. Я помню, как мы собрались у костра, чтобы согреться, а немец пустил на нас собаку. Люди убежали во всех направлениях. В этой суматохе я сломала ногу, которая у меня до сих пор не рабочая.

В лагере Аушвиц было 5 адских печей, которые ежедневно сжигали до 2 000 человек. Мы носили красные кресты, у каждого заключенного был номер на руке. Он, как признак ужасной жизни, остался на все время. Это номер 79578.

Родная Красная Армия освободила нас от неминуемой смерти, не позволила гестаповцам сжечь нас в печах. Они уничтожили их до прибытия Красной Армии, чтобы уничтожить следы своих кровавых преступлений.

Трудно, просто невозможно передать чувство, с которым мы приветствовали наших воинов-освободителей. Все слезы были выплаканы, мы целовали наших сыновей, братьев и мужей красноармейцев. Мы просили отомстить их за все издевательства, потому что люди сгорели заживо. Нам дали новую одежду и хорошо кормили. Мы чувствовали заботу человека, нас согревали теплые лучи сталинского солнца. И радость росла с каждым днем.

И вот я снова на родине. Я хожу по знакомым мне с детства тропам, дышу свежим воздухом. Никто не стоит над моей спиной с палкой, и нет запаха гари человеческой крови и плоти.

САГОРСКИЙ ПЕТР ИОСИФОВИЧ

Когда мне было 16 лет, нас забирали на работу в Германию. Меня привезли в Судетскую область, на фабрику. Я хотел перейти фронт, но меня

поймали в горах. Девять месяцев пробыл в тюрьме, и отправили в Освенцим (Аушвиц).

Когда я прибыл в Освенцим, там рассказывали разные жуткие вещи. О том, что там людей уничтожают: травят газом, сжигают. Кушать нам давали гороховый суп раз в день. Первые три дня последние человек 8 в очереди еду не получали, им не хватало. А хлеб давали, граммов 150, мало. Давали или кусочек маргарина или мармелада на хлеб. Трое суток я не ел супа. В лагере было 220 000 человек постоянно. Немцев было больше всего. Я был в Бжезинке, по-немецки Биркенау 1. Были англичане, американцы, русские. Все в полосатой одежде. Ночью я не мог спать. Рядом крематорий, запах плохой. Подходил я как-то к крематорию посмотреть, рядом стоял. У меня был товарищ, который работал в команде крематория. Там были ямы, он рассказывал. Были там залы, где отравляли. И этот товарищ мне все рассказал. Говорил, когда людей отравленных выбрасывали, зажигали большой костер и со штабелей, где были сложены трупы, их брали по одному. Люди же легкие были, по 30 килограммов. Некоторые сгорали, еще не долетая. Такая жара была. Потом золу чистили, ее отправляли на поля. И когда трупы сжигали, чистили, золу собирали, находили там золото. Он спрятал там несколько килограммов золота.

За пайку хлеба я купил себе ножницы, которыми проволоку можно было перерезать и лайковые белые перчатки.

В Освенциме эсэсовец мог попросить заключенного принести что-нибудь, подобрать. Тот пойдет, а эсэсовец его сразу застрелит. Убивали кого хотели. За убийство заключенного эсэсовцы получали две пачки сигарет.

Один раз я заболел и попал в больницу. Но в больнице были только голые доски, на которых спали. И много вшей. Снял одежду, начал их убивать. Убил двести вшей. Больше вроде не было. Потом лёг. Опять кусают. Снял одежду, еще сто пятьдесят убил. Но я перед этим болел тифом, поэтому я не заразился, а в концлагере очень много умирало от тифа. Поляки вообще были непривычные к таким условиям. Умирали по восемьсот человек в день.

Детей жестоко наказывали. Эсэсовцев специально подбирали жестоких и безжалостных.

С гражданским населением мы никаких контактов не имели. Лагерь был закрыт кругом.

Потом начали записывать, кто хочет куда-нибудь в другой концлагерь. Я тоже записался. Нас в вагон поставили, даже шевелиться было трудно. Привезли в лагерь Лейтмериц – филиал Флоссенбюрга. Здесь работали в каменоломнях. Кормили здесь получше, но работа была тяжелая. Если работы не было, могли посылать зимой, где был лед, долбать его.

Просто так, без надобности. Просто старались мучить людей. И вот я как-то раз тоже пошёл долбить лёд за лагерь, а там рядом жили немцы в доме. Эсэсовец одного заключенного стал избивать, а эти люди вышли и стали говорить, чтобы тот перестал бить. Он прекратил. Иногда нам местные жители давали покусать. Люди, конечно, разные бывают. А сейчас немцы совсем другие люди, вежливые.

В Лейтмерице были десятиэтажные нары. Не было матрацев. Спали на досках. Как-то утром я проснулся, а рядом со мной умер человек. Поднимали на работу в четыре часа утра.

Когда шли на работу, впереди шёл отряд музыкантов, играл на трубах. Человек сто музыкантов. Работать на каменоломне было тяжело. Взрывали камни, убирали потом и складывали камень в вагонетки. Вечером шли снова в концлагерь.

Были люди в черном, которые собирали трупы в лагере. Они их собирали и складывали штабелями у ворот.

А один раз мне выдали деревянную обувь. Я спал на третьем этаже. Кто-то ко мне подошел и пытался снять с меня обувь. А я всегда сплю чутко. Я его как двинул, он и полетел с третьего этажа. Я даже не видел, куда он там полетел. Одежда не было, рядом окно было разбитое, снег прям задувал.

Каждый день давали пол-литра гороха. Один или два раза давали капусту, граммов 300 хлеба и немножко маргарина. Относились очень жестоко. Иногда кого-то вешали и не снимали, чтобы все смотрели. Держали всегда собак наготове. Могли спустить. Последнее время у меня ноги стали опухать.

А в Освенциме еще жестче. Там если кто-то один провинился, барак закрывали, собак не кормили несколько дней, потом спускали туда собак, они разрывали человека.

Пробыл я там семь месяцев. 1-2 мая немцы захватили фронтową разведку, 5 солдат. И расстреляли их. Последние дни войны. Они с орденами были. Это они неправильно сделали. Уже конец войны был, они же видели.

Один раз, когда на работу пошли, отравили эсэсовцев. Угостили их водкой. Там на трёх человек два охранника, на пять человек три охранника. В общем семерых эсэсовцев отравили. Поляки были и русские. Поляков поймали, повесили, а русские оружие взяли и убежали.

В мае 1945 года пришли наши войска. Получилось так, что немцы убежали, а наши ещё не пришли. И я перерезал проволоку ножницами, которые в Освенциме за пайку хлеба выменял, и сбежал из лагеря. Вышел в город. Набрал там целый мешок еды, угощал ещё остальных. Человек тридцать из лагеря спрятались.

Я как освободился, 5 мая, сразу поехал в Прагу. Проезд был бесплатный. Там было много подбитых горевших танков, немецких погибших солдат. Один день я там переночевал в женском монастыре, а 7 мая вступил в Красную Армию и прослужил там 5 лет. Вызвали один раз в КГБ, когда только вступил в армию, может полчаса поговорили, но никто не репрессировал.

21.07.2006 г.

ОЙЖИНСКАЯ МАРИЯ ИВАНОВНА

Когда началась война, мне было 27 лет. У меня было 3 брата и 2 сестры. Жили мы во Львовской области, в селе Бисковичи. В 1941 году меня и сестру Анну угнали в Освенцим. Мы бежали из села, а по пути поезд, в котором мы ехали с сестрой разбомбили немцы.

Мама, брат и две сестры умерли от голода, одного брата убил немец. После того как немцы нас схватили, нас повезли неизвестно куда. Ехали долго, в вагоне было душно, темно, я теряла сознание, а сестра умерла в вагоне.

Когда мы приехали, нам устроили досмотр и отправили в бараки. Спали мы вповалку на соломенных тюфяках, которые были разложены в отдельных помещениях. Эти тюфяки утром, после подъема, нужно было собрать и сложить в углу. Из-за этого солома в тюфяках быстро ломалась, и когда их складывали или раскладывали, в комнатах становилось темно от пыли. В комнатах шириной примерно 5 метров заключенные лежали на тюфяках в три ряда, сжатые до предела. Спать можно было лишь на одном боку. Поскольку места нам не хватало, заключенные, занимавшие лагерные должности, силой уплотняли нас. Если ночью кто-то выходил в уборную, по возвращении он находил свое место занятым.

Нас заставляли очень тяжело работать. Многие умирали по пути с работы, в бараках. В концлагере я переболела тифом. Нас плохо кормили, били. Через несколько месяцев меня забрала немецкая семья. Я пасла животных, потом была в трудовых лагерях на территории Германии.

Когда закончилась война, попала в Польшу, там познакомилась со своим будущим мужем – Стефаном. С ним мы переехали в Харьков, а потом к моей тете в Донбасс. 38 лет и 5 месяцев я проработала в шахте, а в 1969 году погиб мой муж. У меня 2 дочери, 4 внука и 2 правнука. На всю жизнь я запомнила войну.

11.05.1995 г.

КРИВИЧ
НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА

Родилась я в России – Брянский район, с. Котово. Мои родители в поисках лучшей доли в конце 20-х годов прошлого века переехали в Мариуполь. Здесь я окончила семь классов и пошла работать на графитовый завод. Потом началась война...

В мае 1942 года меня и моих подруг немцы согнали на вокзал и в вагонах для перевозки скота вывезли в Германию – на работы. Так я попала в г. Котбус, где меня выкупил один немецкий фермер, но вскоре нас забрали на фаянсовую фабрику, где не хватало рабочих рук.

На фабрике, кроме нас, работали чехи, поляки, французы, которые имели связь с партизанами. Они подготавливали побеги, портили немецкое оборудование. Меня тоже привлекли в такую группу подпольщиков. К тому времени я работала на участке упаковки продукции и погрузке и могла относительно свободно передвигаться по фабрике. Это и использовали в моей работе подпольщики. Но, в конце концов, нас (двенадцать человек) арестовали. Меня в наказание отправили в Освенцим, где накололи №41214 и повесили красную бирку на рубу, что означало: «политическая».

В начале в лагере я исполняла обязанности уборщицы, а летом 1944 года меня отправили в команду по очистке печей крематория, в которых непрерывно сжигали трупы. Это была адская работа: при сжигании трупы поднимались и корчились, и казалось, что они просят о помощи. Те, кто работал вместе со мной, просили у Бога смерти, чтобы перестать видеть этот ежедневный кошмар. Тем более, что и мы были сами похожи на трупы и понимали, что такой конец, наверное, ждет и нас...

После сжигания трупов мы должны были очистить печи от спекшихся человеческих волос и костей. Затем упаковать этот пепел в мешки, которые затем забирали бауэры – немецкие фермеры – для удобрения полей.

Осенью 1944 года я заболела брюшным тифом, и меня отправили в тифозный барак, что уже было приговором к смерти. Но меня и таких, как я, спасло внимательное и заботливое отношение тех, кто обслуживал тифозный барак – на работу сюда люди шли по зову сердца, и, как правило, все они были борцами Сопротивления. А солидарность в борьбе за жизнь между заключенными была очень велика.

В конце 44-го года всех здоровых заключенных начали срочно эвакуировать на Запад – в концлагеря, расположенные на территории Германии, с целью дальнейшей транспортировки в Бразилию и Аргентину для работы на заводах тех стран, в которых была очень мощная немецкая диаспора. А тех, кто был таким, как я, готовили к умерщвлению...

И только благодаря стремительному наступлению Красной Армии мы остались живы и освобождены. К ночи 27 января весь Освенцим был очищен от фашистов, а к утру 28-го была освобождена и вторая его часть – лагерь Биркенау.

Нас, больных, поместили в военные госпитали. Лечили в течение полугода, так как многие из-за перенесенных болезней получили тяжелые осложнения. К лету нас перевели в дом, который был брошен немцами, поставили на полное обеспечение, и мы начали потихоньку сами работать в хозяйственных армейских частях. Тем временем шла проверка документов и подготовка к отправке в Союз...

В январе 46-го я вернулась на Родину – в Мариуполь. Получила паспорт и снова пошла работать на графитовый завод. Люди меня приняли хорошо, за что до сих пор я им очень благодарна.

В послевоенные годы было очень трудно, но мы, пережившие все ужасы войны, верили в лучшее будущее и жили его ожиданием. Я вышла замуж, вырастила двоих детей. И сейчас счастлива в своей семье – дети не оставляют меня без внимания, и на старости лет я не одинока. Единственное, что иногда заставляет просыпаться в холодном поту, сны о прошлом, которые связаны с концлагерем Освенцим...

Сегодня я не перестаю благодарить защитников Отечества, которые в 45-м спасли мою жизнь. А ещё прошу у Бога, чтобы никогда такое не повторилось.

24.01.2008 г.

МАКАРОВА ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА

Когда началась война, мне было 13 лет. Была обычной девочкой. 24 июня 1941 года началась бомбардировка Минска. В Доме офицеров находился продовольственный склад. Люди побежали туда, чтобы запастись хотя бы чем-то. И я побежала. Взяла папиросы для папы и нитки мулине для себя. Бегу по улице и вдруг посмотрела на противоположную сторону и увидела какого-то солдата в незнакомой форме. Он наставил на меня автомат и стал пугать и хохотать. Вот так я увидела первого немца.

Из нашего дома немцы нас выселили. Мы переехали к бабушке в Лагойский район, в деревню Трусовичи. Папа уже был связан с подпольем и ушел в Минск. Полгода от отца не было вестей, и мама отправила меня в город. Вдруг что-то станет известно об отце.

В Минске, на улице Энгельса меня арестовала СД. Бросили меня в подвал, на улице Островского. Сначала я была в одиночной камере, а потом переместили в камеру, где человек 70 было. Сверху нары, а внизу – раненые. Было очень много вшей. Мы их гребли прямо из волос. Их была уйма.

Трудно говорить об этом. Потом меня перевели в другую тюрьму. Там мужчины и женщины содержались в отдельных камерах. Однажды, возвращаясь с прогулки, я встретила папу. Не сказав друг другу ни слова, мы разминулись на лестнице. В этой тюрьме люди спали на полу. Только в моей камере стояла голая железная кровать. Ее фашисты поставили для беременной узницы Марии. Высоко, почти под самым потолком было окошко. Мы подставляли туда кровать и лазали смотреть, нет ли среди заключенных наших отцов, братьев и мужей. Так как я своего отца уже видела, то уступила очередь беременной Марии. И тут «бабах»! Мы не поняли, что произошло. Оказалось, что часовой заметил, что кто-то в окошке высматривает. И он выстрелил. Она упала. Кровать перевернулась. Лужа крови. Вся камера затаила дыхание. По коридору грохот, солдатские сапоги, лай собак. Открывают нашу камеру и всех выгоняют в коридор. Заставили стать на колени. Меня и мою подругу Лену заставили убирать в камере лужу крови и собирать куски черепа.

Из тюрьмы меня отправили в пересылочный лагерный блок. Оттуда поездом в Освенцим. Я была там младше всех. Когда мы вышли из вагонов, я увидела трубы и дым, то говорю: ну наконец-то нас теперь накормят. Кто знал, что это крематорий.

В лагере я увидела свою школьную подругу, но она отворачивалась, делала вид, что не узнает. Боялась, что я ее выдам и расскажу, что она не полячка, а на самом деле еврейка Роза Розенберг. До сих пор мне не верится, что все это было со мной, и я выжила, могу об этом говорить.

На работу гоняли, я была в 18-й команде. Шли через браму – ворота, где играл оркестр из узниц. Шагали под музыку. Боялись повернуться, потому что сразу всю колонну на колени ставили.

В крематории ежедневно сжигали определенное количество людей, и если был недобор, то ночью в барак врывались надсмотрщики, добирали нужное количество и уводили. Засыпая, я никогда не знала, повезет ли мне проснуться.

Иногда пожилые женщины, видя, как ты уже и плачешь, и переживаешь, начинают успокаивать: Валечка, дай руку, мы тебе погадаем. Дашь руку, ладонь, она начинает: «Ой, боже мой! Ты останешься жива! Приедешь домой, увидишь и маму, и папу, и брата, всех увидишь».

 Женский оркестр в Аушвице

27 января 1945 года советские войска вошли в Освенцим. Но я к тому времени была эвакуирована в концлагерь Равенсбрюк. Мы в кандалах. Слякоть, отвратительная погода. Ехали туда дня два или три. Ни у кого уже не было ни хлеба, ни воды. Выставляли баночки консервные, у кого были, и капли дождя собирали, делились со всеми.

Когда приехали, увидели трубы крематория. Равенсбрюк был переполнен. Нам не нашлось места. Нас погрузили опять и повезли в Заксенхаузен. Мы и там оказались лишние. Переночевали на улице. Снова привезли в Равенсбрюк. Из Равенсбрюка повезли в Нойенштадт. Там я уже добывала до дня освобождения.

Было очень страшно. Немцы заколотили двери, окна. Когда пришли наши войска, то рассказали, что немцы хотели нас взорвать, но не успели.

Где меня застал День Победы – не помню. Я была сильно истощена. Не могла двигаться, говорить. Поместили меня в лазарет, потом отправили домой, в Минск.

Родители остались живы, но жили уже в другом доме. Я пошла в вечернюю школу. Познакомилась со своим будущим мужем. Появились сыновья. Пришлось удалить вытатуированный лагерный номер в поликлинике. Работала экономистом до пенсии в министерстве просвещения.

Каждый год 22 июня я надеваю пиджак с пришитым лагерным номером 81356 и красный винкель с буквой «Р» - русская. Надеваю, чтобы все помнили и знали, что такое жестокость, бесчеловечность и война.

КАРПОВИЧ
ЛЮБОВЬ ЯКОВЛЕВНА

Родилась я 1 ноября 1922 года. Жила в рабочем поселке в советской Белоруссии. Работала уборщицей в аптеке для гражданского населения. Вокруг в лесах у нас было много партизан, много было раненых. Моя одноклассница, с которой мы вместе заканчивали 9-й класс, работала переводчицей. А в деревне, где жила моя мама, все были в партизанах. Я из аптеки воровала лекарства, когда начальник уйдет. В основном, брала те лекарства, которые были для заживления ран, а сестра моя относила их партизанам. И в 1943 году моя сестра с подругой понесли лекарства и попали на немецкую засаду. Сестра отбросила лекарства далеко и не нашли их, а подруга бросила как-то так, что нашли и ее тут же застрелили немцы. Мою сестру тогда отправили в Германию. Она закапывала там ямы на аэродроме. А я осталась жить в поселке. Еще перед этим случаем мы провели 8 человек партизан военнопленных.

11 февраля 1944 года меня арестовали. Один из этих военнопленных попал в засаду. Он попал в СД. Его очень хорошо били, и он выдал меня. Ко мне домой приехала группа эсэсовцев. Меня арестовали из дома, а мою сестру, третью, забрали с завода. Она на заводе работала. Отвезли в Бобруйск, в СД. В камере, где я сидела, был провокатор, который агитировал меня, чтобы я бежала. Он знает, где спрятаться, куда идти. Но я не соглашалась. На следующий день меня вызвали на допрос. Допрашивали меня русские следователи, смоленские. Сильно били, ногами, резинами так, что, когда приползла в камеру, у меня вся кофта была в клочья. На допросе я никого не выдала, сестру младшую не сдала. Ее 2 месяца в тюрьме подержали и отпустили. Меня водили по рынку, по городу. Думали, что кто-то из партизан отзовется. Но никто нигде не встретился. По всем знакомым водили. Потом отвезли меня в крепость в Бобруйске. Ее построил Наполеон. Поместили меня там в одиночную камеру. После каждого изменения места жительства, меня били, допрашивали. На каждом допросе я говорила одно и тоже и ни слова больше. Так от меня ничего и не добились. И в конце мая из Бобруйска перевели в Минск, в концлагерь на улице Широкая, в пересыльный лагерь.

Отправляя меня оттуда в Освенцим, сказали: мы отправим тебя туда, откуда не возвращаются. С такими словами я и отправилась в Освенцим. Везли нас в товарных вагонах. Было тесно и душно. Несколько раз бомбили. Привезли меня туда 1 июня 1944 года. Смотрю, на платформе еще 2 состава стоят. В Освенциме было 3 железнодорожные колеи. Повели нас в баню, помыли, волосы постригли. Номер не накалывали. Позже я прочитала, что номер не накалывали тем, кого должны были сжигать. На территории лагеря работали узники: чинили бараки, разносили обед в бочках. Когда нас вели, спросили: откуда вы? Мы сказали: из Минска. Нас, женщин, завели в какое-то здание. Заставили раздеться. На полу стояли емкости, в которых была какая-то скользкая жидкость. Нас заставили окунуть в эту жидкость ноги и повели в камеру. Камера была без окон, только на стене круглое отверстие. А пол был с наклоном. Позже я узнала, что это была газовая камера. Мы долго стояли в этой камере раздетые, тесно прижавшись друг к другу. Я обняла подругу. И тут к нам вбегают немец и спрашивает: вы русские? Мы говорим: русские. Как он нас стал выбрасывать через эту дверь, мы летели один через одного! И не поняли мы, чего нас оттуда выгнали. Снова повели нас в баню, накололи номера. У меня был номер 79914. Карантин. Подъем в 3 часа ночи на апель. Стояли по «пятеркам» до тех пор, пока не сосчитают весь лагерь. День и ночь дымили трубы крематориев. Мы задыхались от страшного смрада горевших тел. Из трубы полыхал черно-красный огонь, а дым плыл, не рассеиваясь, на протяжении нескольких километров.

В каждом бараке стояли в ряды нары в три яруса, на которых спали валетом по 6 человек. Были случаи, когда рядом лежали и живые, и мертвые. В одном бараке находилось около тысячи человек. Было много клопов, тараканов. Кормили очень плохо. Завтрак - пайка хлеба пополам с опилками, кусочек маргарина и кипяток, обед - суп из брюквы. Сначала нас тошнило от такого супа, но позже мы считали его самым лучшим лакомством. Нас заставляли работать на стройках, в полях. Днем под палящими лучами солнца, получая ожоги на открытых участках тела, а утром, замерзая от холода, мы строились на проверку – апель, где стоять приходилось по 3-4 часа, не двигаясь. Отправляли на работу под звуки оркестра в сопровождении эсэсовцев и дрессированных собак, а когда мы возвращались вечером, нас заставляли бежать. Кто не мог бежать от усталости, того расстреливали.

Водили нас на рытье траншей. Три девушки были очень слабы и отставали от колонны. Тогда эсэсовец толкнул их в водоем и, когда они стали тонуть, командовал собакам прыгнуть в воду и вытащить их. Сам же, глядя на бедняжек, очень громко смеялся. А другой эсэсовец бежал по согнутым спинам узниц в траншее в своих тяжелых сапогах и кричал,

чтобы быстрее работали. Одна девушка, изнемогая, упала, и охранник убил ее лопатой по голове. В концлагере мы не должны были знать свои имена и фамилии, а только помнить свои номера.

Помню, моя знакомая заболела туберкулезом, я ей свою пайку хлеба отдавала, одежду дезинфицировала, воду насосом из канала откачивала. Я польский язык знала, а поляки там старожилы были, спрашивали, кого на какую работу. Я отзывалась. Помню, две женщины в бочках суп везли, а я быстрая была, со своей миской подскочила, раз, ее суп у них украла немного и поделилась с девочками. Могли, конечно, за это наказать. Умывальник на улице у нас был. На нарах по двое спали. Утром просыпаешься, бывает, а с тобой рядом уже мертвый лежит. Мы их доставали, и приходилось по мертвым идти к умывальнику. Пол был глиняный, а на ногах колодки были, а так они прям там и оставались в глине.

Трое пытались как-то убежать из лагеря. И распластались на проволоке. Погибли они. Выстроили весь барак и каждого пятого отсчитывали – на расстрел. В Германии создали фонд Максимилиана Кольбе. Он был священником и когда отсчитывали людей на расстрел он спросил: а что будет, если кто-то согласится пойти вместо того человека, которого вы отобрали на расстрел? Эсэсовцы

засмеялись и сказали: да разве же найдется такой? И Максимилиан ответил: я пойду. И его расстреляли вместо совсем незнакомого ему человека. Потом его причислили к лику святых.

Потом, после войны, мы жили в Клайпеде. Приезжал следователь из Москвы, и я его спросила: что мне делать с этим номером? Он говорит: прооперируйте, чтобы никто не видел, потому что в России считали, что проституткам выкалывали номера. Я молодая была, не хотелось, чтобы такое было. В Витебске составили акт, прооперировали, и я уже была без номера.

✂ Максимилиан Кольбе /1884 - 1941/

В Освенциме я была с 1 июня. С 27 ноября я поступила из Освенцима в концлагерь Флоссенбург, команда Митвайда. В моей справке было написано: «не вывозить». Значит, меня нужно было расстрелять.

В Митвайде нас отбирали. Построили женщин, проверяли у нас руки, мы их вперед вытягивали, зубы проверяли. Смотрели тех, кто сможет работать. Гитлер издал указ, чтобы набрать концлагерников для уничтожения трудом. Там мой номер был 55378. В Митвайде было три больших барака. Нас отобрали 500 женщин. Работали мы на станках завода от Миссершмитта. Это я только вот недавно узнала. А когда мы были в лагере, не знали, что это за завод был. На станках делали детали из коричневой пластмассы. Для чего они были нужны, я не знаю. Очень хороший у нас был мастер. Завтраки нам приносил и просил нас: ну поработайте, пожалуйста, еще немножко, меня же за это наказывают. И мы работали, жалели его. Он был такой полноватый, высокий мужчина. И сейчас перед глазами у меня стоит. Работали мы с 6 утра до 6 вечера. Утром давали завтрак. Приводили нас с работы, ужинали и спать. Есть очень хотелось. Из мусорных ям собирали очистки. Лагерь был обнесен колючей проволокой. На вышках были эсэсовцы. Возле проволоки вырывали траву и ели корни. Есть очень хотелось.

В Митвайде содержались только женщины, способные к работе, в основном, пожилые. Таких издевательств как в Освенциме уже здесь не было, нам нужно было работать. Каждый день вызывали на аппель, проверяли, все ли на работе. Дают сигнал, все выходят из барака, строимся ровно по 4 человека. Эсэсовцы пересчитывают всех. Долго считали.

Нас водили на работу тайно. И местные жители даже не знали, что рядом с городом был концлагерь. Сейчас там остались только блоки для эсэсовцев и стоит памятник бывшим узникам. Привез нас туда мэр, был губернатор, директор музея. Когда мы подошли к памятнику, он был закрыт тканью, мне и моей подруге поручили его открыть. Мы открыли, посмотрели, возложили цветы. И нам потом прислали снимки с газетой, кассету и другие газеты, где было о нас написано.

Пытались из лагеря некоторые убежать, но никому не удалось. Забор под электричеством, потом ров большой. Попробуй убегти. А еще вышки пулеметные.

Работали мы до марта. В конце марта пришли мы с работы, поели, легли и сигнал дали на построение. Мы все выбежали, построились. Что будет, мы не знали. А перед этим повесили двух узников и сказали: так будет с каждым из вас, кто сделает шаг в сторону во время того, как мы поведем вас пешком. Несколько дней нас 500 человек водили пешком по лесам южной Германии. Много по пути умерло. Потом

привели в какой-то концлагерь. На ночь положили на нары с другими узниками, те потеснились, мы там переночевали. Оттуда повели на станцию и погрузили в вагоны-телятники. Вагон разделили на две части. В одной части мы, человек 70-80, в другой стороне две эсэсовки и один эсэовец. Отгорожены мы от них были брезентом. Они там свободно жили. Если немного только ляжешь, потом встанешь, то твоего места уже нету. Мы худые были все, страшные. И так нас возили по югу Германии, потом в Прагу. Нас там чехи освободили, но немцы вызвали подкрепление. Нас снова поймали и погрузили в вагоны. Несколько человек смогли убежать. Мы были в полосатых платяхх и одно одеяльце у нас было. В горах холодно. Выпал снег. И начал таять на нас, все течет, неприятно, когда холодная вода течет. Мы стали шуметь, а за нами в вагоне мужчины шумели. И они так шумели, что их немцы расстреляли. Мы тогда уже так тихо лежали, как мыши, терпели все, лежали прям впритык друг к другу. Я уже была в третьем вагоне. А последний паровоз толкал наш состав. Я по натуре была очень боевая, непоседа. Вагоны были без крыш. Женщины меня подсадили. Люди едут на работу, видят нас, бросали нам свой завтрак. Возили нас так в вагонах месяц. Везут, везут, потом остановятся и говорят: вас тут расстреляют!

Потом приехали люди в гражданском и на больших телегах, в бочках привозили суп, медикаменты, одежду. Из вагонов нас выпускали, еду раздавали. На ночь мы останавливались, днем везут. И весь путь за нами следили. И вот мы остановились в Чехословакии. Женщины меня подсадили, я смотрю и говорю: наш комендант что-то сует в карманы себе. Что сует – не знаю. Он подбежал к машинисту и говорит что-то, а тот пожимает плечами, мол, я не виноват или не могу что-то сделать. Тут прибежали в гражданской одежде люди и арестовали нашего коменданта и эсэовцев, а нас вынесли из вагонов и положили. Стоят эти люди гражданские и плачут. Мы такие страшные были. Освободили нас 8 мая. Не успели нас расстрелять. Привезли нас в санаторий возле города Будовиц. Кормили нас очень хорошо в этом санатории. За неделю мы там окрепли и пошли пешком на Венгрию. Пришли в русский госпиталь в городе Цельдёмельк. Нам там предложили поработать в госпитале, у них не хватало работников. Я работала в регистратуре, моя подруга Мария – в изоляторе, а Таня в инфекционном отделении. Так мы работали до октября. Нам давали очень хорошее питание, чтобы мы окрепли. В октябре я приехала домой.

Самым страшным и запомнившимся было то, что нас хотели расстрелять. Мы каждый день ждали. И каждый день говорили, что сегодня нас расстреляют.

КАПУСТИНА ЗИНАИДА ИВАНОВНА

Я родилась в 1934 году. Когда началась война, я была в партизанах, в лесу. Когда немцы стали ближе подходить – забрали нас в лагерь смерти. Кто-то на нас донёс.

Я никогда не забуду день, когда попала в лагерь. Из Витебской области нас привезли к платформе Освенцима. В вагон набивали так много людей, что нельзя было повернуться. Ехали все стоя. Везли 10 суток. По пути останавливались где-то в полях, даже выпускали. На остановках заходили немцы, выбрасывали людей, которые умерли. И поезд шел дальше. И так 10 дней. На одной из остановок моя мама стояла и держала братика Колю. Ему было 3-4 годика. И он очень сильно плакал. Когда немцы выбрасывали покойников, то подошли к маме, взяли Колю и выбросили из вагона. Вагон закрыли и повезли нас дальше.

В лагерь я попала 9 сентября 1943 года. Мне тогда было 9 лет. Когда нас высаживали из вагонов в Освенциме вокруг стояли немцы с овчарками, собаки на нас бросались. Но мы тогда еще не знали кто такие нацисты. Один немец стоял с тростью и когда мы выходили из вагона товарняка, он показывал, кому на какую сторону становиться. Нас сортировали. Только после войны мы узнали, что это была за сортировка – кого в бараки, а евреев сразу в крематорий, газовые камеры.

Этим немцем с тростью был самый главный врач – доктор Йозеф Менгеле. Около него стояли остальные врачи.

После сортировки нас загнали в барак. Там мы переночевали. На следующий день всех остригли, загнали в душ. Два немца стали обливать нас холодной водой. Кто падал, того убирали и в барак они уже не возвращались.

У нас позабирали все вещи, накололи номера на руках, выдали полосатую одежду с черным треугольником на груди, номером, вместо обуви дали на ноги деревянные колодки и отправили в барак. Мой лагерный номер 61957. В бараке было 3 этажа нар, подстилка была соломенная. Там мы жили. Каждое утро нас выгоняли из барака, держали долго на улице. После этого привозили еду: хлеб с опилками и какой-то суп светлый. У нас были у каждого кружки, из которых мы ели. Потом опять загоняли в барак. Условия были очень тяжелые. Голод, холод. Немцы на это внимания не обращали.

Сколько мы пробыли в лагере, я не могу знать. Помню, что нас с сестрой перебросили в другой лагерь, в город Путулицу. Там у нас был пан Йиопок. Он все время ходил с плёткой. Если кто-то из детей не слушался,

то всех выстраивали, ставили на колени с поднятыми руками. Если кто-то падал, то били плеткой.

Из Путулицы нас перегнали в другое здание, где у нас брали кровь. Это был немецкий госпиталь. У нас брали кровь для немецких солдат.

Из Путулицы меня одну забрали, без сестры и отвели в здание. Там был продольный коридор и длинные узкие окна под потолком. Меня положили на кушетку и через некоторое время зашли два врача – мужчина и женщина. Мне делали какие-то уколы. Пищи не давали никакой. Сколько я там пробыла, не знаю. Перед уходом эти два врача приносили мне столовую ложку густого масла и заставляли проглотить. Потом я ложилась на кушетку и отключалась.

Из Путулицы меня отправили в Лодзь. Видимо, подходили наши войска и поэтому нас стали перебрасывать дальше. В Лодзе я встретила свою тетю. В Лодзе мы были несколько месяцев. Там шла дорога, по которой шли отступающие немцы. Нам запрещали смотреть в окна. Если кто-то нарушал запрет, то всех детей ставили на колени, наказывали.

Когда немцы отступали, лагерь заминировали. Уходя из лагеря, они оставили вместо себя комендантом русского, которому поручили накормить нас и взорвать лагерь, но он этого не сделал. Нас выпустили из лагеря. Мы побежали по магазинам, но только один был открыт. Там сидел такой тучный мужчина. Мы стали просить у него хлеба, а он упал и мы поняли, что он мертвый. Тогда мы побежали дальше, по домам, но нас никто в дом не пустил. Поляки были сильно напуганы. Двери нам никто не открывал. Потом слышали, с какой стороны идет стрельба, и побежали туда, навстречу. Добежали до какого-то рва. В этом рву нас и застали наши солдаты. Тогда Красная Армия узнала, что здесь был детский концлагерь.

Нас кормили галетами, кашей. Всех вернули в лагерь и были там до 10 мая 1945 года. Потом нас стали перевозить на родину. Я попала в Киев. Сестра Валя попала в детский дом в Белоруссии. Третью сестру я больше не встречала.

В Киеве я была в детском доме № 13, двухэтажном. Меня положили в больницу. Я не могла ни есть, ни пить. Болели гланды, сделали операцию. Поили нас рыбьим жиром, лечили. Там я окончила семилетку в 1952 году. Потом училась в 9, 10 классе. Поступила в институт им. Микояна. Когда училась, то мы работали на предприятиях. Я попала на спиртзавод. Защитила диплом. И нас отправили дальше работать по распределению. На три года меня отправили на Сахалин работать. Там дали квартиру. Проработала на Сахалине 36 лет инженером-технологом. Там я и замуж вышла, дочь родила, но она умерла от гриппозного энцефалита.

НЕ СОБИРАЛАСЬ ОНА ПОМИРАТЬ...

Из ночных диалогов обитательницы детского (семейного) барака в Освенциме белорусской крестьянки Е.А. Федуро, которая, делая из дырявого тряпья разные забавные штучки, отвлекала малолетних соседей по нарам не только от мыслей о хлебе, но и от мыслей о смерти.

- Не хочу я, тетенька, спать. Ни вот столечко.
- Почему не хочешь? Ночь на дворе.
- Не могу...
- А ты глазены закрой и на другой бок повернись. Попробуй.
- Не буду пробовать. Меня маманя обидела.
- Чего сочиняешь-то! Маманя его обидела. Ишь ты!
- Да, обидела. Днем хлебца обещала, а вечером померла. Аккурат перед ужином. Ее пайку чужим людям отдали.
- Вот ты о чем.
- Хлебца бы мне... Кусочек...
- Ты прости маманю. Не собиралась она помирать. Не собиралась. Точно тебе говорю. Так получилось.
- Все равно обидела. И меня и Настаську.
- А ты поплачь, поплачь за маманей. Не сдерживай себя. В такую минуту положено плакать. Где кручина, там и слезина.
- Нет у меня слезин. Нет, нет! Хлебца бы мне кусочек... Самую крохотулечку...
- Эж, заладил: хлебца да хлебца. Думаешь Настаська – сестренка твоя – отказалась бы какую-нибудь корочку пожевать? Не отказалась бы. А ведь не канючит – спит. Хоть и младше тебя.
- Да не спит она вовсе. Зачем ей спать? Мертвая она, Настаська-то. И уже остыла. Я трогал. Понятно?
- Будет болтать. Пошто она мертвая?
- Не веришь – сама потрогай. Протяни руку.
- И вправду – мертвая... И остыла... Свят, свят, свят...
- «На камин», должно, разом с маманей поедет.
- Кто?
- Настаська наша. Я бы тоже с ней поехал. Страшно одному.
- Что за глупости! Возьми-ка лучше куколку и поиграй ею. Смотри, какая она у нас ладная да нарядная. Нравится?
- Я куколку Настаське на грудь положу. Вместо креста. Она любила твоих куколок.
- Ну, а сам-то с чем останешься?

- Потерплю до утра. А утром ты мне новую куколку соорудишь.
- Терпеть не надо. Вот тебе новая куколка. Спи.
- А я проснусь?
- Проснёшься, проснёшься. С куколками не помирают.

P.S.

Приведённый диалог взят из книги В.В. Литвинова «Коричневое ожерелье» и опубликовался в газете «Судьба» №№ 48-39. Автор – киевлянин, выдающийся организатор Международного союза бывших малолетних узников фашизма, награждённый Российским орденом Дружбы, десятки лет работал над воссозданием правдивой истории узников фашизма из СССР – невольников тысяч и тысяч лагерей, опоясавших страшными коричневыми «ожерельями» с севера на юг и с востока на запад европейский континент, дабы уничтожить на нём все живое, разумное, доброе, что противостояло безумию гитлеровских захватчиков. Примечательно, что многочисленные сообщения, воспоминания, документальные материалы о жизни жертв нацизма концентрировались в Киеве, в Архивно-исследовательском центре Международного союза бывших малолетних узников фашизма по адресу: Украина, 252103, ул. Неманская, дом 7. Сегодня центр не работает.

Елена Архиповна Федуро – жительница деревни Шаши Шумилинского района Витебской области. За связь с партизанами заключена в Освенцим. Номер татуировки 69928.

Собеседник Е.А. Федуро – мальчик Витя, Виктор Васильевич Довгалев. Родился в 1936 году на Орловщине. Из партизанской семьи. Номер татуировки 149734. После войны работал на газоносных месторождениях Оренбуржья.

БУХЕНВАЛЬД

В 1937 году гитлеровское правительство соорудило на горе Эттерсберг концентрационный лагерь Бухенвальд. Это был лишь один из немногих концентрационных лагерей в фашистской Германии. За восемь лет в этом концлагере и его внешних командах эсэсовцами было убито 56 000 человек, из которых 15 000 советских граждан. Всего в Бухенвальде и его 88-и филиалах с июля 1937 по апрель 1945 года было заключено около 250 000 человек.

За забором из колючей проволоки, через которую был пропущен ток высокого напряжения, содержались в заключении люди почти всех европейских национальностей. Среди заключенных были коммунисты, социал-демократы, евреи, евангелические, католические священники, ученые, писатели, деятели искусства. Они влачили существование, которое нельзя было назвать жизнью. Они должны были работать до тех пор, пока не умирали от слабости или не становились жертвой одного из многочисленных убийц в эсэсовской форме. Но варварскому фашистскому режиму никогда не удавалось лишить своих узников человеческого достоинства. Заключенные боролись против террора, помогали больным и слабым, оказывали организованное сопротивление и спасали от виселицы приговоренных к смертной казни. В многолетней, стоившей

неисчислимым жертв борьбе, они создали интернациональное антифашистское боевое содружество.

Среди убитых в Бухенвальде был Эрнст Тельман, наиболее выдающийся деятель немецкого рабочего движения во времена Веймарской республики.

18 августа 1944 года он был убит и сожжен в крематории лагеря эсэсовскими офицерами. Нацистский режим боялся своего узника и не хотел, чтобы вождем всего трудового народа в освобожденной от фашизма Германии стал нестигаемый борец против империализма, фашизма и войны. Поэтому Эрнст Тельман был убит.

В Бухенвальде людей не умерщвляли газом, как в Освенциме и других лагерях. Но это не было признаком гуманности, а лишь соответствовало особой целенаправленности Бухенвальда. Лагерь стал пересыльным пунктом рабов. Крупнейшие концерны покупали у СС заключенных и принуждали их работать. Большая продолжительность рабочего дня, недостаточное питание, нечеловеческие условия жизни и доносы администрации в гестапо опустошали ряды обреченных на рабский труд.

С января 1942 года в Бухенвальде начали проводить медицинские опыты самой различной тематики. Заключенных инфицировали сыпным тифом, туберкулезом и другими опасными заболеваниями для того, чтобы проверить действие вакцин против возбудителей этих болезней.

Самым бесчеловечным мучениям подвергались заключенные евреи и иностранцы, особенно советские и польские заключенные. Жертвы, которых эсэсовцы отбирали для проведения экспериментов, для убийства в карцере, в больничном бараке (лазарете) или для массовых казней, умышленно выискивались из числа этих заключенных.

Причиной этого были фанатический антисемитизм и звериная расовая теория нацистов, которые считали неполноценным все славянские народы и более всего ненавидели Советский Союз.

Больше всего заключенные Бухенвальда боялись жену коменданта лагеря – Ильзу Кох, которая прославилась своими зверствами над

 Эрнст Тельман

 Ильза Кох

узниками. Ильза Кох любила выезжать на площадку перед своим домом на белом коне, в то время как заключённые чистили плац зубными щётками. Или выходила на прогулку в сопровождении свирепой овчарки, натравливая её на беременных женщин и детей. Своим кнутом госпожа Кох секла безбожно всех, кто попадался на ее пути. А после – снимала с мёртвых тел кожу с участками татуировок, особым способом обрабатывала «материал» и шила из него сумочки, перчатки, абажуры и даже тончайшее нижнее бельё. Самым подходящим «материалом» для поделок Ильза называла кожу цыган и русских военнопленных, поскольку они часто имели наколки на груди и спине.

В нескольких метрах от лагеря был построен зоопарк. Он задумывался в качестве «психологической разгрузки» для эсэсовцев и членов их семей после напряжённого рабочего дня. Эльза Кох собственноручно отправляла за вольер узников – на растерзание к двум гималайским медведицам.

Страшная коллекция кусков человеческой кожи явилась весомым доказательством против Эльзы Кох на послевоенном суде. 240 человек были приглашены как живые свидетели зверств, которые творила она, будучи женой коменданта. «Бухенвальдская ведьма» была приговорена к пожизненному заключению. В 1967 году она повесилась в своей камере. Безо всякого раскаяния.

Но истинная человечность проложила себе путь и в Бухенвальде. Заключенные-антифашисты преодолевали преграды, искусственно воздвигнутые нацистами. Они не допускали разделения рас и наций. Их боевое содружество охватывало всех, кто был исполнен решимости оказывать сопротивление.

Особое значение в истории концлагеря Бухенвальд имеет дата 11 апреля 1945 года. В этот день интернациональному антифашистскому активу, опиравшемуся на вооруженные военизированные боевые группы, удалось прорвать забор из колючей проволоки, разогнать фашистскую охрану, которая трусливо пыталась спрятаться, и захватить в плен более 120 эсэсовцев. В течение двух дней, когда лагерь находился между фронтами, им руководил Интернациональный лагерный комитет, а охраняли его вооруженные заключенные всех национальностей. Лишь через 48 часов появилось первое подразделение американской армии. Своим первым приказом американцы потребовали сдать находившееся в руках заключенных оружие. Приказ был выполнен только после протестов. Оружие в руках заключенных было самым явным признаком их собственного участия в разгоне фашистской охраны лагеря. Заключенные знали, что сокрушительные удары Красной Армии уже сломали хребет фашистской Германии и создали первую и решающую предпосылку

 Памятник восставшим заключённым Бухенвальда

успеха их собственных действий. Панический страх перед надвигающимися союзническими армиями привел в замешательство эсэсовцев, сорвал их планы уничтожить заключенных и, наконец, обратил их в бегство, когда заключенные смелым натиском с оружием в руках вырвались из лагеря и проникли в расположение эсэсовцев.

В память о восстании заключенных был учрежден Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Тернистый путь страданий всех выживших узников Бухенвальда после мучительных лет закончился 11 апреля 1945 года. Но смогут ли когда-нибудь быть искуплены все злодеяния СС?

МАРЧУК ВЛАДИМИР ИОСИФОВИЧ

Я родился 26 апреля 1926 года в Умани. Настоящих своих родителей не знаю: меня подобрали в кустах Софиевского парка, где я был оставлен

женщиной, которая меня родила. Подобрал меня директор приюта по фамилии Сошинский, дал свою фамилию и назвал Юрием. Когда мне исполнилось два года, меня усыновили Иосиф Парамонович и Мария Федоровна Марчук. Меня переименовали и нарекли Владимиром. В предвоенные годы наша семья жила нормально. Все разрушилось с приходом немцев. Родные старались спрятать меня, но в 1942 году немцы выловили нас, подростков, и угнали на полевые работы. А затем в немецкий Лейвенберг.

Нас, угнанных украинцев, в этом населенном пункте было пять человек. И мы все решили бежать на Родину. Ребята давно готовились к побегу – у них была карта. Шли ночами, днем отлеживались в кустах. Но на мосту через реку Одер нас поймали. Двум удалось сбежать, а троих, в том числе и меня, отправили в тюрьму, а затем в Освенцим, где я и получил номер, с которым живу до сих пор – №188555.

Началась каторжная жизнь: мы работали на строительстве концлагеря Биркенау и в каменоломнях. И все это время непрерывно шли эшелоны с заключенными со всей Европы. Многих уничтожили сразу – даже без оформления каких-нибудь документов, забирая все, что люди имели при себе. Печи крематория работали днем и ночью. А в 1944 году крематорий был уже «на свежем воздухе» – так немцы в шутку называли сожжение трупов прямо на лагерном дворе – под открытым небом. Они складывали трупы штабелями, обливали бензином и поджигали.

Весной 1944 года нас, малолеток, отправили в Бухенвальд, откуда вывозили в немецкие города на раскопки после бомбежек. Нас разбивали на небольшие группы по 5-6 человек, а конвой состоял из двух немцев. Работали мы на небольшом расстоянии друг от друга. Однажды охранник послал меня за водой к водонапорному крану, который был неподалеку. И тут произошел взрыв – вся моя группа вместе с охранниками погибла, я только было решил воспользоваться моментом и скрыться, но тут ко мне подбежал охранник другой группы и затолкал в колонну. Нас снова погнали в лагерь. В Бухенвальде была сильная подпольная организация, даже имевшая свое оружие, которое подпольщики смогли собрать из украденных на немецких заводах деталей. Рацию, как и оружие, тоже удалось собрать из украденных радиодеталей.

С приближением американцев кто-то из подпольщиков смог связаться с их разведкой, и к 9 апреля американские танки прорвались к нам. В этот же день в Бухенвальде было поднято восстание: заключенные сняли охрану, схватили коменданта и смогли продержаться до окончательного прихода американских войск – 11 апреля 1945 года. В это время

я заболел брюшным тифом и попал в госпиталь, где и пролежал до тех пор, пока нас не передали советским войскам.

Таких, как я, погрузили в вагоны и привезли в город Судова Вишня. Там каждый написал свою биографию и прошёл проверку. Через месяц меня вызвали в НКВД. Ещё раз стали проверять мою биографию, а потом отправили на работы Беломоро-Балтийского канала. Через полгода лагерное начальство выдало нам, а таких, как я, было 100 человек, паспорта, новую одежду, билеты на поезд, снабдило провиантом и отвезли на железнодорожный вокзал...

Стоял я на станции не знал, что делать, куда идти и к кому возвращаться. Одна старенькая женщина подметала перрон и спросила меня – за что я сидел? А я даже не знал, ЧТО ей ответить. Кое-как кратко рассказал ей о себе, и она отвела меня к начальнику депо. Он стал смотреть мои документы, а потом предложил мне работу – кочегаром паровоза. Помог устроиться на квартиру.

Я был счастлив! Потому что я был равным с людьми, которые были свободны, и они заботились обо мне! Через некоторое время послали меня на курсы помощников машинистов. По окончании я получил отпуск, новую форму, проездные документы и наконец поехал на Родину. А меня там давно ждали и очень переживали, что от меня нет никаких вестей.

По возвращении из отпуска в Ленинграде я сдал экзамены в железнодорожный техникум, который окончил в 1950 году. Получил направление на Северо-Печерскую дорогу, где проработал 10 лет. В 1972 году переехал в Мариуполь. И здесь уже до самой пенсии работал машинистом на железнодорожном вокзале.

27.01.2007 г.

СИДЕЛЬНИКОВ БОРИС ИВАНОВИЧ

Мои воспоминания охватывают тот период жизни, который был наиболее наполненный трагизмом. То, что мне удалось увидеть и пережить, возможно, хватило бы не одному человеку, но я выдержал, не изменил себе и не утратил оптимизма. Родился я в г. Кременчуг в семье рабочих. Когда мне было четыре года, умер отец. Так что на судьбу моей матери, работницы табачной фабрики, выпало нелегкое дело – одной воспитывать меня и духлетнюю мою сестричку. Вспоминаю об этом потому, что, к сожалению, уже в детстве ничего хорошего не видел. Учился в школе

кое-как, разве наука полезет в голову полуголодному парню, который основное воспитание получал на улице.

В 1940 году поступил в Полтавское железнодорожное училище, где меня зачислили в группу помощников машиниста. Но моя голубая мечта стать машинистом так и не осуществилась.

В июне 1941 года началась война, а уже в начале мая 1942 года шестнадцатилетним юношей меня забрали в Германию, где я на собственной шкуре ощутил все прелести тогдашней немецкой цивилизации.

...В базовом лагере «Бухенвальд» я пробыл почти три месяца, а потом узников распределили по транспортам и отправили в штрафные лагеря. Там было еще хуже. Ежедневно рапортфюрер по селектору называл номера заключенных, которым обязательно нужно было явиться к главным воротам, а некоторым в сопровождении старост блоков – к «ам шильд драй». Что это такое, мы не знали. Но те, кто были в лагере уже давно, объяснили нам: те, кого вызывают к третьему окну, выходят «на свободу через трубу крематория». В лагере была очень высокая смертность. Ежедневно утром из бараков выносили по 3-5 голых мертвецов, а из инвалидов и еврейских блоков – до десятка.

Я видел, как с сатанинской улыбкой на устах розовощекий палач вплотную расстрелял абсолютно невинного человека только за то, что он был русский. Я видел, как человека вешали или как под дружный смех специально натренированная огромная собака загрызает непослушного заключенного. Я видел не один раз, как мордовали людей на «козле», давая по 25-50 ударов плетью по оголенной спине. При этом истязаемый сам должен был считать количество ударов. И ней дай Бог, если мучитель не согласен с его счетом, тогда под обостренный хохот ублюдков из СС все начиналось сначала. Были случаи, когда экзекуция заканчивалась смертью несчастного, а если все-таки истязание тот или другой узник выдерживал, то он был обязан благодарить палача за науку. Тело измученного после двадцати пяти ударов представляло собой сплошной синяк, а после пятидесяти – кровавое месиво. При этом такого никто от работы не освобождал, таким образом он был обречен на смерть. Охранники имели привычку забавляться и на работе. Снимали с головы заключенного шапку и бросали ее на 15-20 метров от себя. Заключенный шел за шапкой, а охранник в это время стрелял ему в спину. Когда приходили в лагерь, охранник докладывал своему шефу, что заключенного убили при попытке бегства. Более того, за такие подвиги охранникам давали двух или трёхдневный отпуск. Если заключенный не шел за шапкой, то его на апельплаце ждала экзекуция за непослушание, при этом фантазия полицейских не имела границ. Человека могли подвесить с завязанными за спиной руками на столбе и оставляли так

висеть против солнца час и больше. На работе узника мог побить полицейский или надсмотрщик в большинстве из фольксдойчев. Много кто из них проходил обучение в немецко-фашистских центрах, где учили садизму и они оправдывали надежды своих господ.

Все, о чем я вспомнил, происходило в штрафном лагере №21, куда меня упекли после неудачного бегства из лагеря, а еще за кражу картошки, которую я, будучи голодным взял в свой карман. Но не только в лагере мы, его заключенные, ощущали лишения и издевательства. Не менее страшной была работа, нас гнали на металлургический завод. Нужно было ломать и грузить в вагонетки не полностью застывший шлак и отправлять его к измельчителю камня. За время, пока мотовоз установит под загрузку новую партию вагонеток, заключенный должен успеть подготовить как можно больше шлаковых глыб. Не должно быть никакой передышки. Если что-то не так, то в тебя бросят черенком от лопаты. Сверху безжалостно пекло солнце, а снизу – шлак. Рукавицы прогорали и на руках были волдыри. Страх – это такое чувство, которое сначала очень острое, а потом притупляется и вообще исчезает. И человек даже не думает, что случится с ним в той или другой ситуации. Это я испытал на себе. Потом наступает абсолютное безразличие к своей судьбе, несмотря на то, что прожито так мало. Лагерь №21 – это концлагерь, только без газовых камер и крематория. Но в тех условиях издевательств было достаточно, чтобы сломить волю человека к сопротивлению, лишить чувства достоинства, веры в справедливость, понятия чести, и даже веры в Бога, сделать человека покорным рабом. И это им удавалось, за исключением нас, советских людей.

Таких лагерей там было два – мужской и женский, но общались узники между собой только криком. Расстояние от одного забора до другого было не более пятидесяти метров, но входные ворота были с противоположных сторон. По тем крикам, которые были слышны из женского лагеря, болезненным стонам женщин можно было догадаться, что там охранники были не лучше наших. Были в лагере и приговоренные за половые отношения с немцами. Все они ждали утверждения приговора в высших инстанциях. В условиях фашистского правосудия этот приговор был один – смерть. Приговоренных под усиленной охраной выводили в лес. Там и осуществлялся приговор. После чего трупы клали в большие ящики, и только палачам было известно, куда их отправляли. Все экзекуции в лагере осуществлялись под бравурную музыку немецких маршей или аргентинское танго. В лагере очень часто люди накладывали на себя руки – не выдерживали издевательства голодом и физических пыток. Особенно отличились издевательствами нерабочие дни. Если на работе можно было опереться на лопату, какую-нибудь минуту передохнуть,

то в лагере было все по-другому. Охранники отдыхали, а командовали нами прислужники, подлизы разных мастей. Поэтому не удивительно, что много кто из узников пытался убежать из лагеря. Но, на второй-третий день таких ловили и возвращали назад и снова одевали в «зебру» – полосатую одежду с красным треугольником. В каждой комнате теснилось по 45-50 узников. Тут – никаких кроватей, спали на полу. Питание – один раз в день. Один литр баланды, 300 граммов хлеба, а утром – литр кипятка, заваренный на какой-то траве (это называли кофе).

В июне 1944 года я попал в концлагерь, где мне присвоили №64414 и поселили в карантинный блок №52. Когда нас вели в баню, познакомили с охраной, крематорием и предупредили, что на свободу из лагеря можно выйти только через его трубу, из которой валил черный дым, а в воздухе витал запах горелого человеческого мяса. При входе на воротах можно было прочесть: «Каждому – своё». Сколько их есть, узников, точно никто не знал, так как частыми были случаи, когда вновь прибывшим давали номера расстрелянных или умерших, а в 1941 - 1943 гг. военнопленных советских солдат и офицеров расстреливали массово прямо при выходе из эшелона, без регистрации. Мне рассказывали, что за территорией лагеря был ров глубиной больше десяти метров и длиной где-то до пятидесяти метров. Его засыпали костями узников. Как-то ночью я проснулся от методичной стрельбы и криков. Что происходит, понять было тяжело. А уже утром мы увидели, что наш эшелон расчлененный и стоит на зоновской колее. Из-под вагона, который стоял впереди, ручейками сочилась кровь. Стало понятно, что этой ночью в вагонах расстреливали заключенных, среди них был и мой товарищ Вася, с которым нас разлучили на станции Веймар. Через щели в стенках мы наблюдали, как из вагонов на возы складывали трупы убитых, и тех, кто умер, не выдержав мук, и отвозили в лес, который виднелся недалеко. Это было ужасное зрелище – некоторые трупы были в стадии разложения, поэтому можно было видеть оторванные головы, вываленные внутренние органы, а в воздухе стоял невыносимый смрад. Когда вечером нас выгнали из вагонов, то несложно было посчитать, сколько осталось нас, живых. В моем вагоне из восьмидесяти человек осталось только двадцать пять.

Думалось, что нас расстреляют тоже, но через два дня нас отвезли в концлагерь в Дахау, один из первых концлагерей Германии. Уже сам этот факт свидетельствует, какие условия ждали нас. В Дахау полуживых узников, среди которых был и я, загнали в специально отгороженный в левом углу двора загон, как для скота, где мы лежали просто на земле. Вши ползали по людям и по земле, и как следствие – я заболел тифом.

Пришёл в себя в госпитале. Но в лагере были уже американцы. Описать и пересказать все мной пережитое и увиденное невозможно, много чего выветрилось из памяти, но и многое забыть невозможно.

ПАВЛОСЬ МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Перед войной наша семья жила в г. Ахтырка Сумской области. Когда немцы оккупировали город, начались массовые вывозы на принудительные работы в Германию. В мае 1942 года такая судьба постигла и меня. Вместе с группой молодых земляков меня доставили в г. Гамбург. После распределения попала на авиазавод, где по двенадцать часов в день стояла около фанерного верстака. После окончания смены принуждали выполнять разнообразные подсобные работы. За нежелание работать – три дня карцера без воды и еды. К тому же и нещадно били.

Старшим над нашей группой из двадцати девушек поставили надсмотрщика по фамилии Мюллер. Владельцем завода был то ли Полоский, то ли Половский (точно не помню). Кормили нас «супом» из кормовых буряков или брюквы, а работа очень тяжелая и выматывающая. Мы с одной девчонкой-землячкой решили сбежать. Удалось незаметно уйти из заводского лагеря, но куда? Через три дня нас задержали гестаповцы и отвезли в тюрьму. Там под пытками и издевательствами держали две недели, а 25 мая отправили в концлагерь «Равенсбрюк». Так я стала узницей №34799 в команде «Вольфен». Работали на земляных работах, завозили вагонетками песок.

1 сентября 1944 года меня вместе с несколькими девчонками, ничего не объясняя, перевели в концлагерь «Бухенвальд». Работала сначала столяром, а потом – заправщицей шпупек для покраски ниток. Эти нитки использовались для шитья парашютов. Обувь наша – гольцшуги (деревянные башмаки), которые были очень неудобны для хождения. Когда кто-то за что-то цеплялся, то почти всегда падал. Эсэсовки, которые нас сопровождали к месту работы, нещадно били ногами, заставляя подниматься. Кормили хуже, чем свиней: на завтрак – вода, в которой плавало несколько кусочков брюквы и два маленьких кусочка эрзац-хлеба; на обед – то же меню, а на ужин – несколько картошек в кожуре и кусочек того же «хлеба». Мы эту картошку толкли в кипятке и ели (чтобы больше наполнить желудок, утолить постоянное чувство голода).

15 февраля 1945 года меня вместе с группой других узников перевезли в концентрационный лагерь «Берген-Бельзен». Какое расстояние от «Бухенвальда» до «Берген-Бельзен» я не знаю, но везли нас на открытых железнодорожных платформах целую ночь. Все это время падал мокрый снег. И нас привезли в «Берген-Бельзен» мокрых, полузамерзших. Одежда сушилась на нас. Наверное, потому у меня всю жизнь болит в правом боку. Разместили нас в карантинном бараке, было много больных тифом, изнеможенных людей. Выходить из барака не разрешалось. Охраняли вооруженные солдаты, которые без разрешения стреляли в каждого, кто пытался выйти из барака. В обеденный перерыв, когда нам привозили «еду», охранники также шли обедать. Я этим воспользовалась, и мне повезло убежать из карантинного барака на территорию общего лагеря.

Попала я в барак, где старшей была чешка, которая меня приняла. Там тоже лютовал тиф. Чтобы меньше контактировала с больными, старшая по бараку направила меня на работу: двенадцать девушек выходили без охраны за границу лагеря к кагатам и возам, будто кони, возили буряки и брюкву к лагерной кухне.

Недалеко от кагатов узники складывали голых мертвых людей, которых тут же сжигали. Среди них попадались ещё живые. Было жутко слышать крики, когда их клали в огонь.

Запомнился также случай, когда мы со своим возом «проезжали» около мужского лагеря, то вдоль забора из колючей проволоки на коленах стояли 5-6 мужчин с кусками мяса в зубах. У них на груди висели таблички с надписью «Людоеды». При воспоминании об этом меня до сих пор тошнит.

Вскоре я заболела тифом. Девчонки, с которыми работала, не обращая внимания на мою болезнь, меня не выдавали и брали на работу, чтобы я меньше находилась в бараке. Они ставили меня сзади воза, брали под руки и так поддерживали, чтобы я не упала. Но болезнь брала свое, силы покидали меня. Тогда я попросила девочек, чтобы они оставили меня умирать во рву за границами лагеря, боялась, что меня могут забрать в барак для сожжения. В этом рву я пролежала несколько часов. Потом услышала шум и крики. Ко мне подошли двое мужчин и спросили, почему я лежу во рву. Я ответила, что у меня тиф, и я уже не в состоянии ходить. Они вытянули меня из рва, после чего я потеряла сознание. Пришла в себя уже в помещении, которое напоминало коровник или конюшню. Там стояли двухрусные кровати, на которых лежали больные. Лечили нас англичане. Питание нельзя было сравнить с лагерным.

Эти двое мужчин, которые меня спасли, – врач из Харькова Володя и одессит Борис. Когда я уже выздоровела от тифа, они забрали меня в

другое место. Володя там работал врачом и меня поселили с работниками больницы. Там набиралась сил после тяжелой работы. Позднее меня перевезли в Бранденбург, где находились такие, как и я девчонки – бывшие узницы, которые ждали возвращения на Родину, куда я вернулась зимой.

СТЕПЦОВА МАРИЯ МАКАРОВНА

Родилась я в 1929 году. Жила в Смоленской области. Там были партизаны. Мы им помогали: чистили патроны, собирали оружие, обеспечивали питанием, одеждой. За это немцы нас наказали – угнали в Германию, концлагерь Бухенвальд.

Там нас морили голодом, давали хлеба размером со спичечный коробочек и воды, две или три брюквины с грецкой орех. Это была очень голодная пища.

Самое страшное в моей жизни – это концлагерь. Мне тогда было неполных 14 лет.

9 апреля нас освободили американцы. Потом передали на Эльбу нашим войскам. Там мы прошли проверку госбезопасности, были признаны невиновными и отправлены на Родину.

Помню День Победы. Мы тогда у американцев еще были. Американцы сообщили нам, что война закончена и мы скоро поедем домой. Мы радовались!

На Родине все было разбито, дом разбомблен. Жить было негде. Жили в окопах. Отец вернулся с фронта и работал в Кемерово.

Я пошла учиться в школу, окончила семь классов, поступила в Томский ветеринарный техникум. Отработала 3 года и пошла в институт.

Потом работала в Краснодарском крае главным зоотехником. Там я проработала до пенсии.

ДАХАУ

Концентрационный лагерь Дахау является первым концентрационным лагерем, созданным нацистами примерно в 16 километрах к северо-востоку от Мюнхена. Он был организован в 1933 году и располагался на территории заброшенного Королевского баварского завода по производству боеприпасов и пороха. Там держали всех, кого нацисты считали недостойными своей «расы». За 12 лет в концлагере и его филиалах содержали больше 200 000 узников из более 40 стран мира. От пыток, болезней и голода, а также во время освобождения лагеря в нём погибло по «официальным данным» около 30,000 человек, однако более точное число несомненно гораздо выше.

Первоначально лагерь создавался для «усмирения» оппонентов нацизма, а также для устрашения самих немцев с целью добиться их послушания и поддержки нацистского режима. Комендант Дахау Теодор Эйке управлял лагерем с помощью строгой системы правил и ограничений. В его распоряжении был штат из известных своей жестокостью членов эсэсовских отрядов «Мертвая голова». В дальнейшем, став генеральным инспектором всех концлагерей, Эйке построил их работу на основе этих же правил. В жестоких планах нацистов Дахау стал эффективной тренировочной площадкой и прототипом для создания новых концлагерей.

Дахау был окружен забором, по которому шел электрический ток, и большим рвом с водой. По прибытии в лагерь заключенные становились абсолютно бесправными: у них отнимали все личные вещи, затем их обривали наголо и одевали в полосатую униформу. Каждый узник получал идентификационный номер и цветной треугольник, обозначающий тюремную категорию (еврей, цыган, гомосексуалист и т.д.). Узники постоянно находились под угрозой жесточайшей расправы со стороны лагерной охраны, что делало условия заключения еще более ужасными. К тому же, получая минимальное количество пищи, они постоянно страдали от недоедания.

Нацисты безжалостно эксплуатировали заключенных как дешевую рабочую силу, заставляя их строить дороги, работать в каменоломнях, осушать болота. По мере развития военных действий все большее значение для нацистов приобретало производство оружия. С этой целью тысячи евреев из Венгрии, Чехословакии, Польши и Советского Союза были отправлены в Дахау для работы на военных предприятиях. Для того, чтобы разместить 37 000 узников, работавших на этих оружейных заводах, тридцать шесть больших лагерей были присоединены к Дахау. Частные компании также использовали рабский труд узников концлагеря, причем расчет производился непосредственно с эсэсовцами, а сами работники не получали ничего. Они работали до изнеможения, затем их заменяли на более здоровых узников.

Заключенных в Дахау использовали для медицинских опытов подобно животным. Эсэсовец доктор Зигмунд Рашер производил эксперименты по изучению влияния высоты на человека, для чего помещал испытуемых в декомпрессионную камеру. Доктор медицины Клаус Шиллинг, известный своими работами в области тропической медицины, руководил в лагере лабораторией по исследованию малярии. В надежде найти способ иммунизации против этой болезни он инфици-

 Груда трупов узников в помещении крематория концлагеря Дахау. Тела были обнаружены военными 7-й армии США

ровал малярией около 1 000 узников. В дополнение к этому в Дахау производились и другие псевдонаучные эксперименты: у одних заключенных вызывались различного рода воспаления и состояние интоксикации с целью проверить их реакцию на новые медикаменты, в то время как другим нацистские медики наносили порезы для тестирования кровоостанавливающих средств. Также производились опыты по употреблению для питья морской воды. Кроме этого, в лагере работала туберкулезная лаборатория.

Последние месяцы перед освобождением узники Дахау провели в еще более ужасающих условиях, чем прежде. По мере продвижения войск союзников, в Дахау были эвакуированы тысячи узников из других лагерей. В бараки, изначально рассчитанные на 200 человек, теперь втискивали более 1600. Эпидемия тифа, свирепствовавшая в лагере, уносила ежедневно 100-200 жизней.

Заключенные организовали подпольный комитет с целью помочь оставшимся узникам выжить и противостоять планам эсэсовцев ликвидировать лагерь. 26 апреля 1945 года эсэсовцы вывели узников из лагеря и погнали их в южном направлении. Отстающих расстреливали на месте, многие умирали от голода, истощения и холода. Оставшиеся в живых участники марша были встречены американскими войсками в начале мая – после того как охранники из частей СС сбежали.

7-ая Армия Вооруженных сил США освободила Дахау 29 апреля 1945 года. К тому времени немцы составляли лишь небольшую часть от общего числа заключенных, около 30 процентов узников были евреи.

После войны было арестовано 40 эсэсовцев из охраны лагеря Дахау. С 15 ноября по 14 декабря 1945 года они предстали в Дахау перед американским судом. 36 обвиняемым из 40 был вынесен смертный приговор.

ЗАЛУНИН ВАСИЛИЙ ДЕНИСОВИЧ

Родился 10 июля 1924 года в селе Русско-Подтечное Курской области. Оттуда 18 июля 1942 года был угнан в Германию.

Привезли нас в Штутгарт на завод по изготовлению подводных лодок. Там уже работали люди из многих стран Европы, в том числе и немцы – в основном старики-коммунисты. Так они нам рассказали по секрету. Они охотно помогали освоиться на заводе, старались помочь в питании и открыто говорили о войне против Гитлера. Мы, пацаны, были очень благодарны нашим немецким друзьям, с которыми подружились.

Но однажды внезапно в бараках заключенных были произведены аресты. Взяли поляка, чеха, француза, немца и двоих русских, одним из которых оказался я. Нас отправили в тюрьму Штутгарта и предъявили обвинение в участии в движении Сопротивления. 14 августа 42-го года за нами закрылись ворота Дахау, где я получил лагерный номер – 34287.

Начался настоящий кошмар – голод, холод, тяжелый рабский труд, а самое главное – никакой надежды на спасение. Немцы с каждым месяцем все больше ужесточали режим, видимо, предчувствовали приближающееся поражение.

В марте 1945 года Гиммлер сказал: «Если национал-социалистской партии суждено погибнуть, заключенные, находящиеся в концлагерях, не должны дожить до освобождения». Телеграмма такого содержания 14 апреля была направлена в Дахау. Об этом стало известно позже из документов Нюрнбергского процесса.

Из лагеря выгнали около 20 тысяч человек. Нас гнали в Альпы для уничтожения. Но американские войска сумели предупредить массовый расстрел, освободив нас 29 апреля. Через 3-5 дней после освобождения из всех европейских стран стал приходить транспорт для сбора заключенных. Французы присылали даже самолеты. Вскоре в лагере остались только русские и поляки. И только через месяц прибыл советский капитан перевозить нас в город Мельк. Уже стояли две колонны грузовиков. Одна отправлялась в советскую зону, другая – через Францию и Италию в США. Нужно заметить, что еще перед освобождением, в лагере, американцы и англичане передавали нам листовки, в которых советовали не возвращаться в Союз. Мол, Сталин заявил, что советских граждан за границей нет и всех нас ждет Сибирь. Поэтому, когда была дана команда: «По машинам!», некоторые пошли во вторую – американскую колонну. Преимущественно это были попавшие в плен советские офицеры, жители Западной Украины, а также поверившие листовкам. Было больно видеть уходивших товарищей, с которыми было столько пережито. Мы понимали, что, возможно, больше никогда их не увидим. Однако большинство из нас остались в советской колонне – так страстно рвались на Родину.

После поправки здоровья и проверки органами НКВД меня призвали в армию. После службы, в 1950 году, я был направлен на завод им. Ильича в Жданов. Я попал в тот цех, который со временем был передан вновь создающемуся «Ждановтяжмашу». В 1971 году я закончил машиностроительный техникум, работал мастером ОТК, в 1985 году вышел на пенсию.

Я благодарен людям, которые окружали меня на службе и на заводе. Я не был гоним, как это часто случалось с теми, кто был узником нацистских концлагерей. Я был равным среди равных. Думаю, что это мое благополучие во многом определила служба в армии, где товарищи не

понаслышке знали, что такое концлагерь. Ведь многие из них были на территории Германии и собственными глазами видели «фабрики смерти». В этом – мое счастье, а также в создании семьи, воспитании детей и внуков, которым я желаю никогда не повторить моей судьбы.

11.04.2007 г.

ПЕРЕБЕЙНОС ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

Я сам из Чернобыля Киевской области, 1925 года рождения (на фото 1947 г., во время службы в армии). В 1942 году я попал в Германию, город Эгер. Сейчас – город Хэп (Чехословакия). Там я проработал около двух лет. Потом начал убежать оттуда. Там был завод, делали машины.

Был в тюрьме в Карловых Варах, оттуда меня забрали в Флоссенбюрг. Привезли в закрытой машине.

Из Флоссенбюрга я попал в Дахау. Мне тогда было 18 лет. Дахау был большим лагерем, больше, чем Флоссенбюрг. Дали номер 117216. Там я работал. Работал еще в лагерях-спутниках Дахау в Коттерне и Аугсбурге.

Спали на четырёхэтажных кроватях, прямо на досках. Не было постели. Барачков было больше 30, наверное. Узников было больше 150 000. Если кто уже не вставал, того в крематорий забирали. Ходил на кухню, воровал там. А крематория было два, они были за лагерем. Охрана была строгая. Давали только 100 граммов хлеба, буряки были, кальраби. Вот такое питание было. Еды было мало.

В 1945 году около 5 000 человек из Дахау эвакуировали. Ночью нас гнали, а днем отдыхали в лесу. Во время эвакуации сбежал, скрывался в Альпах. Был дождь сильный и мне удалось сбежать. Видел сверху, как шли бои. Потом спустился вниз из Альп, как стрельба закончилась, увидел американцев, все черные были, негры. Так меня освободили. Определили снова в лагерь, допрашивали там. Кто были власовцами, тех в одну сторону направляли, а таких как я, кто в лагерях был – в другую. Предлагали эмигрировать в Америку, но я не согласился. Потом 4 года служил в армии в Вене, Будапеште.

21.07.2006 г.

КОЛДЫЧЕВО

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцы организовали в Барановичском районе, деревне Колдычево, концентрационный лагерь. В Колдычевском лагере смерти, который охраняли бойцы Белорусского полицейского батальона СД, за два года, с марта 1942-го по июнь 1944-го, погибло около 22 тысяч человек, мирных жителей.

Первыми заключенными лагеря были активисты советской власти и военнопленные из барановичской и столбцовой тюрем. Жертвами Колдычевского концлагеря стали практически все евреи и цыгане региона, а также большое количество поляков, военнопленных, около 100 католических священников. Чрезвычайной комиссией под председательством секретаря Городищенского райкома КП(б) С.П.Лесниченко, работавшей осенью 1944 года, и при помощи свидетельских показаний удалось восстановить картину трагедии.

Концлагерь открыли в 1942 году. Его территория ограждалась несколькими рядами колючей проволоки, дзотами, вкопанными в землю танками, прожекторами. Для узников соорудили и кое-как приспособили многочисленные холодные помещения. Специально выстроили двухэтажное кирпичное здание тюрьмы. В двухэтажном деревянном доме жили комендант и охрана, здесь же размещалась камера пыток, где жертв

подвергали страшным истязаниям. Им прокалывали язык, загоняли иголки под ногти, подвешивали, растягивали мышцы, ломали пальцы рук и ног, избивали резиновыми дубинками, лили воду в нос, сдавливали голову специальным станком, вырезали ножами куски тела и кололи штыками, ставили голыми ногами на раскаленную сковородку, рвали волосы, натравливали специально выдрессированных собак... В лагере для узников установили голодный режим при одновременном непосильном, изнурительном труде, свирепствовали массовые эпидемии. О медицинской помощи нельзя было и мечтать, наоборот, делалось всё, чтобы болезни распространялись все больше и больше, а смертность росла.

Узники работали по 10-12 часов в сутки в неимоверно тяжелых условиях на добыче торфа в ледяной воде, а также в цехах – по изготовлению кирпича, мыловаренном, столярном, кожевенном, бондарном, сапожном, портняжном. Спали на нарах в 3-4 этажа на тонком слое соломы. Жилые постройки в зимнее время не отапливались. Кормили «баландой» – заваренной в воде ржаной мукой. То, что называлось «хлебом», выдавалось по 150 г на человека, а с 1944 года – по 140 г в сутки. Общение заключенных с внешним миром запрещалось. Все носили опознавательные знаки на груди, спине, а мужчины и на правой стороне брюк: красный круг с черной точкой – партизан, желтая шестиугольная звезда – еврей, буква «р» – поляк.

В ночь с 29 на 30 июня 1944 года, когда советские войска приближались к Колдычево в ходе операции «Багратион», лагерь был ликвидирован. 2000 оставшихся заключённых были уничтожены посредством расстрела в яме под насыпью. Ещё 300 были эвакуированы в Германию.

ДЕМЬЯНЕЦ ЯНИНА ФЕЛИКСОВНА

Я, Демьяниц Янина Феликсовна (в девичестве Навра). Мой отец Навра Феликс Матвеевич и мать Навра Неля Петровна. Мы жили в городе Барановичи, на улице Аптечной. Отца прислали на работу на мясо-консервный комбинат города Барановичи из Польши, города Быдгощ. Он был директором мясокомбината. Когда началась война, он решил всех своих родных из Польши перевезти в Барановичи, потому что у нас еще не было войны. И они все приехали. Мы жили дружной семьей.

Когда началась Великая Отечественная война, отец видел все издевательства немцев над мирными гражданами. Поэтому он решил помогать людям и связался с партизанским отрядом «Орловцы». Партизанам он передавал медикаменты, так как моя мама была медсестрой. Все, что могли, мы передавали. Он очень любил людей, спасал евреев. Когда в Барановичах открылось гетто, он брал себе на работу молодых парней евреев и белорусов и не возвращал их, говоря немцам, что они погибли при бомбежках. Этих парней он передавал тайно партизанам. Но был сосед, который завидовал отцу. И он сдал немцам моего отца. Его арестовали СД в Барановичах на улице Комсомольской. Оттуда он попал в концлагерь Колдычево. Там была страшная картина. Лагерь был обнесен проволокой. Немцы пытались выпытать у отца про партизанский отряд, но ничего не добились. Тогда они сторожили около нашего дома и всех, кто приходил в дом – арестовывали и бросали в лагерь смерти Колдычево. Так арестовали брата отца, мамино брата, дедушку. Через два месяца арестовали маму, ее сестру и нас, двоих детей. Мне было 4 годика, а брату – 2 годика.

Я никогда не забуду, как нас привезли в лагерь и отрывали от матери. Мама держала нас за руки, а нас били плеткой, на конце которой был

железный наконечник. Стоял плач и стон. Я этого никогда не забуду. Маму повезли в тюрьму, а нас с тётёй бросили на нары. Я помню голос мамы! Тётя молилась, чтобы мы остались живы.

Отца вызывали на допросы, подвергали страшным пыткам. Его мучили током, выкалывали глаза, загоняли иголки под ногти, постоянно допрашивали. Мы только плакали и не могли ничего есть.

Немцы забрали меня и тетю и повезли в гестапо. Маму и отца оставили в лагере. Нас бросили в подвал. Там было темно и очень холодно. Мы были сильно измучены. Когда я плакала, меня били немцы, а тётю били головой об стену. Стена в подвале была в крови. И там, я помню, были какие-то надписи кровью. Там мучили людей. Нас били какими-то гумами.

Потом нас забрали в детский приемник по улице Притыцкого. Там брали кровь у детей для немецких солдат, но никто не должен был об этом знать. Тетю оставили в гестапо, а мы с братом были в детдоме.

Я помню, как один еврейский мальчик написал на стекле иероглифы и его сразу убили за это. Я боялась потерять брата и никуда его не отпускала, держала за руку.

Однажды мы стояли с братом у ворот детдома и шла жена папиного брата беременная. Ее звали Тетя Поля. Она узнала нас. Мы были измученные, худые, голодные. Мы просили у ворот хлеба. Она сжалась над нами, пошла к заведующей детдома, бросилась на колени беременная и попросила, чтобы нас отпустили с ней хотя бы на одну ночь, чтобы хотя бы помыть, накормить. Заведующая сжалась или потому, что она была беременная или потому что боялась наказания Бога, но она отпустила нас.

Тетя забрала нас домой, помыла и утром повела обратно. А мы не шли. Люди спрашивали: «Куда вы тащите этих детей?» А она говорит: «Обратно в детдом. Я дала слово». А люди сказали: «Вы же тащите их на смерть! Убегайте в деревню!».

Тетя послушала людей и увезла нас в деревню. Мы шли по какому-то полю, были бомбежки, мы прятались в землянки, подвалы. Мы так хотели, чтобы закончилась война!

Наша тётя спасла нас с братом.

Что случилось с мамой и папой? Папу долго мучили. Его пригвоздили ногами к полу и допрашивали. В конце концов, его расстреляли. Маму заливали водой, и она опять молила Бога, чтобы мы спаслись. Это рассказали мне уже потом выжившие узники из Колдычево.

Немцы выстроили всех узников возле большой Т-образной ямы. Поляки и евреи были голые, белорусы в рубашках. Были там и дети. Немцы связали людям руки и всех там расстреляли.

В начале июля советские войска освободили уже Колдычево.

А как же спаслась тетя? Когда наши наступали, то приехал в тюрьму какой-то большой, важный немец и начал спрашивать у людей за что они там сидят. И стали распределять: одного направо – это была смерть, другого – налево – это была жизнь. И тётя моя была скромная, простая женщина. Она поняла, что нельзя говорить, что ты связан с партизанами. Когда немец спросил её за что она сидит, то она сказала: самогонку продавала. Он сказал: выбегай отсюда, иди! Она думала, что ей выстрелят в спину, но не выстрелили. И она спаслась.

Из всей нашей семьи 8 человек были расстреляны, замучены фашистами в лагере Колдычево, которые не имели в сердце ничего людского.

Война закончилась. Родственники приехали в Колдычево и стали искать в этой яме своих. Тётя поехала туда, с поломанной рукой, и стала искать маму. Моя мама была очень красивой, ей было 22 года. У неё были волосы до ног. И по этим волосам она нашла её в яме. Там же она нашла своего брата – изувеченного, измученного, изуродованного.

Это страдание нельзя забывать. Дети не имели детства, дети пережили ужасы! Я должна рассказать людям, что этого не должно повториться. Я должна предостеречь людей от войны. Помните, этого не должно повториться!

2020 г.

МАЙДАНЕК

Концентрационный лагерь Майданек возник в пригороде польского города Люблина. Задачей лагеря было уничтожение врагов Третьего Рейха, истребление евреев, а также участие в депортации и «переселении» поляков Замостского района Генерал-губернаторства. Всего в Майданеке погибло около 360 000 человек.

По периметру его окружала двойная колючая проволока под током высокого напряжения; на 19 вышках стояли охранники. Лагерь состоял из 5 секций; в нем находились 22 барака для заключенных, 7 газовых камер, две деревянные виселицы, небольшой крематорий и прочие строения, «необходимые» для функционирования лагеря – склады вещей и угля, мастерские, прачечные. В сентябре 1943 г. был построен еще один, более крупный крематорий. В Майданеке могло содержаться 45 000 заключенных одновременно. Для эсэсовцев в лагере были оборудованы жилые и административные помещения, а также казино. Рядом с Майданеком располагались подчиненные ему лагеря, такие как Будзынь. Нацисты планировали существенно расширить Майданек. Предполагалось построить бараки на 250 000 человек, промышленные фабрики, дополнительные газовые камеры и более эффективный крематорий. Однако эти планы так и не были полностью осуществлены.

Первые заключенные прибыли в Майданек в октябре 1941 г. За следующие два с половиной года в лагерь прибыло множество групп узников, среди которых были советские военнопленные и заключенные из других концлагерей.

Всего через Майданек прошло около 500 000 человек 54 национальностей из 28 стран. Из них около 360 000 погибли. 60% из них погибли в результате нечеловеческих условий жизни в лагере – от болезней, голода, холода, каторжной работы, истощения, или же от побоев со стороны охранников. Остальные 40% были убиты в газовых камерах или же иным способом – например, в ходе массовых расстрелов в самом лагере или около него.

В 1941 и 1942 гг. немцы расстреливали больных советских военнопленных; в апреле 1942 г. было расстреляно 2800 евреев. Той же весной были расстреляны и тысячи других заключенных. Летом 1943 г. таким же способом были убиты 300 советских офицеров. Наконец, 3 ноября 1943 г. за один день было расстреляно примерно 18 000 евреев. Эта последняя бойня была частью операции «Эрнтефес». Евреев расстреливали в огромных рвах, а тем временем немцы проигрывали на полной громкости танцевальную музыку, чтобы заглушить выстрелы и крики умирающих.

 Груда сожженных останков узников концлагеря Майданек

Большинство погибших в газовых камерах были евреями. Некоторые из заключенных-евреев были отправлены в газовые камеры сразу по прибытии. Поэтому многие историки считают Майданек не только концентрационным лагерем, но и лагерем уничтожения.

В Майданеке существовало несколько групп сопротивления, и время от времени отдельные люди и целые группы пытались совершить побег. Польским заключенным помогало польское движение сопротивления и организации помощи, такие как Польский Красный Крест и Главный опекунский совет.

В июле 1944 г. Красная Армия подошла очень близко к лагерю, и нацисты решили ликвидировать Майданек. Около 1 000 заключенных покинуло лагерь, но лишь половина из них добрались до Аушвица. Перед тем, как оставить лагерь, его персонал уничтожил инкриминирующие документы и сжег большой крематорий вместе с прочими зданиями. Однако, в спешке, нацисты не уничтожили большинство барачков для заключенных и газовые камеры. Советская армия освободила лагерь 24 июля; в нем оставалось лишь несколько сотен заключенных-евреев.

Сразу после освобождения лагеря начала работать совместная советско-польская комиссия по расследованию военных преступлений, совершенных в Майданеке. Спустя два месяца ею был опубликован отчет. При этом лишь небольшая часть из 1300 человек персонала лагеря была привлечена к суду. В ноябре 1944 г. шесть эсэсовцев были осуждены за службу в Майданеке. Четверо из них были приговорены к смерти, а двое

других покончили с собой, не дожидаясь приговора. В 1946 – 1948 гг. предстали перед судом еще 95 эсэсовцев, служивших в Майданеке, в основном – охранники. Семерых приговорили к смерти, а прочих – к различным срокам заключения. В 1975-1980 гг. в Германии судили ещё шестнадцать человек, служивших в Майданеке.

Сегодня Майданек лучше всего сохранившийся образец того, как выглядел нацистский лагерь. Сохранившиеся газовые

Ошеломлённые советские солдаты перед горой человеческого пепла в концлагере Майданек. 1944 г.

камеры и крематории ныне – это молчаливая дань 360 000 жертвам Майданека. Рядом с газовыми камерами стоит куполообразное сооружение, где находится колоссальная груда пепла, выгребенного из крематориев лагеря.

ШИЛОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Нашу Великолукскую область полчища нацистов оккупировали неожиданно. Никто не ожидал такого внезапного поражения советских войск в начале войны. Мой старший брат сразу же подался в партизаны. Вскоре полицаи собрали жителей нашего села, которых заподозрили в поддержке партизан и расстреляли каждого второго. Мама в той очереди оказалась третьей. Домой пришла совсем поседевшей. Но поддержка партизан не ослабела. Дух патриотизма сильнее страха.

Мы вынашивали планы, куда бы податься, чтобы спрятаться, как меня неожиданно схватили и с группой односельчан вывезли в лагерь в городе Себеж, а потом в Витебск. Через несколько дней нас снова загнали в закрытые вагоны и везли несколько дней без еды. Высадили в Люблине, повели в лагерь Майданек. По дороге обессилела настолько, что еле

добралась с колонной до лагерного плаца. А там – виселица. На перекладине висят два трупа. Боже, какое страшное зрелище! За что?!

Вскоре к нам подошел комендант лагеря гер Туман. Указывая прутом на виселицу, рявкнул: «Так будет с каждой, кто посмеет бежать из лагеря». Потом нам рассказали, что одна из этих жертв, не выдержав каторжных условий, бросилась на проволоку забора, которая постоянно находится под высоким напряжением. Труп её для поучения повесили рядом с той, которую наказали за побег.

Позднее приходилось наблюдать ещё одну расправу за побег. Нас ночью выгнали на плац. Строем стояли несколько часов. Наконец через ворота притянули женщину, которая отважилась на побег. Тут же на плацу её загрызли сторожевые собаки.

Прибыв в лагерь, я была такой слабой, что меня с группой таких же немощных отправили в госпиталь. Оттуда всем была дорога в газовую камеру и в крематорий. Спасла меня одна из работниц госпиталя Ядвига. Почему-то она пощадила меня, отделила от смертников и пристроила работать в прачечной. Очевидно у неё была такая возможность. В прачечной не было тяжело. А ещё Ядвига каким-то образом имела возможность получать дополнительную пайку, посылки от Красного Креста и выделяла кое-что и мне. Дай Бог ей здоровья, если она ещё жива. Только благодаря её доброму сердцу я выжила в Майданеке. Ведь при лагерном рационе и изнурительном труде продержаться долго там не было возможности. Питание мизерное – 180-200, а в отдельных командах 270 граммов эрзац-хлеба в день, утром кофе из обжаренной брюквы, а в обед и вечером суп из травы. За наименьшую провинность могли лишиться и той пайки. Большинство узников были похожи на бродячие скелеты, или совсем опухшие от голода, что не могли даже говорить.

А ещё у нас, в лагере, не выводилась чесотка. Я пользовалась лечебной мазью, и болезнь не очень меня доставала. Других, заражённых чесоткой настолько, что не могли работать, отправляли в «душ» – в газовую камеру и на кремацию.

Подхватила ту болезнь и моя подруга по команде. Тогда попросила меня: «Помоги. Не вылечусь, убьют. А дома детки голодные, ждут меня». Я ей дала мазь, но тело её было настолько истощено, что лекарства не помогли.

Люди вымирили массово. Особенно жестоко относились в лагере к советским военнопленным. Много их расстреливали в лагере или вывозили в душегубках к карьеру или заранее заготовленным большим ямам, и трупы туда закапывали.

Евреев, которых доставляли эшелонами чуть ли не каждый день, а также советских офицеров и коммунистов, особенно когда бараки были

переполнены. Газовые камеры помещали разово до двух тысяч человек. Через 5-8 минут их убирали оттуда мёртвыми. Три крематория работали круглосуточно. По опубликованным в прессе данным, только зимой 1942 года около 5 000 военнопленных вывезли к яме бывшего городского каменного карьера и расстреляли из пулемётов.

По свидетельствам военного коменданта Люблина генерал-лейтенанта Гильмара Мозера, на протяжении 1943-1944 годов в Майданеке были убиты сотни тысяч людей разного возраста и национальности. Обслуживала газовые камеры и крематории команда здоровых парней из заключённых. В ту команду набирали людей здоровых и таких, которые психологически выдерживали работу с трупами. Питались они также отдельно, имели усиленный рацион. Лагерная прачечная была рядом с газовыми камерами, и нам иногда кое-что из рациона той команды перепало.

И теперь не могу понять, как те люди могли каждый день, без выходных работать в тех трупарнях. Я только один раз заходила за одеждой в барак, где эсэсовские медики ставили над узниками эксперименты на выживание – в условиях холода, жары, без еды или без воды. Практиковались и в других испытаниях. То видение преследует меня всю жизнь. Те люди – костяк, обтянутый кожей. Лицо – страшнее чем ужасы... Так, человека можно убить, но какое нужно иметь сердце, какому Идолу молиться, чтобы причинять людям такие муки методично, медленно каплю за каплей выжимать из них жизнь.

Были среди душегубов и охотники за татуировками. Один раз среди прибывшей группы военнопленных было много моряков с татуировками на теле. Ни один из них не вышел из «душевой». С них сняли кожу – и на выделку. Такие шкуры использовали для изготовления сувениров. За годы войны я побывала в четырёх лагерях. В каждом из них – режим на уничтожение инакомыслящих. Надсмотрщики – блоковые, штубовые, капо – все из тех заключённых-преступников, которые за дополнительную тарелку баланды, за принадлежность к командному складу казнили невольников наравне с эсэсовцами. Прут в их руках был неотъемлемым способом общения с подчинёнными. Среди таких душегубов запомнилась и украинка Мария. С приходом освободительного войска её буквально расстреляли сами же узники.

Чинили самосуд над палачами не только обречённые. Вспоминаю такой случай. С приближением фронта наш лагерь колонной погнали вглубь Германии. Когда же фронт буквально наступал нам на пятки, охранники оставили нас, а сами убежали. Мы разбежались, кто в лес, а кто в бомбовых воронках притаился. В это же время по дороге тянулись фуры с беженцами. Наша небольшая группа вышла из укрытий, когда

до места где мы прятались подошли солдаты передового отряда. Вдруг слышу кто-то из наших указал на одну из фур с выкриком: «Там капо». С воза выволокли переодетую в гражданское немку, одну из злейших капо нашего лагеря.

Солдат, который был с нами, нацелился в неё автоматом. Немка упала перед ним на колени, по-мусульмански сложила руки на груди, умоляла: «Не убивайте. У меня – дети».

Вспомнила про детей. А думала ли она о них, когда шпарила нас немецких своим прутом вдоль и поперек?

Очевидно, вспомнив свою маму, солдат, призванный убивать врага, отвернулся. Немке в затылок выстрелил его товарищ. Жалость или сочувствие к немецкой матери выветрилось, когда с того места мы пошли дальше лесом, проходя трупы наших лагерников. Убегая, немецкие солдаты расстреливали узников, которые прятались в лесу и встречались на пути вооруженных нелюдей.

О какой набожности, о какой армейской чести, человеческом достоинстве или элементарном соблюдении присяги можно говорить, когда, воюя под лозунгом «С нами Бог», солдат стреляет в безоружного и невинного? А у каждого из тех несчастных уже теплилась надежда на спасение, на встречу с родными. Нет, фашизму нет места в цивилизованном мире!

Я выжила. И с тех пор не перестаю молиться Богу за тех, кто неустанно хранит нашу страну от боевых действий, кто обеспечивает мир на земле иногда и дорогой ценой.

МАУТХАУЗЕН

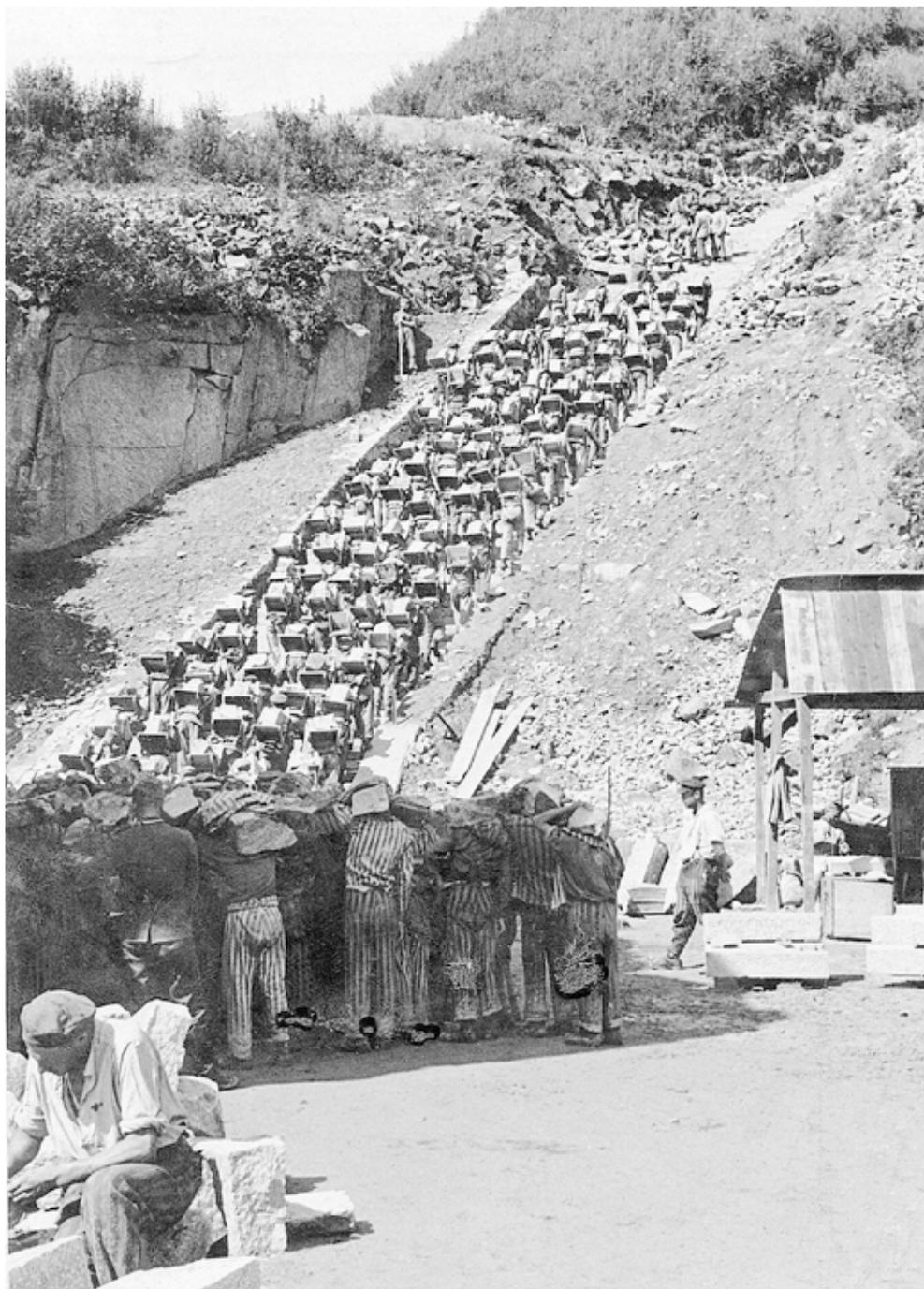

Концлагерь Маутхаузен был создан в 1938 году в Австрии. За семь лет через него прошли 335 000 человек, из которых 32 000 – советские граждане. По официальным данным в концлагере погибло 122 766 человек. На момент освобождения американскими войсками в лагере находилось 60 000 человек. Изначально Маутхаузен планировался для долговременной эксплуатации. Это была грандиозная каменная крепость. Бараки для заключённых строились по типовому проекту, созданному по образцу концлагеря Дахау.

Заклученные работали на гранитном карьере, на краю которого располагался лагерь.

Вот как проходил один из этапов работы в каменоломне. Рабочий должен был взять камень, поднять его со дна карьера по лестнице и отнести его к базе. Лестница состояла из 186 ступеней, вырубленных прямо в глинистой почве. Они были неровные, разной высоты и стоптанные тысячами проходившими по ним ног. Сто восемьдесят шесть ступеней – это количество в 9-этажном доме. Но в карьере не было площадок, на которых можно было остановиться и отдохнуть. Остановиться вообще было невозможно. Рабочие двигались по лестнице сплошным «живым ковром» по пять человек в ряд.

Спустившись вниз, надо выбрать камень. Тех, кто выбирал слишком маленький груз, эсэсовцы просто расстреливали без предупреждения. Каждый мужчина тащил камень не менее 50 кг весом. С ним надо было подняться вверх по лестнице. Заключённые были обессилены от непо-

 Советские военнопленные, прибывшие в концлагерь Маутхаузен

сильного труда и скудного питания. Поэтому нередко случалось, что кто-то спотыкался, падал или терял сознание прямо на лестнице. Тяжёлый груз катился вниз, травмируя людей. Виновного расстреливали на месте.

Эсэсовцы могли заставить измученных людей донести блоки до верха лестницы. Тех, кто пережил испытание, выстраивали в линию на краю скалы – надзиратели это называли «стеной парашютистов». Каждому пленнику предлагали выбор: либо его застрелят, либо он столкнет в пропасть стоящего перед ним. Многие в этот момент прыгали со скалы сами.

Первыми в застенки Маутхаузена попали уголовники, с мая 1939 года туда начали направлять особо опасных для Третьего Рейха политических преступников, а после нападения на Советский Союз лагерь регулярно пополнялся советскими военнопленными.

В концентрационном лагере «Маутхаузен» среди остальных узников нацистами был убит известный советский генерал-лейтенант инженерных войск, доктор военных наук, профессор Военной академии Генерального штаба Дмитрий Михайлович Карбышев.

 Д.М. Карбышев

– Мои убеждения не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе. Я солдат и остаюсь верен своему долгу. А он запрещает мне работать на ту страну, которая находится в состоянии войны с моей Родиной, – так говорил нестигаемый генерал.

Последние слова генерала Карбышева были обращены к тем, кто разделял вместе с ним страшную смерть: «Бодрей, товарищи! Думайте о Родине, и мужество не покинет вас!».

16 августа 1946 года, генерал-лейтенанту инженерных войск РККА Дмитрию Карбышеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

РОЗЕНТАЛЬ МАРИЯ ИОСИФОВНА

С детства привыкла работать на земле. Наша семья жила в селе Широкий Луг Тячевского района. Отец имел землю, волов. Помню, как мы со старшей сестрой Розой помогали ему. Тяжело работали, но были доволь-

ные. Радовались, что у нас в досталь было продовольствия. И денег хватало. Нам было как-то все равно, когда началась война. Даже не думали, что она каким-то образом зацепит нас. Но вдруг всем евреям приказали собираться. Поместили в гетто. Для чего? Кому мы мешали дома?

Оставили добротный дом, как говорят, печеное и вареное, и пешком в Нересницу. Там запихнули нас в вагоны и завезли аж в Будапешт, в огромный лагерь за колючей проволокой – гетто. За что? Перед кем и чем провинились евреи, которые вели натуральное хозяйство вместе с другими крестьянами? От старших слышала, что собрали нас там около семисот тысяч и будут отправлять дальше. Куда?

Вай, вай, что творилось, когда нас стали паковать, да, да, именно паковать, потому что напихали в те товарные телятники людей столько, что сесть было негде. В вагоне дышать нечем. А еще ни пить, ни есть не давали. И так везли без продыха. А на тех нечастых остановках на больших станциях с вагонов выбрасывали трупы. Евреи в возрасте, больные не выдерживали такой жары.

Выгнали всех нас из вагонов в городе Маутхаузен. Наконец-то вдохнули свежего воздуха. Слава Богу, приехали. После такого переезда всякая работа, всякое пристанище могло показаться благом. А главное – живём. Блажен, кто верует и наперед ничего не ведаёт... Нас снова с помощью пинков и крутых побуждений строят в колонну и – вперёд. Люди же еле ноги переставляют. Кто-то не может идти, присел. К нему ещё кто-то присоединился. На команду «льоз!» не отреагировали. Может их повезут? Но, что это? Огрев несколько раз прутом, и не сдвинув с мест отдыхающих, полицаи разрядил в них автомат. Как можно! Да тем, что на ногах, эпизод расстрела прибавил сил. Придерживаясь ряда, чтобы не достать палкой или прикладом, переставляем ноги. А дорога тянется вверх все выше. Особенно тяжело последним. Кто отстал, на того спускают овчарок и хохочут, когда собаки бросаются на жертву. А вон наш сосед по гетто хилый мужчина падает и тянет за собой коллегу, который его поддерживал. Полицай расстреливает обоих. Боже, сколько осталось трупов на той дороге. Все наши иллюзии на лучшее, как ветром сдуло.

Наконец-то лагерь. Но какой большой, четко спланированный. Не, это не гетто. Перед нами широченные мощные ворота. Дальше высокая каменная стена, сторожевые вышки с пулеметами. Нас ещё не запускают. Стоять на измученных ногах неимоверно тяжело. Мучает жажда, голод.

Наконец-то в лагере. На плацу снова стоим час или ещё больше. Ноги онемели, но держимся. Нас предупредили – сесть или упасть – значит смерть. Наконец-то переключка и в баню. Всех бредут под ноль. Немцам нужны человеческие волосы.

Позже мы узнали, то в концлагеря был спущен специальный указ Главного административно-хозяйственного управления СС, чтобы человеческие волосы собирали, паковали и отправляли на переработку. У них ничего не пропадает зря. Тут даже пепел из крематория продавали крестьянам для изготовления компостов и удобрения полей.

С приближением фронта эсэсовцы зверствовали еще сильнее. В один зимний день в лагерь привезли большую партию людей. Они были очень истощены. Лица у всех – кости, обтянутые серо-землистой кожей. Их также держали на плацу долго. Потом их партиями отделяли от колонны, тут же заставляли раздеваться и гнали в баню. Оттуда снова на плац, но одеваться не давали. Эсэсовцы окружали группу голых людей и струей холодной воды из шлангов сгоняли в кучу. Люди, как подкошенные падали один на другого замертво. Они были настолько обессиленные, что ни противостоять, ни даже кричать или стонать не могли. Когда их забирали в крематорий, трупы были скованы льдом.

Человеку с нормальной психикой такого адского зрелища невозможно выдержать. Эсэсовцы ж его творили с холодным сердцем. Какого же наказания должны заслуживать такие изверги?!

А вскоре и нас погнали в другой лагерь. Пешком. Без еды, без воды. Били. Пристреливали немощных. Мы предчувствовали, что нас гонят на казнь, но все же держались, хотя силы оставляли людей с каждым шагом, с каждым вздохом. Не знаю, сколько нас добралось до нового лагеря Генскирхен, но много наших легло на той дороге трупами. Погиб на том пути и брат моего отца.

Иногда задумываюсь, сколько же людей поглотили лагерь, сколько людей полегло от пуль охранников. Из документальной литературы вспоминаю только один случай, когда еврейская женщина набросилась на полиция, вырвала из его рук автомат, когда лагерь гнали на казнь. Зря, что не успела воспользоваться оружием, но пример героический, бессмертный. Нетяжело себе представить, если бы на охранников набросилась вся колонна, организованно, погибло бы несколько десятков узников, может сотня. Но они погибли бы, как герои, а не как жертвы, освободили бы основную массу людей. Правда, и то нельзя не учитывать, что изнуренный голодом, угнетенный безысходностью человек теряет способность организованности, сопротивления. К тому же и упущения воспитания, подготовка к самообороне.

Освободили нас американские войска. Но предоставить квалифицированную помощь такой массе людей они, ясное дело, не могли. И голодные узники ели мясо с забитых лошадей, собак.

Более опытные береглись, чтобы не переедать. Но не каждому это удавалось. Второй брат отца умер как раз от того, что перегрузил истощенный организм мясной едой.

Нелегко далось нам и возвращение на Родину. В нашей семье все переболели. Два моих брата – инвалиды. У меня обмороженные от того зимнего перехода ноги. Тяжело было при таких обстоятельствах выжить поодиночке. В коллективе легче. Евреи – народ дружелюбный, склонный к сгруппированности.

Живу надеждами, что прогрессивные силы смогут не допустить возрождение фашизма и обеспечат всем людям мирное процветание. Несмотря ни на какие волнения.

МЕДВЕДЕВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

Я, Медведев Владимир Семенович, родился 3 июня 1924 года.

До войны, в 1940 - 1941 годах, учился в ремесленном училище №3 города Макеевки. Впоследствии меня часто упрекали в том, что я остался на оккупированной территории во время войны и в том, что я попал в Германию. И как было доказать, что моей вины в том не было?

Где-то в августе - сентябре 1941 года, незадолго до того, как Донбасс был захвачен немцами, нас, учеников, откомандировали в отдел кадров металлургического завода им. Кирова. Перед этим нам присвоили квалификацию слесарей 5-го разряда, но перед самым выпуском мы получили приказ сдать обмундирование, что мы и сделали. Из училища нас выпустили, а на завод не приняли, в эвакуацию нас не взяли, так и получилось, что мы остались в оккупации.

Во время оккупации я жил в Сталино. Целыми днями мы пропадали на рынках. Один из них – центральный – находился за Центральным универмагом, другой, он тогда назывался Сенной базар, был расположен на том месте, где сейчас находится Центральный колхозный рынок Донецка. Мы все время что-то продавали, обменивали – все, что удавалось утащить у немцев во время наших ночных вылазок. Так проходили недели и месяцы. Часто попадали под облавы, но умудрялись уходить из-под носа оккупантов, иногда прикидываясь глухими или придурковатыми сумасшедшими.

Но зимой 1942 года уйти от облавы не удалось, и нас, несколько десятков человек схватили, обрили наголо и отправили в сборный пункт в здании оперного театра. Вечером погрузили в «телятники», вагоны закрыли и повезли под такой надежной охраной, что о побеге и речи быть не могло.

Привезли в Кельн и выгрузили прямо на площадь, недалеко от знаменитого Кельнского собора. Людей, захваченных в разных городах, было очень много, транспорт приходил по несколько раз в день. Постоянно шёл отбор «рабов» по профессиям и специальностям.

Однажды объявили, что требуются автослесари, ну я и вызвался быть таковым, хотя в этой профессии ничего не смыслил. Так я попал на вагонную фабрику в город Юлих. Около года мы жили прямо на территории фабрики, на разгрузочной площадке, и только потом выстроили бараки за территорией фабрики, куда нас и перевели. Жили мы и ходили на работу под охраной.

Со временем среди рабочих возникла подпольная группа Сопротивления, куда вошёл и я. Нашей первой задачей было раздобыть радиоприёмник и пишущую машинку. Когда нам удалось это сделать, мы стали слушать сводки Совинформбюро и печатать листовки на немецком языке и писать листовки на русском от руки. Мы старались освещать действительное положение на фронте и призывали рабочих всех национальностей к неповиновению немецким властям и по возможности совершать диверсии. Деятельность нашего подпольного комитета шла довольно успешно. Нам удавалось распространять информацию и в другие рабочие лагеря.

Но в 1944 году начались аресты. Были схвачены многие члены подпольной организации в городах Юлих, Ахен, Кельн, Дюрен. Попал под арест и я. Это произошло 22 июня 1944 года.

Арестованных содержали в гестапо города Бонн, где нас пытали жестоко и страшно. Из гестапо я попал в тюрьму и получил тюремный номер 550/44. В тюрьме было ничуть не легче – жесточайший режим, по любому поводу и даже просто ни за что можно было угодить в карцер. Под следствием нас было 65 человек, в основном, мужчины, девушек было немного. (В 1988 году я разыскал Людмилу Родите из Мариуполя, с которой я был арестован в один день. Встретились через 54 года!). После окончания следствия мужчин отправили в пересыльный лагерь в Кельн. Там-то мы и перезнакомились друг с другом, все, кто состоял в движении Сопротивления.

Из пересыльного лагеря нас возили по тюрьмам разных городов – Гоф, Кассиль, Лейпциг, Мюнхен, пока не привезли в страшный своей жестокостью концлагерь Маутхаузен. Это был лагерь категории III – показатель самого строгого режима, из таких мест обычно не возвращаются.

В Маутхаузене был гранитный карьер, который впоследствии стал знаменит – «Винр Грабен», в карьере была «лестница смерти», по которой узники поднимали гранитные глыбы. Донесешь до верха – останешься жив, выронишь непосильную ношу – и тебе конец. На этой лестнице пришлось несколько раз побывать и мне.

Вспоминая условия жизни в этом аду, то, как нас морили голодом и холодом, я по сей день диву даюсь, как удалось уцелеть!

Потом я попал в команду Гузен II под номером 77844 на земляные работы – мы пробивали штольни в горах. Вот где мы познали все ужасы фашистской неволи! На работу в этой команде уходило 200 человек в смену, а возвращалось живыми около 160 – и так каждый день! Кроме того, каждый вечер после отбоя в наш блок №6 входил блоковой, выстраивал всех заключенных и отбирал человек по 30-40 для отправки в крематорий. В эти группы попадали заключенные разных национальностей, а в нашем блоке были и французы, и поляки, и итальянцы, и русские.

Зимой 1944 - 1945 гг. произошёл такой вот страшный случай. Однажды нас выгнали из бараков на мороз, заставили разуться и раздеться полностью. В это время проводили дезинфекцию бараков, а нас целый день продержали на холоде. Когда нам наконец-то разрешили вернуться в бараки, от всех, кто был утром в бараке, осталась только третья часть, остальные остались лежать мертвыми, сложенные в аккуратные шеренги на земле. Многих умертвили в газовых вагонах, в которых людей грузили якобы для отправки в другой лагерь, а на самом деле, чтобы просто уничтожить.

Затем я попал в другую команду, где познакомился с одним австрийцем, который привлёк меня к работе в группе Сопротивления. Участники движения ставили своей задачей по мере сил обеспечить защиту заключенных от полного уничтожения, мы узнавали и распространяли новости с фронтов и старались сплотить всех заключенных.

Трое из пяти узников, попавших в разное время в Маутхаузен, не дожили до 5 мая 1945 года, когда лагерь был освобожден.

НОЙЕНГАММЕ

Концентрационный лагерь Нойенгамме был основан под Гамбургом в 1938 году. В нем не совершались массовые убийства заключенных. Это была скорее трудовая колония, в отличие от фабрик смерти Освенцим или Бухенвальд. За все время существования лагеря его узниками были 106 000 человек, из которых 42 900 человек погибли.

В Нойенгамме было зафиксировано 2 случая отравления газом советских офицеров. В первый раз было убито 197 человек, не желавших идти ни на какой контакт, и во второй 251 человек по той же причине.

Более случаев отравления людей газом в Нойенгамме не происходило.

Работа в главном лагере была сосредоточена на кирпичном производстве в первой половине войны. После того, как заключенные закончили строительство нового кирпичного завода в 1942 году, одним из самых густонаселенных заданий была работа в глиняном карьере, добыча и транспортировка глины из главного лагеря для производства кирпича. Также на территории лагеря действовали оружейные заводы Messar и Jastram, где использовали узников концлагерей в качестве рабочей силы. Поскольку в период с 1940 по 1942 годы уровень смертности вырос, в лагере был построен крематорий. После 1942 года

медики Нойенгамме регулярно убивали заключенных, слишком слабых для работы, с помощью смертельной инъекции.

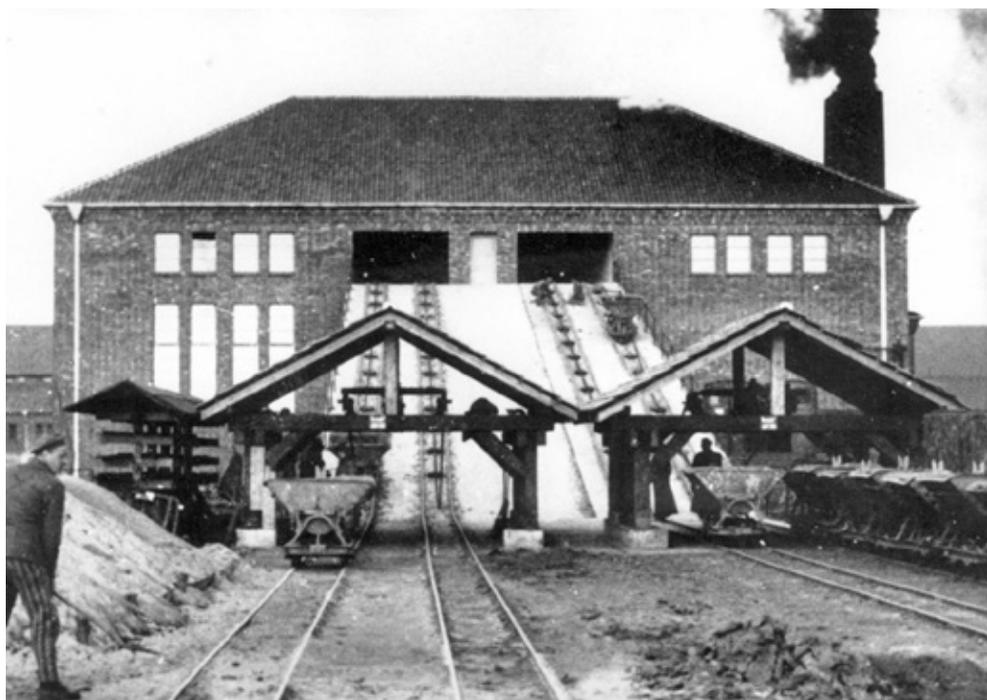
По требованию коменданта лагеря, который находился под впечатлением от лагерного оркестра, увиденного во время поездки в Освенцим, такой же был создан и в Нойенгамме. Служба СС снабдила музыкантов нотами и инструментами.

Оркестр, в котором было 25 музыкантов из Франции, Италии, Дании, Польши, Бельгии, Чехословакии и Германии, выступал в Нойенгамме с 1940 года до последних дней существования лагеря. Обязанности музыкантов были многочисленны и разнообразны. Как и большинство других лагерных оркестров, музыканты Нойенгамме каждое утро и вечер исполняли у главных ворот лагеря маршевую музыку для рабочих отрядов, выходящих на принудительные работы и возвращавшихся в лагерь.

В промежутке между 1942 и 1944 годами в Нойенгамме был создан еще один оркестр, гораздо большего размера, чем первый. Один из бывших заключенных лагеря вспоминал, что музыканты носили особые синие и белые костюмы. В составе оркестра было от 60 до 80 музыкантов – французов, поляков, русских, немцев, датчан, голландцев и чехов.

Концентрационный лагерь Нойенгамме был освобожден англичанами лишь в последние дни войны: они вошли на его территорию 4 мая 1945 года, когда на его территории уже практически не осталось никого в живых.

ШАПОШНИКОВ ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ

Родился в селе Малоукраинка Николаевской области на Украине, 20 октября 1923 года. Когда мне было полтора года, умерла моя мать, когда мне было 7 лет – умер отец. Я остался сиротой. Воспитывался у дедушки, у отца моей покойной матери. С 1934 года в колхозе, где я родился был создан детский дом и старшая сестра отдала меня в этот детдом. Там я воспитывался по октябрь 1940 года, потом детдом расформировали. Много детей забрали домой. Сестра меня взяла к себе, и я жил в ее семье. Там я жил до 1941 года. В 1931 году пошел в школу. И в 1941

году закончил 9 классов средней школы. 8 августа 1941 года немецкие войска оккупировали наш район и наше село Малоукраинку. С августа по июнь 1942 года я проживал на оккупированной территории, работая в сельхозобщине, а в июне 1942 года меня с другой молодежью угнали в

Германию. Везли в закрытых вагонах, пищи почти не давали. Охраняли эсэсовцы. Когда мы въехали на территорию Польши, прошли проверку. Эти вагоны мы в то время называли телятники. Доставили нас в город Вильгельмсхафен и поместили в лагерь остарбайтеров. Лагерь был обнесен колючей проволокой. Сильной охраны не было. Питание было более-менее нормальное. Во время пребывания в этом лагере у нас была организована бригада из семи человек. Мы работали грузчиками в порту. Были большие склады с одеждой офицеров и какие-то запчасти, они были в больших ящиках. Мы это все грузили в вагоны. Много ткани грузили, помню. В порту я проработал до марта. Забегу немного вперед. Общаясь после войны со своими земляками, которые были тоже в этом же лагере остарбайтерами, мы пришли к выводу, что в этом лагере были наши же, такие же земляки, завербованные немцами как агенты, которые выдавали наших людей.

В феврале 1943 года в комнате, где мы жили произошел такой разговор. В августе 1942 года из лагеря сбежали несколько человек, тоже наши земляки и я говорю, мол, наверное, ребята уже дома, надо и нам подумать, как отсюда выбраться. Это я зря сказал. И эти агенты, которые были среди нас, доложили. Ни с того ни с сего приехали гестаповцы и забрали меня. Я сказал, что разговор такой вел, но попытки к побегу не предпринимал. С неделю я пробыл в гестапо. Полицаи нас били. Потом снова вернули меня в лагерь, в мою же бригаду. Продолжал работать грузчиком в порту. Потом я заметил, что некоторые мои земляки возле меня крутятся, расспрашивают.

В марте 1943 года меня забрали в гестапо повторно. Снова жестоко наказали. Дали двадцать пять плетей на мягкое место. Допросили. Через три дня отправили меня в концлагерь Нойенгамме. Там я попал в блок-изолятор №12, по-моему. На работу меня не гоняли. Присвоили номер 19099. Этот номер остался в памяти на всю жизнь. Нам его на шею вешали на веревочках, и он же был на одежде и на штанах. Раз в две - три недели нам выстригали волосы полоской посередине головы. Через 7-8 дней меня отправили в филиал лагеря в Виттенберге. Работали мы на строительстве завода Фрикс. Когда я прибыл в лагерь, там уже были узники из Нойенгамме. Нас привезли туда только один вагон, как пополнение. Узники Виттенберга рассказали, что многие умирают от истощения, кого-то забивают капо. Особенно заместитель коменданта был жесток. Его сами узники прозвали «шварцегент». Избивал узников за малейшую провинность резиновой дубиной. Был капо Бруно – жестокий человек, часто нас бил, если где-то оступился, пытался отклониться от работы. Он бил по голове, по щекам. Как ляпнет, некоторых даже с ног сбивал, кто слабый был.

В Виттенберге я попал в команду. Мы подкатывали вагонетки и из ковша бетономешалки загружали цемент и скатывали вагонетку на круг, потом разворачивали и поворачивали в нужном направлении. Это было опасно. Часто вагонетки забуривались, сходили с рельс, а груз был большой, до полторы тонны. Поднять ее было тяжело. И в этот момент капо били нас руками, ногами. Этими работами руководил гражданский мастер. Ему лет 65-67 было. Мы ему предложили, чтобы достать где-то башмачки, чтобы под вагоны устанавливать. Это облегчило наш труд. Мы вагонетку на круг выкатываем и под колеса подставляем башмачки и вагонетка уже не скатится. В это время мы свободно разворачивали вагонетку и легонько снимали башмачки, вагонетка легко дальше шла. Мастер нас похвалил.

Бетонные работы были очень тяжелые. До весны 1944 года мы так работали. Сначала бетонировали сваи, потом подавали бетон наверх, в опалубку заливался бетон в трубы, некоторое время спустя, когда бетон закреплялся, получалась готовая бетонная опора. Потом бетонировали полы. А когда сваи были готовы, снова на них накладывалась деревянная опалубка. Там уже плотники работали. Мы бетон доставляли. Потом подготавливали крышу, разливали бетон, выравнивали, потом опалубку снимали, деревянные доски убирали. Получался каркас завода.

Лагерь у нас был небольшой, прямоугольной формы. Справа при входе было кирпичное здание, где размещались эсэсовцы. Там, наверное, был и кабинет коменданта. Я там не был никогда. Рядом было небольшое помещение – псарня. Слева при входе пищеблок или столовая. Были там деревянные столы, сплошные скамейки. С обеих сторон размещалось по шесть человек. Всего за столом – двенадцать. Был старший по столу. Таких столов было примерно десять или двенадцать. Можно посчитать, что было 120-150 человек людей. Я по столам посчитал. Кормили нас всех в одну смену. Кормили утром и после работы.

Построение утром делали по колоннам. Колонна слесарей, каменщиков, бетонколонна. Перед работой пересчитывали.

Перед столовой были небольшие мастерские по починке обуви и одежды. Там работали по два узника. Был поляк и немец. Потом стоял барак прямоугольный. Там были трехъярусные деревянные нары. На нарах были обыкновенные из мешковины матрацы и подушки, набитые соломой. Только на подушках более мягкая ткань. Одеяло было полушерстяное, иногда зимой давали по два одеяла. Блок не отапливался, было очень холодно. В этом же блоке были капо. Только они жили отгороженные от нас шторочкой. У них там уютней было. Задняя сторона лагеря выходила к берегу Эльбы. За туалетом находился

режиссер – больница. Возглавлял больницу врач поляк. Хороший человек, помогал узникам. Потом была кладовая с продуктами, хлебом. Была кухня, там работал украинец, его немцы звали Антык. По-нашему Антон или Анатолий. Позже я начал вспоминать, что были на кухне белые батоны, но нам их не давали. Нам давали 100-150 граммов эрзац-хлеба. А белый хлеб давали эсэсовцам. Давали эрзац-кофе – из прожаренного ячменя. Когда на дне оставался этот ячмень, кто успевал, миской или руками набирал из бочки. Повар черпаком по голове давал за это.

Где-то с мая или июня 1944 года у нас в концлагере начали завозить кантину. Нам выдавали талончики, там было обозначено 7, 8, 9, 10 марок. Завозили кантинку в выходные дни. Завозили, например, бочку квашенной капусты. Иногда протухшей. Нам ее продавали. Капусту могли за 5, 6 марок продавать. Мы отдавали талон и нам давали в миску черпаком капусты – полтора – два черпачка. Иногда мы ее еще по пути съедали, потому что миску нужно было оставить на кухне. Иногда завозили фиш-пасту. Тогда цена была больше – девять, десять марок. Также ее давали. Завозили еще красный буряк, 1-2 раза была французская еда в ракушках, маринованная с салатом. Но это было 11-12 марок, дорого. Очень редко на кантину привозили сигареты. Я не курил, но сигареты сохранял. Больше всего отдавал сигареты своему фотарбайтеру Альберту Гину. Он всегда по морде бил. Был жестокий. Я ему сигареты давал, а он мне своей баланды, которую сам не ел. Многие немцы, наверное, получали посылки. Пакеты заносили, я видел. Так что эта кантина была подспорьем в питании.

И вот к началу лета бетонные работы были закончены. С нашей бетонколонны сформировали бригаду 18-25 человек и водили в километр от лагеря, куда подавались открытые вагоны, которые мы разгружали и освобождали путь.

Один раз разгружали вагоны с продуктами. И где-то по углам оставались остатки еды, и узники их подбирали. Мы потом распределили, кто будет лезть потом в вагон и собирать остатки. Если было остатков много, то разделяли между собой. Все это мы тщательно прятали, потому что могли наказать. Ножички мы себе маленькие сделали, бывало прямо на работе быстро-быстро обчистим и сразу съедим.

Лагерь у нас был квадратнообразный и обнесен проволокой. Было две вышки. Одна у входа в лагерь, а вторая на другом конце, где был выход к Эльбе.

Когда после работы приводили нас в лагерь, был пересчет, после этого заводили в пищеблок и мы слышали, когда кто-то из эсэсовцев выходил и подавал команду «снять посты», то есть снимали охрану.

До января 1945 года я проработал в бетонколонне. После этого меня и других узников возвратили в концлагерь Нойенгамме. 10 или 12 дней пробыл в блоке-изоляторе. Блоковой капо отобрал нас 6 или 7 человек и повел выносить трупы из других блоков. Мы их погружали и везли в крематорий. Первый раз я тогда и увидел крематорий, на наших глазах их сжигали на нагретой плите. Смотреть это было физически невозможно. Когда труп уже начинал гореть, он начинал подергиваться, он как будто оживает, дергается. 2 или 3 раза мы возили трупы. Потом нас набили человек 60-70 в вагон и оправили в концлагерь Кальтенкирхен.

Концлагерь был побольше, чем Виттенберг. Находился он в лесу. В нем уже было где-то 400 000 человек, может до 500 000. Мы работали на строительстве военного аэродрома. У нас в бригаде было человек 30. Вокруг леса, шириной где-то 10 метров, был уже вырыт котлован. К нам подвозили дизельным локомотивом крупными вагонетками гранитный щебень. Мы должны были подготовить бетонные полосы, где должны быть стояночные площадки для самолетов. Работая на разравнивании щебня, за лесом, где-то в пределах 5-7 километров, мы видели, что взлетали самолеты. Иногда они прямо в воздухе загорались, пилот успевал катапультироваться с парашютом, но не всегда. Иногда они там сгорали. Оказалось, что там проводились испытания реактивных самолетов.

Питались мы баландой, хлебом. Хлеба 100-150 граммов и немного маргарина. Давали черный суррогат – кофе. Еду привозили прямо на рабочее место.

Когда мы возвращались с работы, был один товарищ ослабленный, истощенный начал падать на колени. Мы ходили на работу колонной по 5 человек. Я с другими товарищами взяли его на плечи, на себя, протаскивали его практически в самый лагерь. Он был русский, ему уже лет 45 было. Оттащили его в барак. Потом я его не видел. После этого один эсэсовец, который видел, как мы его тащили, на следующий день, когда привезли нам баланду, мы уже поели, и я присел, этот эсэсовец, ему лет за 50 было, подошел ко мне, смотрит на меня, положил рядом сверточек и ушел. Я его забрал, а там оказался кусочек бутерброда, помазанный маргарином.

В этом лагере я находился недолго, людей распознать не успел всех. Познакомился больше с теми людьми, с кем в команде работал. Был у нас один Миша. Он сам из Пскова. Наши войска уже приближались с Востока и мы уже от немцев, особенно от мастера узнавали, что союзники открыли Второй фронт. Поняли мы, что молодых эсэсовцев из лагеря заменили на пожилых. Некоторые уже толстые были, оружие даже брать не могли. В конце февраля из лагеря бежала группа узников – 2 немца и один поляк.

Мы решили тоже бежать.

Миша, я и Иван собрались бежать. Особенно помог в этом Миша. Он 1927 года рождения. У него отец до 1944 года еще на фронте погиб, мать немцы расстреляли. У него сестра меньшая была, у тети воспитывалась, а он пошел добровольцем летом 1944 года на фронт. Раненый он попал в плен в лагерь военнопленных. Оттуда бежал, его поймали, и он попал в концлагерь.

Как мы вели подготовку. Мы доставали немецкие сигареты. Старые немцы сосали «Приму». Мы эту «Приму» высушили, спрятали. Миша раздобыл кусачки у тех, кто нам на вагонетках щебень привозили. Шли разговоры, что фронт приближается, и нас всех уничтожат немцы. Раздобыли мы курточки. Выменяли их за сигареты на складе. Нужно было спрятать полосатую одежду, потому что ее будет видно. И вот с 6 на 7 марта часов в 11 вечера на расстоянии больше 100 метров от охранной вышки Миша пошел первый. Кусачками вырезал круг проволоки, потом второй ряд забора тоже вырезал, чтобы можно было пролезть. Мы соблюдали дистанцию 10-15 метров. Я пошел вторым и Мишу уже не видел. Вокруг лагеря была пустота, все просматривалось, а дальше редкий лес. Я прополз дальше и увидел, как с прожектора немцы пустили свет на проволоку. Проволока вообще должна была быть под напряжением, но немцы экономили и повесили на проволоку консервные банки, они даже от ветра просто тарабанили и подавали звук. И вот Иван, видно допустил оплошность и зацепился за проволоку. Немец оттого и включил прожектор. Но я продолжал ползти, чтобы скрыться. Потом включили второй прожектор. Услышал, что Ивана увидели и раздались выстрелы. Я дополз, поднялся на ноги, и мы начали быстро бежать. Миша был моложе, крепче, недавно только в концлагерь попал. Я пробежал метров 120 и упал, Миша мне помогал бежать. Минут через 20 мы слышали лай собак, они пошли по нашим следам. Миша сказал, чтобы я шел, а сам он пошел в сторону и вернулся назад. Сделал ложный след, потом вытащил табачок и затрусил свой след метров 20. Казалось, что собаки уже прям на пятах у нас. Минуты через 3-4 слышали, что лай собак стал удаляться. Собаки нанюхались табака и потеряли след. Вот так мы бежали.

Мы знали, что нужно где-то замаскироваться и лежать. Земля была сырая, весь день мы лежали, чтобы днем никто не видел. А ночью мы поднялись и часов в 10 вечера вышли к железнодорожному разъезду. Там стоял военный эшелон на вторых путях. На нем стояли пушки под брезентом. Мы спрятались под брезент. Проехали 100-150 километров, отделились от лагеря. Часа в четыре утра нас постигла неудача. Миша обнаружил, что от головы поезда идет офицер с собакой именно в нашу сторону. Миша дал команду тихо отползать и прыгать из вагона. Собака

нас услышит. Мы прыгнули, создался шелест, собака загавкала, мы прилегли в ямку. Это у нас везение было. Из 1000 единственный случай побега. Собаковод, видимо, не захотел собаку под вагоном проводить и привязал ее, а сам пошел за вагон, дал автоматную очередь, над нашими головами посыпались листья и сказал по-немецки, мол, «никого нет». И немцы ушли. Миша предложил разойтись, если вдруг нас начнут с собакой преследовать, чтобы хоть одному удалось спастись. Мы разошлись в разные стороны, он сказал, что мы в лесу встретимся. Вот мы разошлись и до сих пор не встретились. Я пытался его найти после войны, но не получалось. Шел я до утра, потом снова лег и лежал. Думал, а вдруг Миша лучше сориентируется и найдет меня. Лежал я уже полностью голодный, еда закончилась. Мы когда бежали взяли каждый себе запас. Всю следующую ночь я шел и вышел на мостовую дорогу, здесь было здание над дорогой. Я хотел пробраться ползком, видел, что там картофель есть. Думаю, наберу картофеля, в лесу разожгу огонь или так, сырой съем. Со мной ножичек был. Домик был двухэтажный. Я зашел туда, нашел хлеб и миску вареной картошки, но она уже была кислой. Как у меня хватило силы воли, я бы отравился. Хлеб был заплесневевший, но я обрезал, под краном размочил и съел. Тут же я сел на стул и меня повело в сон. Заснул, а потом услышал гул. Приоткрыл шторку и увидел едущие машины. Я струсил. В этом доме я еще нашел обувь, одежду. Обувь, брюки, кофту, рубашку поменял, фуражку-тельманку нашел. Думаю, раз машины едут, нужно уходить. Нужно было свою старую одежду спрятать, распихал ее в гардероб. Уже собрался выходить, опять слышу мощный гул, снова вернулся, уже начинало рассветать. Вижу, советские танки едут со звездой. У меня волосы дыбом поднялись. Минут через 10 наши на трофейном мотоцикле подъехали. Убедившись, что это едут наши, я вышел из дома. Слышу, идут наши солдаты – сержант и старший сержант. Они на меня наставили автомат. Я говорю: я свой. Они меня обыскали. Посадили меня в мотоцикл. Советский батальон остановился в поместье бауэра. Меня определили на кухню работать.

Во второй половине дня меня часовой позвал. Меня назвали советские солдаты «пленный». Вызвал меня лейтенант. Допросили меня, сказали, чтобы я написал все, какая немецкая разведка меня заслала. Я ему все написал, как было, как я попал в лагерь, где был. Лейтенант был подвыпивший и сказал, что я все наврал, ликвидировал мое письмо. Говорит, придешь завтра и будешь снова все писать. Я пошел к повару, рассказал ему все. На следующее утро я снова писал, и он опять все порвал. Говорит, будешь после обеда снова писать. Я сказал, что писать больше не буду. Он достал пистолет. Я сказал: стреляйте, если вы так считаете нужным. Я готов. Он сказал: иди вон. Убрал пистолет, и я ушел.

Пожаловался повару. Я часа полтора-два писал все это, а он порвал. Этот повар посоветовал обратиться к начальнику штаба. Обратился я к начальнику штаба. Он был в звании капитана, бывший танкист. Пожаловался я ему, он сказал: хорошо, иди, работай. Буквально на следующий день подъехал офицер. Меня вызвали. Захожу в кабинет, сидит майор, под 50 лет, представительный. Он меня стал спрашивать, я рассказал, как я сюда попал. Стал спрашивать про того офицера, что порвал мои воспоминания, я рассказал все как было. Но майору я не сказал, что тот лейтенант был выпившим. Дали мне листы с вопросами, я отвечал часа полтора. Майор подошел, прочитал все, задал пару вопросов и спросил, почему я не заполнил графу о том, был ли я за границей? Я сказал, что я был за границей как узник, а таких тогда называли «депортированный». Но он сказал, чтобы я там написал, где был, потому что я долго был в Германии.

На второй день утром он снова приехал, я уже успел позавтракать. И забрал он меня в лес, вглубь километров 40-50. На месте он мне объяснил, что здесь взвод разведки и у них погиб или заболел солдат, который знал немецкий язык. А разведчики, которые ходили глубоко в тыл, без человека, знающего немецкий, не ходили. Часов в 11 мы пошли в тыл. Шли ночь, до утра не успели добраться. Шли также, как и я, когда бежал. День лежим, ночь идем. Через 2-3 километра подошли к трассе. Мы вдвоем дальше пошли. Нашли штаб дивизии танковой, залегли в кювет, спрятались и через 5 минут где-то прошли солдаты человека 4. Это сменили охрану склада. Метрах в 10 от нас часовой спросил разводящего: «Когда мне придет смена». Тот ответил: «Через 15 минут». И они разошлись. Я перевел все своему сержанту. У нас появилась возможность встать и пойти дальше, куда нужно. Часов в 7, начало 8 мы подошли к зданию склада, меня на торце оставили. Часовому всунули кляп и убили. Я нес все время сумку с гранатами и кассетами ПППШ. Дали мне гранату в руки. Там три немца были, наши их схватили, забрали пистолет у немца. Нужно было оттуда документы забрать. Говорят мне, чтобы я их выбирал. Я говорю: да мы тут до утра будем, пока я выбирать буду. Я схватил со стены плащ-палатку пятнистую, скинул туда все документы, там папок 5 или 6 было, толстые и тонкие, все, что было в сейфе, взвалил на плечо себе.

Пришли мы, я лёг спать и часов в 10 снова приехал тот же майор, забрал меня в штаб, откуда меня взял. Дал мне пилотку, брюки военные, обмотки и оставил в окопах. Потом участвовал в боях с середины марта и до Дня Победы. Меня учили разбирать автомат. На четвёртый день был бой, мы отбили немецкую атаку. Во время одного боя в районе Данцига я получил легкое ранение. Попал в санбат.

День Победы встретили мы 2 мая в 30 - 40 километрах юго-западнее Данцига. Мы думали, что уже День Победы, начали стрелять. Нас выругало руководство, сказали, то еще не Победа.

С февраля 1947 по март 1948 года я еще год служил, так как имел почти среднее образование. Потом женился. Работу я найти не мог, поехали в Белоруссию. Я там год проработал, потом вернулся обратно на Украину.

В 1960 году поступил в 10 класс вечерней школы. Работал секретарем сельского совета Малоукраинки, потом работал в общем отделе районного исполкома, получил высшее образование в торгово-экономическом институте во Львове в 1970 году по специальности «Экономист». По 1985 год работал старшим контролером, ревизором от Минфина УССР. После ушёл на пенсию. Потом 5 лет работал пчеловодом. С 1993 года не работаю.

28.05.2013 г.

СИНЯВИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Я, Синявин Юрий Алексеевич, 1925 г.р., уроженец г. Харькова, являюсь (имею удостоверение) бывшим малолетним узником фашистских концлагерей: «Освенцим», мой лагерный номер узника 161756 (татуировка на руке) и концлагеря «Нойенгамме», куда был этапом (транспортом) вывезен из Освенцима. Освобожден англичанами 3-го мая 1945 г. и занесен в книгу «Погибших и пропавших без вести». Книга эта имеется в Московской ассоциации МАБУФ. В 1975 году в издательстве «Прогресс», г. Москва, под редакцией Букреева, была издана повесть Руди Гагуэля «Кап-Аркона», в которой описывается гибель пассажирского лайнера «Кап-Аркона», на котором находились заключенные концлагеря «Нойенгамме». В книге описывается побег одиннадцати заключенных с «Кап-Арканы» (в конце апреля), из которых в живых остался я один. Р. Гогуэль пишет, что я был расстрелян, а я вот жив.

Из книги Руди Гогуэля «Кап-Аркона», которую мне любезно предложил прочесть бывший узник концлагеря Нойенгамме Григорий Никонович Кульбака, я прочитал о побеге, в котором принимал участие и остался в живых я один. Руди пишет, что в побеге участвовало 11 человек – это верно, нас было именно одиннадцать. И что одного из них, окоченевшего, выловила береговая охрана и не переправила, а сообщила на «Кап-Аркону» соответствует действительности, а вот то, что меня

казнили, тут уж я позволю не согласиться, так как пишу воспоминания через 46 лет. Я об этом побеге рассказывал в одиннадцати театрах нашей страны, в которых мне довелось работать актером.

В книге Руди есть предположение, что один из одиннадцати добрался до берега, я в это не могу поверить, это было невозможно. Еще одна очень важная деталь. Наш побег был организован подпольным комитетом борцов-антифашистов, который возглавлял В. Букреев, видимо, от советских узников. Может быть это и так, но я в это посвящен не был.

Теперь как это все было. Я находился в трюме, где, по всем показателям, возили продукты, по книге Руди, их называли банановыми может быть. Стены были оббиты вагонкой и окрашены в белый цвет. В некоторых местах трюма можно было перемещаться только в полусогнутом состоянии. Моему ангелу-хранителю я облегчал мое спасение тем, что еще с довоенного времени был физически хорошо подготовлен, много читал и умел, мне так кажется, рассказывать, о чём я в тот вечер рассказывал – не помню, но, видимо, о кинофильме «Цирк», я его смотрел раз двадцать, ей богу, не вру. И закончив рассказывать в одном месте, меня тут же просили рассказать и в другом. Рассказывая коллегам в театрах о побеге, я не знал точно какое было число месяца (забыл), говорил. В конце апреля, а по книге Руди, это было 29-го апреля, возможно, так и было. Но средства для побега мы нашли за день, 28 апреля. Во время моих рассказов, меня попросили прерваться. К нам подсели незнакомые и сообщили, в одном, из забитых досками, трюме, они взломали дверь и нашли канаты, две надувные лодки, многоместные, и одиннадцать пробковых жилетов. Начали совещаться – как быть. То, что нам угрожает гибель, мы не сомневались, и не только потому, что нас должны были уничтожить. К нам, в нижние трюмы, не регулярно попадала пища и вода, наши люди, которые ходили, чтобы ее принести, возвращались с синяками и в разорванной одежде с пустыми термосами. На них набрасывались по пути и все это расхватывали.

У всех у нас были котелки и миски, у кого не было – это равносильно гибели.

Остановились на жилетах. Лодки мы отвергли. В иллюминатор их не протиснуть, да и охрана ходит по борту, шаги их в вечернее время слышны через иллюминатор. Сколько нас было человек в трюме – не могу сказать, но много, может быть, двести человек, может быть и больше. Драки за жилеты не было и жребий мы не тянули, все это было на добровольных началах и пошли на это либо самые отчаянные, либо самые... В общем, я был восьмой. Многие имели печальный вид, были и такие, что уже и не поднимались со своих мест, лежали и ждали своего конца.

Так что одиннадцать человек, согласившиеся на этот дерзкий побег, ждали своей участи. В первый вечер мы подошли к иллюминатору и перед нами: обрывистый берег, вроде, недалеко, мы стояли в Любекской бухте. По нашим подсчетам, до берега метров 700 - 800, это если смотреть сверху, до воды метров 5 - 6, так нам казалось. Справа стоял ещё один корабль, а слева был буй и в нём горел фонарь синего цвета. Так, что, если плыть между ними, можно попасть на желанный берег. От нашего парохода исходила огромная тень, луна восходила из-за противоположного борта, это нам благоприятствовало. Мы привязали котелок и опустили в море, чтобы определить температуру воды, опускали котелки и раньше, пытались пить эту воду, не вкусно, вода горько-соленая, не пойму, почему мы не измеряли расстояние до воды, но это было не так важно. Важно было расстояние до берега и температура воды. Вода в котелке нам показалась не такой уж холодной. Среди нас был охотник и он рассказал, как он плавал за утками убитыми, разбивая тонкий ледок, у него не было собаки. Побег должен был состояться на другой вечер, когда начнет восходить луна. В эту ночь – какой сон, ведь нас могли предать, да и кое-кто мог передумать, но этого не произошло, хотя лично у меня была такая мысль, чего греха таить. Стыд пересилил, да и слово дал. Днём начали собираться, в нашем трюме начальства не было. В это трудно поверить, но с нами кое-кто делился своими запасами пищи, откуда еда – это из другого письма. Мне наполнили полулитровую бутылку сигаретами, хорошо ее закупорили, я должен был плыть с ней, верили, что выплывем и встретимся. Самая большая ошибка, что в течение дня мы не выучили друг у друга адреса, да и впоследствии я к этому относился халатно, а зря, ох, зря.

Прошел день, сколько передумано и переговорено, помню, что был земляк из Харькова и кто-то из Прибалтики. Вот и все, что помню. Да это и неважно, день прошел, как во сне, вот это помню. У иллюминатора мы стояли долго, не только мы, одиннадцать человек, стояли все, кто мог стоять. Было тихо. Ждали, когда стемнеет.

Жилеты завязывались шнурком у шеи и на поясе. На мне был серый костюм, раскрашенный масляной краской и, как на духу, тельняшка, я ее выменял на продукты еще в концлагере Нойенгамме, а еще тельмановка. И в последнюю минуту, в тельмановку мне какая-то добрая душа сунул булавку, вдруг, говорит, судорога сведет, спасибо ему, ох, спасибо. Стемнело. Корабль и буй видно хорошо, начали готовиться. Опустили канат, на канате сделали узел и вложили рейку, на которую каждый из нас, выбираясь в иллюминатор, должен стать ногами, после одевали жилет за иллюминатором, и каждому завязывали шнуры и, с Богом, вниз. Подошла моя очередь, о чем я думал в ту секунду, убей Бог, не помню,

а вот когда мне завязали шнурок у шеи, а поясной неудачно потянули и выдернули, и завязывать поясной нечем, тут уж я помню о чем думал. Мне машут, мол, залазь обратно, будем вдевать шнурок, а у меня мысль - какая разница, хоть со шнурком подохну, хоть без шнурка. Кивнул им и пошел вниз, а вода, передать трудно, сразу такой холод ощутил, что и плыть расхотелось. Чувствую боль в ладошках, думаю, что же это так больно, а я их сжег и волдыри сорвал. Держусь и смотрю вверх, а там уже девятый стоит, тишина вокруг, только волны о борт бьются и слышно, как конвоир по палубе сапогами топает. Произнес я какие-то слова нецензурные, шепотом, конечно, и отпустил канат. Маменька милая, тут мне и легкие сжало, и жилет поднялся на спине и челюсти мне сжал. Думаю, ладно, догонять своих надо, а вразмашку-то и не поплывешь, жилет не пускает, только, как говорят, по-собачьи. Заработал я руками, побыстрее от корабля этого, да и своих догнать надо, все в компании легче. Гребу, а передние пробки в толстом брезенте мне по скулам трут. А волна - сверху смотрели, вроде небольшая, а тут бросает меня и буй-то разглядеть не могу. Понимаю, что влево от корабля держаться надо. Так я никого и не догнал и меня никто не догнал. Гребу изо всех сил от корабля, который справа стоял, а меня, вроде, к нему прибывает. И тут, как-то сразу, чувствую, что силы уходят и корабля я уже не вижу, но еще сознание не потерял. Чувствую - тельмановку мою волной сорвало, а там же булавка. И, видимо, включился последний резерв, о котором мы знаем, но у кого насколько он велик - не подозреваем. Заработал я руками, а мысль начала смерть звать, захотелось, чтоб кончились эти мучения, и чем быстрее, тем лучше. А вот что последовало за этим, можно верить, можно не верить, но вранья здесь нет ни на йоту. Стал я терять сознание, а в мыслях: вот бы меня выловили рыбаки, обогрели бы, накормили, ведь бывает же так, и мучений никаких не ощущаю.

Несет меня куда-то, глаза закрыты. Чувствую, меня поднимают и бросают в лодку, я лежу на сидении в лодке, причем, как-то так, ребрами неудобно очень, а прийти в полное сознание не могу, понимаю, что спасен, но кем? Вот, когда меня начали трясти, тут я начал приходить в себя. Очнувшись, я увидел трал по борту и человек шесть с наставленными на меня пистолетами. Вид у меня, наверное, был - хуже не придумаешь, и ещё на голове дорожка прострижена от лба до затылка. Что им в голову в ту минуту приходило, трудно догадаться. Пауза повисла долгая, потом слышу - задают вопросы, я повернулся в сторону «Кап-Арконы», а она, вроде бы рядом стоит. Ну, думаю, вот это уже и конец, месяца до двадцати лет не дожил. Отвечаю: «политише гефтдинг с того вон корабля, я сбежал». Пока я поднимался по трапу на корабль, смотрю, по заливу прожектор запрыгал, это я помню точно, была и сирена,

кажется. Поднялся на борт, подходит ко мне моряк, молодой совсем, и обыскивает, а бутылка-то у меня в кармане, это я уж полностью отошел, нащупал он бутылку – замер и спрашивает: «что это у тебя?» Я отвечаю: «сигареты», рядом зашумели, врёт, мол, снова достали оружие, заставили руки поднять, а мне уж все равно. Достал он бутылку, а там и впрямь сигареты, надо было видеть их физиономии. Заулыбались, обрадовались, у них, видимо, кончилось курево. Спрятали оружие и кто-то дал команду отвести меня в комнату для умывания. Комната большая, по стенам скамейки, приказали сесть, раздеться не дали, так я в жилете и сидел до утра. Охрану приставили. Через какой-то промежуток времени, слышу – шум, топот по коридору и вносят в одеялах один за другим пять трупов. Остальных вынесло в открытое Балтийское море, умирали они в муках, у рта пена, какие последние минуты были у них. Пришёл офицер и корабельный врач. Приказал поднять рубахи и кортиком каждому по очереди провел по животу, крови не было, его слова: «Шляк герц» – разрыв сердца. Врач ушёл, офицер задал ряд вопросов. От него я узнал, что до берега три километра, три бала волна, что мы плыли в отлив и ветер угонял нас в море, и еще сказал, что не надо было этого делать, так как скоро кончится война.

После его ухода мне принесли миску картошки с мясом и поблагодарили за сигареты. Так я просидел с погибшими ребятами до утра. Утром распахнулась дверь и на пороге офицер СС с тремя квадратами на погонах, белыми. Приказал снять жилеты и номера с трупов, какие номера не помню, да и до этого ли мне было. Пригласил следовать за ним. Вышел с этими жилетами на палубу, а «Кап-Аркона» – красавица рядом. Опять по этому трапу сошел на катер, там был капо и еще человека четыре узника, и повезли обратно. Мне в катере не было задано ни одного вопроса. Для меня было ясно, что это мое последнее весеннее утро, но, черт возьми, надежда была, ведь за две-три минуты до смерти выловили меня и не для того, чтобы спасти. Я для них был неопознанным предметом, болтающимся на территории, которую они охраняли, но о том, кто был на «Кап-Арконе», они не знали, это я понял по вопросам, которые они задавали. На борт «Кап-Арконы» катер поднимали лебедкой. Эсэсовец повел меня по коридорам красивейшего парохода, шел я и ощущал, что сзади идет смерть. Из кают выглядывали заключенные, это, видимо, были немцы или французы, нашего брата на верхних палубах не было. Шли долго, у двери одной из кают эсэсовец дал команду: «хальт» (стой) и постучал, из-за двери раздалось «входите». Мой сопровождающий подтолкнул меня не очень грубо, но все же. И предстал я перед пожилым человеком, у которого на погонах было тоже три квадрата, но желтых, в званиях я не разбираюсь.

Он сидел в правом углу, в каюте не более 10 м², за столиком бюро. На столе лежала фуражка, с которой выразительно на меня смотрел череп, и на бюро был череп, но натуральный. В глазах его не было жестокости, а была усталость и грусть, это я запомнил, в той ситуации не мог не запомнить. Первый его вопрос – причина побега? Я ответил, что по разговорам, пароход заминирован и что нас должны уничтожить, мне терять было нечего, вторая причина та, что нам в трюмы не попадает положенный нам паек. Его лицо изменилось, он медленно поднялся и у меня по ногам потекла жидкость (это я рассказываю впервые), а случилось это вторично. Первый – было в Освенциме. Смотрел он не на меня, а на стоящего за мной подчиненного. Обернувшись, я увидел побледневшего, стоящего навытяжку, немца, я отвернулся. И вот тут он впервые подал голос, первое «варум?» грохнуло, как бомба. Он так ему выдал, что мне стало его жалко, а больше себя, ведь виноват в его разное я. Из потока слов я понял, что за порядок среди заключенных несет ответственность этот эсэсовец. Когда он сел, я посмотрел под ноги, к счастью, лужи не было. После паузы он спросил, понимаю ли я по-немецки – понимаю. Он медленно стал говорить. Первые слова были эсэсовцу: «переодеть в сухое и выдать две порции дневного питания», а затем смешанно по-русски и по-немецки. Вот его текст: «Если погибнете вы, то погибнем и мы с вами, а теперь идите и расскажите всем, что бежать отсюда невозможно».

Выводит меня этот подонок и ведет по коридору, идет впереди и думает, наверное, плохое, у меня была мысль – рвануть, я бы так и сделал, было бы куда. Когда я вышел из кабинета, настроение было ликующее – жив, но тут же сразу испортилось, ведь я остался один на один с человеком, которому причинил неприятность и никого, как ни странно, никого вокруг. Впереди стеклянная дверь, что за дверью – не вижу, но, когда стали подходить ближе, слышу, что там движение и шумок. Когда он открыл дверь и пропустил меня вперед, я увидел бар или танцзал. В общем, шикарное помещение, а посреди – штабель трупов и ещё подносили. Он мне говорит: переодевайся, я ему: «найн, нихт», и вот тут он мне отдал свой долг, я получил сапогом такой батман в зад, а сделал он это от всей души, что я пролетел мимо трупов и вылетел в противоположную дверь. Во время этого полёта ещё мелькнула мысль, не пальнул бы, скотина. За дверью я сразу же попал, не буду говорить, в объятья, но сразу посыпались вопросы: как и что, где остальные, ведь о побеге уже многие знали. С 30 апреля до 3-го мая я рассказывал о побеге, дошёл до трюма, откуда бежал, меня подкармливали, кто чем мог, давали закутить и покурить, а я рассказывал и рассказывал.

Как же могли меня похоронить те, кто, якобы, меня посылал?

В 1964 году в журнале «Огонек» была статья «Живые, отзовитесь» – писал Генрих Гурков, он жив, и я отозвался, написал о побеге и о том, как выплыл, и просил передать привет Эриху Гешонеку, я с ним не знаком, но ведь у нас одна профессия и горели мы с ним вместе. Получил ответ от Г. Гуркова: «Спасибо за рассказ, привет Э. Гешонеку передам». А ведь Г. Гурков с В. Букреевым ездил в Германию, был знаком, неужели не сказал, что вот один псих пишет, что бежал с «Кап-Арконы». Ну, да ладно, Бог с ними, не найди я себя в книге погибших – концлагерь Нойенгамме, которую дал мне Гриша Кульбако, спасибо ему, мужик хороший. И не дай он мне прочитать книгу Руди Гогуэля «Кап-Аркона», под редакцией В. Букреева, не знал бы я, что казнён, как герой. А 3-го мая 1945 года погибло не десять человек, а десять тысяч и опять я выплыл.

По материалам газеты «Судьба» №12

ОЗАРИЧИ

Концентрационный лагерь «Озаричи» был создан в Белоруссии на болотистой площади. В марте 1944 года командующий девятой армией генерал танковых войск Харце приказал создать у переднего края немецкой обороны три концентрационных лагеря. Один из них находился на болоте у поселка Дертъ, второй – в двух километрах северо-западнее местечка Озаричи, третий – у деревни Подосинник в болоте. В этих трех лагерях содержали 50 000 советских граждан.

Никаких построек здесь не было, ни шалашей, ни землянок. Узники зимой и летом лежали прямо на земле, так как хворост для подстилки брать не разрешалось. Охрана расстреливала любого, кто пытался развести костер и обогреться. Иногда фашисты подвозили мерзлый хлеб и бросали через ограждение в людей. На глазах у детей расстреливали родителей, на глазах родителей – детей. Погибали целые семьи.

Злодеяния фашистов концлагеря «Озаричи» не имели аналогов в ряду преступлений против мирного советского населения, человечества в целом. Здесь оккупанты применили биологическое оружие – эпидемию сыпного тифа.

Отгородившись от наступающей Красной Армии огромной живой массой людей, гитлеровцы преследовали бесчеловечную цель: заразить

узников этих лагерей сыпным тифом и распространить эпидемию в передовых частях Красной Армии, сорвать ее дальнейшее наступление. Для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие, и в тех случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагерь, немецкие власти применяли насилие. Немцы перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Для большинства заключенных такие переходы заканчивались гибелью.

О крайней степени истощения освобожденных узников свидетельствует тот факт, что почти две трети умерших от истощения скончались в первые три дня госпитализации.

ДЛЯ ЧЕГО УЦЕЛЕЛ?

Озаричи. Март 1944 года... Советские войска освобождают из немецкого плена 33 тысячи 434 человека, из них 15 тысяч 960 детей. Военная хроника тех лет сообщала: «за время существования лагеря в нем было замучено и убито 30 тысяч человек». Этот снимок фронтового репортера, побывавшего в гитлеровском концлагере в момент его освобождения советскими войсками, стал одним из символов всенародного многострадания. Тысячи людей кланяются образу женщины, принявшей безвинно кару, оплакивают сиротство ее малолетнего дитя, заходя в Минский музей Отечественной войны, посещая центр

Советский ребенок Алексей Марковец рядом с убитой матерью в концлагере «Озаричи». Март 1944 г.

Гомеля. Еще и сегодня, спустя полвека после войны, редкую фотографию тиражируют газеты, журналы многих стран мира. Узнал себя на этом снимке, пронеся сквозь годы далекий недетский крик: «Мама, протри меня!..», Алексей Марковец.

Так уж сложилось, что каждый из нас имеет определенный статус в обществе Своего, только им принадлежащего, долго добивались малолетние узники фашистских концлагерей. Их подозревали, контролировали. Не раз, бывало, причиняли новую боль к уже пережитой. За что? Какая их вина в том, что детьми бросили в кровавую мясорубку Освенцима или Майданека, Заксенхаузена или Саласпилса, Дахау или Равенсбрюка? Разве лишь та, что остались живыми.

Государство, искупляя собственную вину, зачислило их, наконец, к участникам войны, вызвав новую волну конфликтов. Даже тот, кто и пороха не нюхал, возмущался: «Нашлись воины. Такие «воевали» на печи». Они и в самом деле не воины. Они – жертвы жестокой, циничной войны взрослых и долгих преследований со стороны общества.

Именно так ставит вопрос Союз бывших малолетних узников фашизма, в частности, Черниговская городская организация. Среди тех, кто обосновывает такой статус, и белорус Алексей Фомич Марковец. Не за себя он хлопочет – за своих побратимов, которым пришлось опускаться «детали» в автобиографиях, чтобы не наклепать беды на себя и на родных. У него же анкета прозрачная, аж светится – он детдомовец. Ни отца, ни матери. Нет в живых и обоих братьев. Этот человек сам добывал каждую строку собственной биографии и вписывал собственноручно в анкету. Если же и было что недостоверного – только по собственной вине или ошибке писаря. Отсчет его самостоятельной жизни – Озарический лагерь смерти.

Долгой была эта короткая дорога – от его сердца к озарическому лесу, свидетелю его сиротства. Это ему собирался исповедоваться за все тридцать за то время пережитых в разлуке лет. Имел уже собственную семью, преподавал в Армавире в высшем летном училище. Приобрел «Москвича», на котором с братом Анатолием поехал в Озаричи. По дороге волновался. Вызывал в воображении тогдашние события. А приблизился – никаких следов... Слово не с ним это было. Будто бы не здесь, не на этой поляне, хватался за мамкину ватянку, силясь оторвать мать от земли. Что-то тревожное и беспросветное затмило тогда ему память. Через годы, сквозь всю жизнь только темное пятно на мамином клетчатом платке, которое росло, росло, заливало ее лицо.

- Мамку убили, – почему-то шептали братья.
- Нет, Свектисты, царство небесное ей.
- Ворушил губами дед Дмитрий, прижимаясь к земле.

Три? Четыре? Пять лет было тогда ему, Алексею? Записали в детдоме, что он с сорокового. Летнюю дату поставили. А ему кажется, что на белый свет появился он поздней осенью.

...Такой себе светлый и тихий лес, словно очищенная человеческая душа. Молодняк пошел там, где земля была сбита и стоптанная сотнями ног. Нет, не этот аккуратный, отстраненный от его собственной судьбы, снился, вспыхивал ему воспоминаниями. Тот, тогдашний, словно раненый воин, стоял с обломанными ветками, обшарпанной пулями корой, повитый стонами. Кто знает, чем навеян этот образ – рассказами Григория и Анатолия – братьев, которые некоторое время были рядом в детдоме, или снимком, который обошел послевоенные газеты и журналы? А, может, что-то сохранилось в собственной памяти?

Сначала он часто пытался что-то вспомнить. Однако понял: не выдержала бы душа, если бы память сохранила все ужасы. Потому дорожил каждой вспышкой сознания, выхваченного из детства.

Вот его быстро одевают, обвязывают платком. Кто? Наверное, мамка и дед. Помнит вагон, набитый людьми. Указательный палец злого чужинца. «Айнс, цвай. Драй». Несколько буханок хлеба, брошенных немцем в толпу голодных людей.

...Смешалось виденное и услышанное. И всё же определенно известно: то ихнюю семью, всю ихнюю деревню Проскурни везли в Озарический лагерь смерти – всех, кроме тех, кто был на фронте и кто не мог двигаться. Таких поубивали сразу. В погреб, куда спряталась баба Марина, фашист бросил гранату.

И не только семью и односельчан привезли в лес. Свезли сюда, за колючую проволоку, по приказу командующего девятой вражеской армией генерала танковых войск Харце под предлогом эвакуации более 60 тысяч стариков, женщин и детей с Гомельской, Полесской, Могилевской областей. Разместили в трех лагерях. Месяц – с середины февраля и до середины марта 1944 года – жили они в лесу, под открытым небом. Палить костры запрещалось – за этим строго следили часовые с угловых вышек. Запрещалось и хоронить – мертвые лежали рядом с живыми. Перебивались кусочком хлеба, который бросали сюда раз в неделю через ограду.

Ничего этого не осталось в памяти Алексея – узнал обо всем из послевоенных публикаций и от братьев. Братья рассказали ему и о маме. Бедовая была их мать. Да и как иначе – сызмала у нее девять сестер было и два брата. С детства хлеб сама добывала. А в лагере с ней трое ребятишек и свекор немощный. Крошку хлеба или кусок сухаря доставала по-разному. Приходилось – брала в руки карты, потерявшим веру в самих себя людям счастливую судьбу нагадывала! Кто знает, верила ли в это сама.

Вряд ли. Надеялась лишь на себя. Да доля ей выпала роковая. Когда наши войска были уже на подходе и немцы пленных поклали ниц, Свектиста, присев на корточки, пыталась раздуть костерок, чтоб растопить снега для Алешеньки – его знобило. Тут-то и наказали её – штрафной пулей со сторожевой вышки... До освобождения оставалось менее суток.

Он помнит, как смыкали за рукав братья и шептали:

– Мамку убили...

Помнит сплошной мрак и это темное пятно на клетчатом платке. Как опустилась Свектиста тогда на коленки, так и свалилась – виски навывлет пробила немецкая пуля...

Говорят, территория лагеря была заминирована. И это – правда. Алексей собственными глазами видел на ближней станции кучу «тарелок», подобранных вслед за саперами. В ребячью память врезались протяжные звуки, завыванья (то был фронт), фигуры солдат и лошадей по обе стороны дороги, по которой везли его куда-то на санках. Шел снег, но не таял. Откуда взялись санки? Не гнутые из дерева, такие были в каждом дворе, а с металлическими полозьями...

Воспоминания обрываются на аж горячей юшке в натопленной хате. Была она, скорее всего, из убитого коня, потому что мясо кусками лежало в глубоком полумиске. Щугонул ложкой в самую середину, чтоб подхватить побольше, ко рту – и воздуха не хватило. Обжегся. И довольно серьезно – лечили.

Это все собственная его жизнь, никогда и никому не обжалованная. Ни отца, ни матери, ни деда и бабы. Никто не прижмет к себе, не приласкает и не пожалеет, не спросит, чего ему хочется или не хватает. Братья? Они старше. Толе было двенадцать. Григорию – десять на то время, когда оформили их в Наровле в детский дом. Почти сразу пошли они один за одним своей дорогой. У Григория оборвалась она быстро, на лесозаготовке, куда завербовался, с первой получкой. На память от него остался лишь деревянный чемоданчик с шипами, сделанный его руками. Анатолий тяжело трудился землекопом на строительстве Минского автомобильного завода. Последнее время делал кузова. Иногда проводывал Алексея – сначала в детдоме, потом в техникуме, куда вырвался Алексей преждевременно, после семи классов, чтобы доказать собственную значительность девочке, которая не обращала на него внимания.

По разному сложились судьбы детей войны. Но мало чем отличалась она у воспитанников тогдашних детских домов. Как правило, оттуда шли они в ФЗУ, на ударные стройки, шахты, еще какие-то значительные объекты, словом, на героический труд. Нелегкая, но «своя» дорога выпала и Алексею.

Его, молодого специалиста, только что из техникума, поселили на квартиру к старушке. А в это время из Гомеля в село на сбор овощей приехали студенты. Их преподавателя приводят на постой к той же самой бабусе. Алексей – на диване, а преподавателю на полу стелят. Куда это годится? Уступил Алексей свой диван. Так и подружился вчерашний детдомовец с Василием Федоровичем Свистуновым, а через него – с выдающимся ученым, заведующим кафедрой железнодорожного института, а вскоре вице-президентом Академии наук Белоруссии Владимиром Алексеевичем Белым. Они-то и пробудили у Алексея интерес к учебе, к образованию. Работал лаборантом при институте, учился в аэроклубе, в Черниговском летном училище, во Львовском военно-политическом. Еще в Армавире окончил адъюнктуру военно-политической академии, защитился. А уже в Чернигове получил звание полковника, стал доцентом, кандидатом исторических наук.

Хотелось бы иного, высшего? Что сетовать: судьба давала шансы и он их не упускал. В одной из служебных характеристик на офицера А. Марковца есть нестандартная, но примечательная фраза: «Для Родины не опасен. Борется за место под солнцем». Что же здесь думать? Он и в самом деле боролся за место под солнцем. Всю жизнь боролся! Не позволял никому унижить ни чести военного, ни человеческого достоинства. Он и сегодня в тревогах. Не за свою судьбу, нет. За судьбу поколения, которое заслуживает лучшей доли. Пусть тогда, в растерзанной врагом стране, жилось им тяжело. Но почему же те, кто чудом уцелел в концлагерях и гетто второй мировой войны и сегодня ищет способы выживания? Он вспоминает каждую каплю добра и возвращает его тем, с чьих рук оно давалось. Отстаивая интересы опаленных войной, А. Марковец был организатором союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей в Украине, активно участвует в работе Черниговской городской организации. Он консультировал съемки двух лент «Беларусьфильма» – художественного «Судный день» и документального «Когда шёл мокрый снег». Убеждён: люди должны знать правду о себе и своём времени.

Человеком достаточно закалённым и выдержанным считает себя Алексей Фомич Марковец. Одна рана болит, не заживает с годами. Март. Мокрый снег. Холодная мамкина ватянка и темное пятно на её клетчатом платке. Так запало в память, именно так отобразилось и на снимке, сделанном фронтовым репортёром в момент освобождения лагеря. Первым увидел фотографию, напечатанную в журнале «Советская женщина», Анатолий. Это случилось в 1965 году. Он же выслал Алексею книгу Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника «Я с огненной деревни...». «На страницах 334 - 335-й – ты, Алеша, над нашей убитой мамой».

Ему и сейчас, сильнее, чем тогда, хочется дотронуться до маминых рук, ласкать их, целовать. Не горячие они, не ласковые, как было раньше. Вот здесь, на этой стелле, установленной на братской могиле, выбитые из камня, – её руки... Вот она, мамка, лежит недвижимая. Вот он, Алексей, наклонился над ней. А над ихним изображением барельефы двух мальчиков. Это Гриша и Толя. Этой стеллой белорусы увековечили память о всех погибших и потерпевших в Озарическом лагере смерти.

Шумит над стеллой обновленный лес, бережет светлую память...

По материалам газеты «Судьба» №37

БАТАЛОВА ФИОНИЯ НАЗАРОВНА

Родилась я 26 апреля 1937 года. Жили мы в 100 километрах от Бреста в Турковской слободе Бобруйского района Могилевской области. У нас была большая деревня – 100 с лишним дворов. У каждого было по 5-7 детей. Война началась, недели еще не прошло как немцы пришли, заняли избу, оружие по стенкам развешали, сами спали на соломе, а днем они уходили. Но нас они не трогали. Мы на русской печке спали. Брату моему немцы губную гармошку подарили, какими-то галетами угощали, леденцы помню.

Немцы подростков ловили. Один раз поймали 14 подростков и в колодец их бросили, камнями забросали. У немцев собаки бешеные были, разорвать могли. Мы сидели тихо, как мыши.

Виселица была в деревне. Немцы поймают партизана, всю деревню собирают и при всех вешают этого партизана, а мы все смотрим. Бывало в избу загоняли всех и сожгут.

Потом эти немцы ушли, пришли другие. Эти уже злее были. Выгнали нас из избы. Согнали в одну избу по пять семей. Валетом все спали. А у нас поселился какой-то главнокомандующий. Печь топили торфом. Света нет, ничего нет, дров мало, лес от нас далеко был. Помню, ходили километров за восемь за ягодой, голубику собирали.

Утром один раз проснулись, а нас вообще из избы не выпускают никого. Возле каждой избы стоит часовой. Мама через щелочку его спросила,

что с нами будет, а он сказал: «Klein kinder Hitler kaputt». И стали детей собирать, отправлять в Германию. Мама наша быстро сообразила. Брата старшего под пол засунула, нас положила на кровать, тряпки намочила, на голову положила, мол, у нас брюшной тиф. Тогда он сильно распространен был, заразная болезнь. Немцы его боялись. Помню, заходят они, здоровые, холеные, в формах, в фуражках, в брюках галифе, сапогах хромовых, при ремнях, наган у каждого, одеяла с нас сбросили и ушли.

Собрали детей, они все кричат, родители плачут, собаки лают, немцы стреляют. Машина уехала и тишина. Собранных детей привезли в Бобруйский немецкий госпиталь. Выкачали из них кровь, а трупы детей сбросили в болото. А нас мама всех сохранила.

Немцы снова пришли в дом, а мама меня как раз в бане вымыла, я прибежала. Немец с овчарками собрал кур в мешок, через некоторое время пришли корову забрали. А нам есть нечего. Картошку посадили, снаряд упал, урожая нет. Немцы лес весь вырубил. Мы поняли, что из деревни нужно уходить. Мама хлеб последний в печку посадила. Мы предупредили дядю – он связным был в партизанском отряде, что уходим. Шли мы километров 7. Мама младшую сестру на руках несла, а мы пешком. Оставила она нас в канаве, сама вернулась, вытащила хлеб из печки, воду из болота брали. Сидели мы дней 10 в болотах. Когда вернулись, увидели, что деревня горит, наш дом тоже. Жили мы в соседской бане, осталась еще одна семья – 2 дочери и мама, и беженка из Смоленска к нам прибилась в добавок, вся вшивая. Мама одежду с нее сняла, все сожгла, остригла ее, свою одежду дала.

Мама заразилась брюшным тифом. Лежала с высокой температурой. Дети голодные, есть нечего. Был март, травы еще не было, и мы пошли с этой беженкой в другую деревню. Пришли в деревню турки. Думали, хоть что-нибудь кто даст, кто картошину, может у кого кусочек хлеба есть. Только мы зашли в деревню, тут немцы всех собирают, нас затолкали в машину и с этой беженкой привезли на болото. Держали нас на болоте, пока не освободили Белоруссию. Кругом колючая проволока, серое небо, хлеба нет. Дети за колючей проволокой, руки висят как плети, есть очень хотели, но не просили, так как за это дубиной били. И мы терпели. Как выжили, знает только Бог.

Один раз нам немец помог. Видел наши муки и буханку хлеба бросил одной женщине прямо в руки, чтобы старший не видел. И эта буханка сберегла нам жизнь. Много умерших было, их штабелями складывали. Было три лагеря таких, и в них содержались 50 000 человек. Освободили только 32 000, остальные 18 000 за полгода умерли от голода, холода, тифа, болезней. Бросали нам гнилую картошку, брюкву, что схватишь, то и съешь. Траву всю выщипали до земли.

Одна женщина у нас вылезла за колючую проволоку, а ее трое детей лежали на пригорке. Вши, комары заедали. А женщина эта набрала веточек, чтобы костер запалить. Немец только увидел дымок и тут же ее застрелил.

Выжить там было очень тяжело.

Немцы потом как поняли в 1944 году, что Красная Армия приближается, сняли охрану, а освободили нас партизаны. Очень много партизанских отрядов было. Я в деревне соседней жила у одной женщины. Потом домой вернулась. Мама обрадовалась, братья все живы были. Жили мы в землянке. В ноябре 1946 года папа пришел. Он у нас был старшим лейтенантом, инвалид второй группы. Полная грудь наград, имел три ордена Красной звезды. Помню, в первый класс ходила в пальто из немецкой шинели, мама мне сшила.

Мама дояркой работала, папа тоже в колхозе работал, а я за старшую. Ведомости носила, бутылочки готовила, подписывала. Потом мама молоко везла за семь километров в город. Восстанавливали страну. За школу платили, 150 рублей в год с 5 класса.

08.04.2020 г.

ЛАВРИНОВИЧ АНАСТАСИЯ ТИМОФЕЕВНА

Когда началась война, мне было 7 лет. Загнали нас в какую-то хату, там было очень много людей, а потом нас переселили и, наверное, хотели брать кровь. Спали мы на нарах. Я, наверное, была сильнее, а Фаина – моя сестра, упала и умерла. Не знаю, где мама сестру похоронила.

Моя мама была похожа на еврейку и однажды ее немцы чуть не убили, но оставили, потому что у неё четверо детей. Мама была сильно испугана. Мама умерла в 80 лет.

В 1944 году к нам ночью пришёл немец и сломал нам двери. Маму искал. А мы маму на печи спрятали. Меня немец напугал, но он не стал нас убивать, трогать и ушел.

Потом староста маме говорит: а твои дети где? А мама говорит: больные. Он говорит: ты напиши своих детей, что они больные. И мама записала. Пришел за нами черный ворон. Это староста нас сдал и забрал нас в концлагерь Озаричи.

Мне тогда уже было 11 лет. Выбросили нас в поле. Там яма была выкопанная. Мы там сидели все на корточках. В лагере было очень страшно. Тех,

кто слабо себя чувствовал – убивали. И наших родственников с маленьким ребенком убили. Но убили их не немцы, а жандармерия. Немцы так не издевались. Издевались наемники – жандармерия.

Потом нас перегнали в другой лагерь, тоже на болотах. Я больная была. Мы спали под снегом. Я из-под снега вылезла, и было тепло мне. Так я и выжила.

Помню, бой был сильный. Над нами снаряды пролетали. Потом пришла русская разведка, и мы вышли из этого лагеря. Советские войска нас распределили по квартирам в тылу.

2022 г.

ПАРКАЛОВ МИХАИЛ АНТОНОВИЧ

У нас была большая семья. Во время войны нас немцы угнали в Озаричи. Там было три лагеря вдоль линии фронта. Эти лагеря были как щит.

В поезда немцы грузили людей из сел как скот. Немцы были беспощадны к нашему народу. У них была задача уничтожить генофонд, сделать советский народ покорным.

Когда людей выгрузили из вагонов, то немцы смотрели, если у кого-то есть что-то за плечами, то тут же срывали и выбрасывали в костер.

Дедушке с бабушкой открыли рот – посмотрели, нет ли там золотых зубов. У остальных,

помню, открывали рот, видели золотые коронки и вырывали их.

Ели в лагере кому что достанется. Мы с собой смогли пронести сухари. Они нам там пригодились. Воду брали из болота.

За три дня в лагере много было погибших. Люди были уставшие, истощенные. Мы друг к другу прижимались.

Помню, последние две ночи шел снег. Вот так мы питались, выживали. Мне страшно это вспоминать.

Выжил только я и брат мой старший. Когда нас освободили, то немедленно наши войска нас стали спасать. Распределили нас по освобожденным деревням. Старшего брата в госпиталь отправили.

Пожалуйста, берегите жизнь. Она интересная!

2022 г.

ШЕЛЕГ НИНА ЛАВРЕНТЬЕВНА

Мы жили с мамой – я и мой младший брат. В день, когда нас угнали в Озаричи, мама задумала печь хлеб. У нее в мешке было ведро муки. Она схватила муку и нас. Эта мука нас и спасла.

За четырнадцать дней в Озаричах погибло девять тысяч человек. В лагере нам есть не давали.

Мы лежали в болотах. И мама эту муку растилала. Она насквозь не промокала. Оттуда немножко вытягивала, сама ела и нам давала.

Согнали нас всего 20 000 человек. За ночь снега наметет, а мама видела, кто живой, а кто уже все, мертвый. Я потом спрашиваю: «Мама, а как ты видела?» А мама говорит: «Человек же дышит, и где-то тает снежок. Снежок тает, значит ещё дышит».

Помню, была большущая воронка, наверное, от авиабомбы. И там труп коня плавал. Если вода нужна, то давали немецкие марки за эту воду.

Несколько раз привозили хлеб. Забрасывали нам его через проволоку, а люди голодные и сразу к этому хлебу бежали. Тогда немцы стреляли из автоматов по этим людям. Все были тифозные, больные.

Помню, мы сидели в грязи, снегу. Пришел какой-то дядька здоровенный. То был немец. Если видели у узников что-то немецкое, то расстреливали на месте. Не знаю, откуда мама взяла немецкую рубашку шерстяную и была в нее закутана.

Что ещё помню. Когда освободили, солдаты разминировали определённый участок поля и приказали ничего с земли не поднимать. Одна женщина подняла стакан или кружку с земли и ее разорвало на куски. Немцы все заминировали, понабросали всякой гадости.

Мы шли шесть суток. Шаг за шагом. Один за одним. Нам с мамой помогли, повезло, потому что за нами шёл наш сосед. Он вёл свою дочку. А он здоровенный дядька, под два метра. Мама была полуголодная, шла, шатаясь, ещё и я на плечах привязанная и он нас поддерживал сзади. Благодаря ему мы и вышли. А так бы там и остались.

Солдаты советские нас поддерживали, помогали, кому сахар давали в ротик, кому конфетку.

Цените, люди, свою землю, свою страну уважайте!

РАВЕНСБРЮК

Концентрационный лагерь Равенсбрюк появился в 1939 году на северо-востоке Германии, в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Количество зарегистрированных заключённых за всё время его существования составило более 153 000 человек, из которых не менее 40 000 погибли.

В июне 1940 года в Равенсбрюке было основано предприятие СС «Gesellschaft für Textil – und Lederwertung mbH» (Общество для текстильного и кожевенного производства). На территории концлагеря был построен «промышленный двор» с производственными цехами для традиционных женских работ. В июне 1942 года немецкий электротехнический концерн «Siemens & Halske AG» построил 20 промышленных барачков, для принудительного труда заключённых. В марте 1943 года началось усиленное использование заключённых в военной промышленности.

В штате лагеря Равенсбрюк числились свыше 150 охранниц СС. Равенсбрюк был тренировочным лагерем для более чем 4 000 надзирательниц, которые либо оставались здесь, либо служили в других лагерях.

В апреле 1941 года в Равенсбрюк прибыли 3 500 новых заключённых, в том числе женщины из Нидерландов, Польши и Югославии.

К ноябрю 1941 года более 1 200 женщин было «ликвидировано» вследствие физического истощения в психиатрической лечебнице Бернбурга, где существовал центр эвтаназии. А уже в 1943 году экономные немцы в лагере построили свои газовые камеры и крематорий.

С 1942 года лагерь стал поставщиком женщин для системы борделей в концлагерях СС. В основном набирали полек и немок, реже француженок. Часть из них, после «полного износа» возвращалась в лагерь для «утилизации». С августа 1942 и по начало 1943 года был произведен массовый расстрел польской аристократии – жен старших офицеров и офицеров генерального штаба. Было расстреляно почти 700 человек.

В концлагере также практиковались псевдомедицинские эксперименты. После войны из множества женщин, подвергавшихся медицинским опытам, удалось найти только 86 выживших. Четверо из них дали показания на Нюрнбергском процессе. Так, Герта Оберхойзер занималась проведением экспериментов по трансплантации нервных, мышечных и костных тканей. Также она занималась пересадкой конечностей между женщинами. Предполагалось, что за время экспериментов Оберхойзер убила более 60 человек. Рольф Розенталь в роли лагерного врача занимался изучением прерывания беременности на сроках после 8 месяцев. Плод немедленно сжигался в котельной, даже если был еще жив.

По воспоминаниям бывших заключенных

 Текстильное производство в Равенсбрюке

 Герта Бозе, Гильдегард Канбах, Ирен Хаске и Элизабет Фолкенрат – надзирательницы из Равенсбрюка. 1945 год.

 Фото из «детского» барака. Здесь содержались узницы со своими новорожденными детьми

лагеря, ежедневно погибало около 50 человек вследствие болезней, холода, голода, истязаний охраны и расстрелов. И это в обычные дни, когда не было массовых ликвидаций.

В феврале 1943 года в Равенсбрюк привезли первых 536 советских военнопленных: женщин-врачей, медицинских сестер и связисток, участвовавших в боях за Крым. Первоначально их

блок был отделен от всех остальных колючей проволокой. В том же году из Парижа прибыл транспорт с 1 000 француженок.

Из-за переполненности бараков в сентябре 1944 года на территории лагеря были установлены большие палатки, в которых зимой погибло много женщин и детей. В связи переполнением лагеря, руководством

 В одном из бараков Равенсбрюка

было принято решение о «ликвидации» больных и слабых заключенных. В результате в феврале-марте 1945 года в газовых камерах было уничтожено около 5 - 6 тысяч человек.

Концлагерь Равенсбрюк был освобожден Красной Армией 30 августа 1945 года.

САВОН КЛАВДИЯ ЯКОВЛЕВНА

До войны мы – папа, мама и четыре дочки – жили в Макеевке на улице Максима Горького. Все мои сестры были комсомолками, активистками.

Когда гитлеровцы оккупировали Макеевку, к нам в дом ворвались соседи-полицаи в сопровождении фашистов. Схватили меня и Василису, затолкали в товарный вагон и отправили на принудительные работы в Германию.

Мы попали на завод, где производили артиллерийские снаряды. Спали на нарах в подвале, ели баланду, работали по 12 часов. Но тяжелее всего было осознание того, что мы производим смерть для своей Родины. Порой невольницы, тихо напевали незатейливую песенку: «Снаряды делаем для братьев и отцов, они погибнут, или первая любовь...» Было настолько тяжело и горько, что мы с сестрой и ещё одной девушкой решили сбежать. Вылезли в окно и покинули завод. Бродили по Германии, выдавая себя за полек. Но уже через три дня нас задержали, отправили в полицию, а потом к новым хозяевам. Однако мы снова сбежали. Нас поймали, стали таскать по тюрьмам и в конце концов мы оказались в лагере смерти Равенсбрюк.

На подъезде к лагерю была болотистая местность. Мы увидели массивные железные ворота, ров с черной водой, высокую стену и охрану с собаками. Всю одежду у нас забрали. А вместо нее выдали полосатую робу, отличительный знак – винкель и номера: Василисе – 33655, мне – 33656. Даже имена наши стерли.

Сколько здесь находится узниц, понять было невозможно. Уже в мирное время я узнала, что в Равенсбрюк фашисты отправили 132 тысячи женщин из 20 стран мира. Из них выжили около двух тысяч...

Но в то время мы видели лишь 33 блока и в каждом нары по пять - шесть ярусов. Каждый день узниц будили в пять утра, выстраивали и в любую погоду держали на плацу по два часа. Потом раздавали завтрак – воду и кусочек хлеба. И это было ещё хорошо, потому что обед

представлял собой только варево из овощных очисток, а ужин – исключительно вода.

Работать заставляли по 12-14 часов. Мы «обустроивали» лагерь. Одни женщины, как и мы с сестрой, грузили камни в плетёные корзины и таскали их. Другие, впряженные в каток, как лошади, укладывали дорогу.

А вечером всех опять ожидало двухчасовое построение. Их мы боялись жутко. Стоило лишь покачнуться или упасть, и ты мог угодить в крематорий или медицинский блок. И неизвестно, что было хуже.

Крематорий находился рядом с нашим блоком. Он непрерывно чадил, наполняя воздух тошнотворным запахом горелых человеческих костей. Мы видели, как к нему постоянно подъезжали груженные трупами тачки, а обратно они везли лишь пепел.

Ужас внушал и медицинский блок. Мы все знали, что там проводят эксперименты над живыми людьми. Изувеченных «медиками» невольниц мы видели у порога этого блока. А уже после освобождения выяснилось, что в ходе медицинских экспериментов эсэсовские врачи заражали женщин разными инфекциями, испытывали на них действия медицинских препаратов. Но главным направлением этой деятельности была выработка методов уничтожения бесполезных, с точки зрения фашистов, народов и рас.

За несколько месяцев до Победы нас, как и некоторых других узниц, отправили в Западную Германию, в предместье Гамбурга. Мы попали на завод по изготовлению противогазов. Здесь тоже были нары, баланда, изнурительная работа, но отсутствовал крематорий, и мы подумали, что теперь будет легче. Однако...

Как-то пропала девушка Рая из Ростова, а через некоторое время её полуживую привели эсэсовцы. Они обвинили Раю в умышленной порче оборудования. На плацу установили виселицу, нас всех согнали смотреть на казнь. А сами немцы все это хладнокровно фотографировали.

Фашисты вообще любили фотографироваться с трупами. Я в этом убедилась, поскольку видела не одну казнь.

Однажды нас отправили в Гамбург. Привезли в единственное уцелевшее здание. Его окружали руины и толпы узниц. Их загнали в помещение, наглухо закрыли двери и окна. От нехватки кислорода и духоты женщины стали терять сознание. Когда нас выпустили, мы узнали, что это было бомбоубежище, а немцы ставили эксперимент, сколько людей одновременно и как долго могут в нём находиться.

В апреле 1945 года нас загнали в эшелон и, вероятно, отправили на смерть. Но недосчитались узницы Любы, которой покровительствовала немецкая надзирательница. Любу нашли спрятанной в печи для резиновых изделий. Затолкали в вагон и только к вечеру отправили поезд.

Наверное, это нас и спасло, поскольку в какой-то странный лес мы прибыли ночью.

Фашисты всех загнали в землянки. А утром проснулись – охраны нет. Она, боясь ответственности за преступления, просто сбежала.

Мы стали ломать окна и двери, выходить на белый свет... Чуть позже мы увидели англичан. Они ещё месяц стояли вокруг наших землянок, оберегали от шныряющих по округе эсэсовских банд. По настоящему ощущение Победы стала для нас встреча с советскими солдатами.

Они старались нам помочь. Мне, например, даже сшили из брезента сапоги. В них я и вернулась домой в Макеевку.

То, что я выжила, считаю чудом и каждую весну с трепетом жду величайшего праздника – Дня Победы, дня избавления от фашистского кошмара. Дня нашего спасения и подлинного торжества духа советского народа над коричневой чумой.

КАЛЮЖНАЯ ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА

Я родилась в Донбассе 10 июля 1925 года.

В сентябре 1942 года товарные вагоны, в которых нас везли, остановились около огромных ворот. Нам дали команду выходить, повели под охраной коридором до раздевалки, дали команду сбросить с себя все для санитарной обработки. Потом – под струю холодной воды. Постригли наголо, помазали чем-то вонючим, одели в полосатую одежду и приказали выходить строиться. Все были, как зебры, у каждого с левой стороны пришит номер. Мне выпал №16108, который остался на все время пребывания в лагере. Осталась за воротами твоя душа, и перестала быть человеком, превратилась во что-то без фамилии, без имени, а только один номер. Позднее мы узнали, что это концлагерь «Равенсбрюк».

Разместили нас в бараках с трехэтажными нарами. Мне досталось место на втором ярусе. Сначала в бараке был карантин и никого туда не выпускали. Есть давали утром: одну буханку хлеба с опилками на четырех, а в обед – половник какой-то вонючей жидкости (позднее узники узнали, что это был суп из брюквы), вечером – половник неизвестно чем окрашенного кипятка, то есть эрзац-кофе. Потом узников начали использовать на работах для расширения лагеря, хотя он уже был таким большим, что нельзя было охватить взглядом. Женщин все привозили и привозили. Узники возили щебень, песок, выравнивали

площадки для «аппелей» (перекличек), где утром и вечером, и в любую погоду считали узников, никто ли не убежал. Хотя куда убежать, когда вокруг – колючая проволока под напряжением, высокий бетонный забор под напряжением, а на вышках – пулеметчики, которые без предупреждения открывают огонь по тем, кто подойдет к забору. Заключенных поднимали в шесть утра. Перед перекличкой нужно было успеть сбегать умыться в уборной, в которую за ночь сносили кучу трупов умерших. Все голые, одни кожа и кости. Потом приезжает подвода с высокими бортами, их нагружают как дрова и везут в крематорий. В непогоду, и в мороз, если кто-то один опоздал из барака на перекличку или заговорил с соседом, штрафовался долгим стоянием или карцером, да ещё и кнут, и травля собаками, которые были на поводке у надсмотрщиц и всё время пытались дотянуться до заключенных. Без их пристального взгляда и шагу нельзя было ступить: мало взял на лопату – удар кнутом, остановился передохнуть – кнут снова гуляет по спине. И так каждый день. Издевательства были спланированы: главное – обессилить, а потом человек уже и сам забывает, кто он есть. Среди узниц были и женщины с детьми. Вечером обессилившие женщины сразу же после вечерней проверки падали на покрытые соломой нары и моментально засыпали, пытаясь согреться соседкой, что лежит рядом, не зная, удастся ли подняться утром, или вместе с другими трупами отправят в крематорий.

Мучители этого лагеря были по-дьявольски находчивы в способах физического уничтожения и морально-психологического угнетения людей. Они делали всё, чтобы в своих жертвах убить силу сопротивления, волю к жизни. Много можно писать в воспоминаниях о страхе пыток, которые ощутили наши земляки, но не всё можно передать словами.

В конце апреля 1945 года стала заметна суета эсэсовской охраны, которая разными путями пыталась уничтожить следы своих преступлений, но советские войска были уже рядом.

Когда в лагерь вошли разведчики (на мотоциклах), то они сначала подумали, то это военный лагерь, потому что на пути в него было много разных шлагбаумов и контрольно-пропускных пунктов, но встретив людей-скелетов, поняли, что к чему. Один молодой солдат удивленно рассматривал низкую постройку с высокой трубой. Я подошла к нему, глаза мои наполнились слезами, дрожали губы, а в душе клокотал гнев. Я объяснила воину-освободителю предназначение того сооружения и сказала: «Сколько тут уничтожено наших людей эсэсовскими людоедами!» «Как уничтожено?!», – не понял солдат, а я ему ответила: «Сожжено мертвых и обессиленных, задушенных в газовых камерах, детей и матерей, расстрелянных в бункере!».

Через три-четыре дня прибыли тыловые части. Когда военные привезли из городка, расположенного по другую сторону озера, местных жителей для собирания трупов, те были очень удивлены наличием рядом такого большого концентрационного лагеря, про который они и не знали. Фашисты надежно охраняли много своих тайн. На митинге после похорон жертв лагеря, которых немцы не успели сжечь, по приказу советского военного командования был дан салют памяти.

ЛЕГЕЗА АННА НИКОЛАЕВНА

В начале июня 1941 года жизнь для меня была еще полна радостей и ожидания приятных событий. Я окончила девять классов с отличием, и отец пообещал мне за это сделать много обновок. Он собирался забить свинью и на все вырученные деньги закупить мне новой одежды, как-никак, я была уже будущей выпускницей средней школы, собиралась поступать в институт. Я мечтала поступить в педагогический, очень мне нравилась эта специальность.

Как я радовалась всем покупкам и подаркам! И как же потускнела эта радость, когда через несколько дней мы узнали о начале войны. Все мои ожидания и мечты рухнули в один день!

На следующий же день после начала войны была объявлена мобилизация. Сколько было криков и слез! В нашем селе в семьях было много детей и когда провожали кого-то на фронт, собиралась не только вся семья, но и вся деревня. Женщины и дети кричали, цепляясь за мужей и отцов, собаки разрывались воем! И эту картину можно было наблюдать чуть ли не каждый день, потому что военкоматы призывали в армию ежедневно.

Потом уже, когда начался учебный год, из нашего класса забирали ребят 1923 года рождения, и они уходили от нас прямо со школьной скамьи.

7 октября 1941 года в селе появились немецкие разведчики, а вечером того же дня за селом разгорелся страшный бой. Это отступала с боями 18-я армия под командованием генерала А.К. Смирнова, который и погиб в том бою. После боя мы похоронили в братской могиле на хуторе Зеленом в Полтавском районе Запорожской области свыше 500 наших бойцов.

Наступила суровая зима. Дома вдоль центральной трассы, по которым двигались воинские части, были по самую крышу занесены снегом. Село оккупировали немцы. Они заставили нас убирать снег, и однажды меня чуть не пристрелил конвойный за то, что поправила платок во время работы.

В 1942 году начался принудительный вывоз людей, в основном молодежи, в Германию. Меня забрали 25 ноября 1942 года.

В Германии я работала на авиационном заводе в городе Нойен-Бранденбург. Работая на токарном станке, я однажды наделала очень много брака. За это меня мастер-немец так избил, что я с сотрясением мозга попала в больницу. Но на этом всё не кончилось. После больницы в середине января меня отправили в тюрьму. Там меня водили на допросы каждый день и всё пытались выяснить, кто и с какой целью научил меня делать брак на станке. Выспрашивали у меня также, знаю ли я ещё каких-нибудь саботажников. Особенно бесило немцев то, что все бракованные детали, которые я сделала в тот день, бесследно исчезли. Уже после возвращения на родину я узнала от своих односельчан, бывших со мной на том заводе, что весь мой брак украли и спрятали поляки, такие же невольники, как и мы. Они отправили детали под пресс, а потом упаковали их как отходы. На допросах меня крепко били. В рабочем лагере распространился слух, что меня повесили за саботаж. Одна из моих односельчанок, вернувшаяся домой раньше меня, сказала об этом моим родным, и они считали меня погибшей. Что тогда творилось дома – страшно подумать!

После двух недель тюремного заключения я была отправлена в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк.

После бани нас остригли, дали лагерную одежду, легкие косынки (и это зимой!), грубую обувь. И отправили в карантин.

Было это 2 февраля 1943 года, в тот знаменательный день, когда немцы потерпели первое сокрушительное поражение – под Сталинградом пала армия фельдмаршала Паулюса. Узники в карантинном бараке каким-то образом об этом узнали и запели Интернационал на своих родных языках. Это взбесило гитлеровцев, и они продержали нас без хлеба целых три дня.

После карантина мне присвоили номер 18108, дали красный винкель – знак того, что я политическая заключенная.

Блоковой у нас была полячка Зоя Скальская. Поднимали нас в пять утра, выгоняли на проверку на аппель-плац. Там приходилось стоять и по два, и по три часа, а иногда и больше, это уж как надзирательнице заблагорассудится. Особенно долго нам приходилось терпеть пытку на аппеле, если немцы терпели очередное поражение.

За весь 1943 год я от силы четыре раза бывала на работах по расчистке лагерной территории – возможно, меня не гоняли на работы как малолетнюю.

Ещё при поступлении в лагерь я заметила, что у многих узниц были непропорционально тонкие рука и нога. Когда я спросила, что это

значит, мне ответили, что это «крулечки» – своего рода подопытные кролики, у которых вырезаны суставы для лечения раненых немецких солдат. Некоторые не выдерживали таких страшных испытаний и кончали с собой. Так, повесилась на собственной косынке Вера Владимировна, прокурор из Ворошиловграда, которая узнала, что её собираются отправить в крематорий.

Помню, как нам предложили купить себе свободу тем, что мы согласимся добровольно обслуживать немецких солдат в борделях. Это было такое неслыханное оскорбление, что взбунтовался весь лагерь. Наш шестнадцатый блок оказался самым воинственным и поэтому в качестве наказания нас заставили выстоять на аппеле шесть часов в страшную летнюю жару и даже воды не давали. Многие падали без сознания.

12 апреля 1944 года нас в количестве 300 человек вывезли в город Грюнберг работать на военном заводе. Работали в две смены по 12 часов. Я работала на автомате, который полировал промежутки между пулей и патроном и не пропускал облегченных патронов, то есть без пороха. В нашем цехе действовала ячейка подпольной организации, которая занималась вредительством. Некая Мария (думаю, это было настоящее имя) дала мне задание пропускать в смену один ящик патронов без пороха. Для этого мне надо было вручную лакировать патроны и делать это незаметно, ведь автомат таких патронов не пропустит. Так продолжалось до декабря 1944 года. Меня все время одолевал страх и, видимо, от нервного напряжения я в конце концов заболела. После этого меня перевели в лагерь кладовщицей. Я выдавала тряпки, ведра для уборки, а также уголь по норме для отопления барачков. Однажды я выдала двойную норму угля, так как знала, что в том барачке находится одна очень больная узница. Одна эсэсовка заметила, однако, что в помещении было непривычно тепло и меня вместе со старшей комнаты наказали пятью сутками карцера. Еды нам не давали вообще, только эрзац-кофе.

Условия жизни в лагере были ужасны и мало того, что нещадно издевались эсэсовки, так еще и среди самих узников попадались подонки. Так, была одна блоковая, звали ее Паша, которая неизменно избивала узниц во время раздачи баланды – била черпаком по голове кого придется, но особенно тех, кто осмеливался просить добавки.

Меня же после карцера направили снова на завод, и поставили на самую тяжелую работу. Я не имела сил с ней справиться и тогда надзирательница избивала меня и натравила собаку. Собака порвала на мне всю одежду, но, удивительное дело, меня не разорвала. Правда, когда собака на меня налетела, я уже была без сознания.

Однажды у немцев был какой-то праздник и нам в честь этого выдали по 50 г мяса. Но мясо было протухшее и мы все отравились. Потом нас заставили промывать желудки и отпаивали кислым молоком.

26 апреля 1945 года нас снова вывезли в главный лагерь Равенсбрюк, а 28 апреля погнали этапом вглубь Германии. По пути многие заболели дизентерией, потому что приходилось пить воду прямо из луж. Всех, кто не мог идти, пристреливали на месте.

2 мая 1945 года, мы, чудом выжившие, были освобождены Советской Армией.

ФЛОССЕНБЮРГ

Концентрационный лагерь Фlossenбюрг был основан в 1938 году. За 7 лет существования лагеря через него прошли не менее 100 000 человек из более 30 стран. Достоверно известно о 30 000 погибших в лагере.

Первые узники лагеря – немцы. Они – жертвы мероприятий по аресту так называемых «уголовников» и «антиобщественных элементов».

С началом войны Фlossenбюрг превращается в концлагерь для людей из всех оккупированных стран Европы. В 1940 году зарегистрирован первый еврейский узник.

Во время Великой Отечественной войны 15 октября 1941 года в концлагерь поступила первая партия советских военнопленных. До конца года 1 000 из них была уничтожена. В течение всего периода работы лагеря советских военнопленных продолжали уничтожать. В частности, в октябре 1943 года генерал-майор, командир 80-й Краснознаменной Донецкой стрелковой дивизии Василий Прохоров был избит до полусмерти; затем ему сделали

В.И. Прохоров

смертельный укол и отправили в крематорий. 1 мая 1944 года произошло восстание советских военнопленных и попытка массового побега. Было убито несколько охранников, но восстание было жестоко подавлено: около 200 человек скончались от ран и ожогов, 40 руководителей восстания были казнены.

К концу войны темпы уничтожения заключённых достигли таких масштабов, что лагерный крематорий перестал справляться с нагрузкой, поэтому тела заключённых сбрасывали в рвы и отвалы, обливали бензином и сжигали. В это же время в лагере было установлено дополнительно шесть виселиц.

23 апреля 1945 года в концлагерь вошли части 97-й стрелковой дивизии армии США. В лагере они обнаружили около 1 600 ослабленных и истощённых заключённых.

ГУРТОВОЙ ГРИГОРИЙ МАКАРОВИЧ

Когда в июне 1941 года началась война, я жил у своего репрессированного дедушки (недавнего куркуля) Панаса Пархоменко в Донбассе (шахта №9). Мне только исполнилось 16 лет. Закончил 7 классов и из-за бедности в родительском доме устроился работать в портретную художественную мастерскую. И я, и мои друзья – ровесники в первые дни войны были уверены, что немцы будут разгромлены, что «наш бронепоезд» стоял «на запасном пути» и что он уже пошёл вперед. Собрались мы, шестнадцатилетние, и пошли в военкомат города Чистяково проситься на фронт, помогать «бить фашистов». Военком над нами посмеялся и сказал: «В армии детских садов ещё не открывают». Мы правда были невзрачные. Потому что все пережили недавний голод 1933 года. А это, конечно, сказалось и на росте, и на виде.

А 6 ноября на нашу шахту уже пришли немцы и сразу почувствовали всё – это правда страшная, убийственная сила. Расстреляли комсомольцев, евреев... И больно – их выдавали свои люди. Вылавливали нас и отправляли в Германию уже с весны, лета 1942 года. Спешили. Полицай вызывали якобы для закапывания противотанковых рвов. А гнали на железнодорожную станцию! Там уже был немецкий конвой.

Везли в товарняке. Охрана строгая. Пробовали бежать. В нашем вагоне пацаны продрали пол. Опустились на ходу эшелона. Но вряд ли кто-то

живым остался. Потому что только «кавчали», когда опускались в отверстие.

Попытки убежать на остановках всегда заканчивались выстрелами. Старшие рисковали. Мы же, молодые, боялись. 10 июля 1942 года нас привезли на место и выгрузили весь эшелон в огромный лагерь. Не сразу мы узнали, что это «Флоссенбург». Там было в то время и отделение, заполненное военнопленными. Их вид – ужасный. Как в 1933 году. Просто скелеты. Спрашивал через проволоку – откуда они. С Киевщины, Запорожья... Впервые увидел там вагончик на узкоколейке, наполненный трупами умерших пленных...

В лагере «Флоссенбург» была и моя сестричка Мария. Ей только исполнилось 15 лет. Везли нас в разных вагонах. А тут в первом проверочном строю стали рядом. Потом какая-то старая фрау, выбирая себе рабыню, заглянула в рот, пощупала мышцы рук – и потянула сестричку из строя. Она плакала. Я побежал за ней. Немец-полицай бросился на меня с оголенным штык-ножом. Чуть не зарезал. Погнал назад, в строй.

Через несколько недель нас снова погрузили в товарняки. Привезли в город Ризу на Эльбе. И снова мы оказались в таком же, только меньшем лагере. Это уже был филиал лагеря «Флоссенбург». Только в 1972 году я узнал, что страшная фабрика смерти – концлагерь «Флоссенбург» имел аж 130 своих филиалов. Столько же, как «Бухенвальд».

Теперь наш лагерь располагался на огромной территории металлургическо-прокатного комбината с множеством цехов. Ряды бараков, окруженные колючей проволокой, часто под напряжением. И весь комбинат был под тщательной охраной. Уже первые побеги убедили, что нужно преодолеть два барьера охранников.

Попал я в первый барак. Окна под потолком, зарешечены. На ночь вбрасывают в барак парашу, двери закрывают. Не открывают даже во время налетов английской авиации.

Старостой барака был детдомовец из Днепропетровска Николай. В первую же ночь, после того, как закрыли барак снаружи, он сделал «подъем», построил нас в длинном коридоре и сказал такое: «Мы находимся на вражеской территории. Поняли?» Мы ответили согласием. И дальше: «Мы живем в тюремных условиях. Отношения между нами будут по законам тюрьмы. Среди нас есть трое парней-евреев. С этой минуты все забыли, что они евреи. Понятно?». Мы снова согласились. И объявил «Отбой».

За три года пребывания в нашем бараке никто даже не вспомнит, что Михаил, Адам и Иосиф – евреи. Они остались живы, хотя Николая где-то через полгода повесили по доносу немки из комендатуры. Николай был красавцем. Немка приставала. А он не принял её домогательств.

И второй капо был из узников барака – Костя Криворучко. Со временем я узнал, что он тоже был участником лагерного подполья, которое возглавил мой сосед по нарам Евгений Елисеев. Он был старше всех нас, до войны – инженер-энергетик, очень сдержанный. Хорошо пел. Хотя очень похудел, истощился, но никогда не падал духом. Сдерживал всех, чтобы не шли во власовцы. Помогал тем, кто совсем терял здоровье. А гоняли его на работу в цех, где использовалась электросварка. Я не видел, чтобы его били лагерные полицаи или конвоиры.

А нам попадало часто. Нагаем ударят во время утреннего подъема, если не хватало сил слезть с нар. И во время конвоирования, и в цеху. А Михаил Лукьяненко – капо из третьего барака – успевал издеваться над людьми из своего, и из других бараков. Перепадало от него и мне. Избиение работников, казалось, было забавой.

Страшным палачом в лагере был и врач-грузин Мепарашвили. Этот особенно глумился над жительницами женского отделения лагеря. Выбирал себе на сожительство самых красивых девчонок. Откармливал. А потом та бедняга исчезала. Говорили – убивает. За лагерем же ямы для умерших всегда были готовы.

Когда кто-то из нас болел, от изнеможения терял способность нормально ходить, лагерный врач всегда говорил: «Руки есть, ноги есть, голова есть – на работу!..». То есть никогда никого не лечил. Наверное, немецкой администрации нужен был такой мучитель, которого держали только на случай эпидемии.

Почти всех жителей нашего барака конвой гонял на работу в марте-новский цех, где дышали жарой и жидким металлом одиннадцать огромных печей с канавами для разлива. Утром и вечером – переключка. Отвечаю своим постоянным номером – 8439. Номер и на одежде. Были и больше номера, кого позже привезли сюда.

В бригаде, к которой прикрепили меня, были два немца – Ганнес и Макс, француз-военнопленный Ашиль. Я обязан был готовить глину для закладки гончарных трубок, через которые сталь проходила в огромные формы. Принуждали и к другим работам. Немцы работали по 8 часов, а другие работники – по 12 часов. Немцы звали меня «Кляйне Шорш». Так как я правда был небольшого роста, самый маленький в конвойном строю.

Скоро я и мои коллеги убедились, что в цеху среди немцев-работников есть трое фашистов. Предупредили об этом сами немцы: «Ахтунг! Гохкран... Альфред – фашист». В этом скоро убедились лагерники: он то больно ударит металлической болванкой, которую поднимает кран, то поглумится. Даже были попытки убить.

Да что было над нами глумиться? Все условия нашей жизни в лагере и работа в цехах комбината были глумлением над нами, тяжелейшей

эксплуатацией. Мой сосед по работе Иван Шило так ослабел, что не мог нормально ходить – ноги тащил. На него страшно было смотреть. Он до войны работал трактористом. Потом – армия. Побег из лагеря для военнопленных. И вот... ныне пухнет с голода. Второй сосед-украинец – тоже Иван – еле ходил. Его, может, больше били и обзывали свиньей. Потому что не латал рабочую одежду, был обшарпанный. Мастер по ремонту мартеновских печей Макс тыкал его в спину заостренной палкой, чтобы быстрее двигался. Доставалось от него и мне. На спине от этого делались нарывы. А на ногах ожоги от брызг стали.

Моего соседа по паре Павла из села Водяное Запорожской области немец-полицай прострелил навывлет в грудь. Того полицая мы звали Власовым. За его сходство с генералом Власовым, который перешел на сторону фашистов. Но Павел чудом выжил, хотя потерял много крови.

Второй сосед по нарам Бочаров из села Михайловка Запорожской области до того изнемог, что перестал ходить. Умер на нарах. Еще один узник, тоже с соседних нар, умер внезапно. Фамилия – Мартыненко. Из парней-евреев самым слабым был Михаил. Еле ходил. Но на работу гоняли.

Среди нас был и концлагерник Дмитрий Гнатюк. Очень хорошо пел. Как соловей. Особенно песню «Повій, вітре, на Україну...». От смерти его спасло пение.

По поводу меня, то меня иногда спасало рисование. Немцы в минуты отдыха спрашивали, что умеешь. Я показал, что рисую людей. И вот в один из перерывов, когда охранники пошли в столовую, ко мне в цех подошел немец Вилинский и попросил нарисовать профиль Ленина. Дал бумагу и карандаш. Посторонних глаз не было. Я с боязнью сделал рисунок. Немец спрятал за пазуху и приставил палец к губам. Я понял – молчать. А на следующий день он принес картошки. Даже печеной где-то около мартеновской печи. Я поделился с друзьями. Также, чтобы никто не видел.

Приходилось рисовать и Ганса Вольфа, который руководил бригадой. Он был достаточно человечным. Когда я совсем высох, ослабел, он отправлял меня в уголок за гончарные трубы отдохнуть. Только в 1972 году я узнал, что Ганс был антифашистом-подпольщиком. На счет другого члена бригады Макса, то он чуть не убил меня. Душил, выкрикивая, что, мол, мой отец под Сталинградом убил его сына. Остановил Макса Ганс.

Особенно тяжелым для меня и всех узников был 1943-й год и начало 1944-го. Нас заставляли работать по полторы, иногда и по две смены подряд. А кормежка – травяная баланда. Иногда – по 3-4 картошины. Мы все очень ослабели. У меня началось легочное кровотечение. Запеченная кровь кусками пошла ртом. Парни еле остановили ее солью. Силы оставили совсем. Еле ходил. Полицай перегнал меня в лагерный изолятор.

Определили – туберкулез легких. Каверна. Ждали очереди для отправки нас, нескольких доходяг, в лагерь «Пляун». Там собирали умирающих.

Но случилось чудо. В изолятор пришел Евгений Елисеев (только несколько людей знали, то он возглавляет группу подполья). Он был моим соседом по нарам. Как-то делал я ему несколько рисунков. Теперь он сказал: «Не падай духом. Попробую спасти...». Не верилось, что это будет. Но оказалось, что Евгений имел связь с какой-то группой вне лагеря. Только во время фильтрации после освобождения я узнал, что в той группе был и лагерный переводчик, которого мы почему-то считали недоумком, потому что говорил что-то лишнее из того, что делалось в мире и на фронтах. Не похож на немца.

Через несколько дней переводчик проводил меня в лазарет для иностранных рабочих. Там лежали французы, бельгийцы, сербы. Несколько человек было из Украины. Оказалось, что лечили иностранных рабочих врач-немец доктор Рионет, обервестер Вера, двое украинских медсестер Зоя (из Одессы) и Шура (из Севастополя). Был там и рентген. Я узнал, что на левом легком у меня две каверны. Начали поддувание (искусственный пневмоторакс). Мое состояние немного улучшилось. Но кровь из легких просачивалась.

Моими соседями в лазарете были серб Савва Калинич, бывший офицер Красной Армии Николай из Марганца (фамилия забылась), французы Анатолий, Мишель, бельгиец... Николай, Мишель и бельгиец умерли. В соседней палате была девочка Надя Сорока. Она дожила до освобождения.

Когда англичане бомбардировали Дрезден, той ночью в нашей палате было так светло от того сияния, что можно было читать газету. В черном небе без перерыва гудели самолеты. А там, где Дрезден, так гремело, будто разверзся ад. На следующий день нашего доктора Рионета послали туда спасать потерпевших. А нас с лазарета чуть не отправил другой врач-фашист в «лагерь смерти», как неизлечимых. Потому что Германии нужны только здоровые работники. К счастью, вернулся доктор Ринет и какими-то действиями отвернул эту беду.

Мы чувствовали, что где-то близко наша армия. Может, доживём, может спасут. С коридора был слышен голос обершвестер Веры, что «сегодня день рождения Красной Армии». Это было 23 февраля 1945 года. Нам дали лучший завтрак. По настроению Зои и Шуры чувствовали – скоро освобождение.

А 18 апреля 1945 года, когда уже над Розой слышны были бои авиации, наш комбинат был несколько раз бомбардирован. Внезапно в лазарет пришли наши лагерные полицаи, приказали быстро встать и автоматами вытолкали на улицу. Там гнали огромной колонной весь наш

лагерь. Конвой с собаками. Нас толкали в колонну в лазаретной полосатой одежде, в легких башмачках, без фуражек. Что происходит, куда гонят – никто не знал. Охрана очень свирепствовала.

Гнали нас через мост Эльбы. Колонна втянулась в лесной массив. Вдруг в небе появились американские самолеты. Они пошли в пики на колонну. Застрочили пулеметы. Колонна и конвой упали на землю. А самолеты делали все новые и новые залеты. Казалось, что именно на тебя строчат. Ужас... Но убитые были только среди конвоя. Собаки их скулили и бежали.

Кто-то из узников впереди поднялся и побежал в лес. Потом второй, третий... Поднялся и я. Вскочили и в лес и сколько было сил бежали на восток. В группе было человек 20. Они оставили нас – трех туберкулезников – на какой-то окраине леса под кронами елей. Потому что мы не могли бежать.

Нам, троим, приходилось видеть, как после отлета американской авиации уцелевшие конвоиры стреляли по тем, кто бежал на чистое поле. Под грохотом пуль они падали, поднимались и снова падали. Убитых и раненых никто не подбирали. А рядом шли отступающие немецкие танки. Часть колонны лагеря, которая не разбежалась, погнали дальше. В 1972 году, побывав в Риге, я узнал, что многих из этой части расстреляли.

Когда на землю опустился вечер, мы увидели рядом молодого пахаря. Коня он подгонял как-то по-нашему. Окликнули. Он пообещал ночью нас забрать из тайника и спрятать у своей хозяйки. Его село было рядом. Парня-остарбайтера звали Степаном. Он, по сути, сам вел все хозяйство, которое передала на его руки старая фрау. Обещание Степан выполнил. Нам дали поесть. Старая фрау заплакала, видя наш жалостный вид. Спрятали на сене на вышках.

На следующий день мы увидели, что это село рядом с Ризой. Даже видно заводские трубы и лагерь...

Спустя несколько дней уже через это село летели огненные стрелы наших «Катюш». Во дворе этой фрау какой-то немецкий солдат поспешно переодевался в гражданское. Но он нас не увидел. На востоке все гудело. А в селе стрельбы не было. Увидели – офицер с оглядкой бежит с пистолетом по лесу.

И в этот момент услышали голос Степана: «Свои! Свои!». Мы увидели кавалериста. За ним – пехотинцы. Это было утром 7 мая 1945 года.

Дожили! Дождались освобождения. Двух моих товарищей сразу взяли в армию. Они были здоровей. А меня отправили в лазарет Фронтowego Сборно-пересыльного пункта (ФСПП) №204. Это уже в городе Эльстерверда (рядом с Ризой). Там проходил фильтрацию. Увидел там и своего соседа по нарам еврея Михаила. Он уже был в форме лейтенанта. Оказалось, что офицерские фильтрации уже известны были и Евгению Елисееву, и лагерному переводчику.

Ко мне претензий не предъявляли: а тех, кто в лагерях глумился над своими, арестовывали. Тут уже была и тюрьма. Видел – наш концлагерник Микулов уже был в ее охране.

В лазарете ФСПП меня снова поддували. И все же я работал в художественной мастерской. Руководил ею народный художник Белоруссии Н.П. Малец. Он тоже имел лагерный туберкулез. Рисовали руководителей СССР, Жукова, Суворова, портреты отдельных офицеров.

Только в сентябре 1945 года сформировался эшелон из ФСПП №204 на родину. В родной Каменке-Днепровской Запорожской области ждали болезненные вести. Мама умерла. Отец тяжело раненый на фронте. Дядю Ивана, раненого, немцы живьем сожгли... Дети – два младших братика и ещё меньшая сестричка – с отцом жили в землянке...

Начиналась новая послевоенная жизнь. Еще до 1950 года в тубдиспансере поддувался. Лагерь долго отзывался болезнями. Но жить так хотелось. И жизнь победила в восстановительных, творческих хлопотах последующих десятилетий. Поклон Тебе, Боже, что Ты их щедро подарил мне.

ФАТЬЯНОВ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ

Во время вероломного нападения гитлеровцев на нашу Родину я работал электриком на Харьковском танковом заводе имени Малышева. С приближением фронта день и ночь занимался демонтажем и эвакуацией завода. Когда основная часть оборудования была поставлена на колеса и со станками отправилась вместе со специалистами на новое место, нас, несколько парней, оставили для того, чтобы зачищать решетку и помогать подрывникам, которые минировали заводские постройки. Но с завершением всех работ самим уже эвакуироваться не удалось.

С отступлением советских войск город пленил мрак голода и холода. Мы с мамой и сестрой пошли попрошайничать по деревням, пока не попали в ловушку полицейской облавы. Нас отправили в Германию. Там работали у разных сельских хозяев.

Меня назначили к пожилому бауэру, который жил со взрослой дочкой инвалидом. Он имел пять коров, шесть свиноматок... Тут я и познал азы домашней работы по-немецки – пунктуальность, рациональность, расчетливость. Кормление скота – в пять. Через час наполнял корыта свиньям, убирал помещения. И никаких отклонений. Когда один раз

появился на ферме с опозданием, там уже возился хозяин, а мне сказал, если я ещё раз опоздаю, день есть не даст. Мол, меня сюда послали не беду пересидеть. Тут все работают на фронт. И спрашивают со всех по-военному.

Закончив работу на ферме, помогал на кухне. Тут мне дала по рукам сестра хозяина, когда увидела, какие толстые очистки я снимаю с картошки. Есть тоже по норме. Даже у крестьянина хлеба порция до обеда. Первые дни жил впроголодь, потом вытянулся.

Про карманные деньги и речи не было, и я торговал с местными парнями. Что-то вроде – в какой руке камушек. За мухлеж немчура обижалась всерьез. У них с юмором диапазон не широкий. Один раз на меня набросились даже с кулаками. Но я был сильным и одному врезал как следует. Об этом сразу стало известно моему хозяину. Он вызвал меня в комнату и отчитал. Говорил, что шарлатанство – зло. Деньги нужно зарабатывать трудом. Мухлюют только немощные лодыри. К тому же ты побил немца. Он обязательно заявит в полицию. Мне жаль терять тебя. И посоветовал, как стемнеет, добраться пешком до его сестры в Сульцбасе. У неё бригада поляков работает на лесозаготовке. Надеюсь, что там меня искать не будут. Я так и сделал.

Но у законопослушных немцев системы оповещения срабатывают четко. Где-то через неделю в лес приехали на мотоцикле два полицейя, и меня доставили в тюрьму. А оттуда – на каменный карьер Флоссенбург, где работали исключительно заключенные. Восьмичасовой рабочий день без каких-либо перекуров или передышек. И постоянный голод. Такого каторжного труда долго не выдержать. И я стал вынашивать план побега, как вдруг в лагерь вернули одного беглеца. Я знал его – немец Генрих Крузо. Вместе работали. Потом мне рассказали, что он из тутошних мест. Имел тут родственников и много знакомых. Все же перепрятаться не удалось. Выдали законопослушные соседи. Бедолагу Генриха повесили при полном собрании узников. К виселице его волокли под руки. Очевидно перед этим ему хорошо досталось в камере.

Меня выручил случай. Из лагеря набирали бригаду для отстройки поврежденного бомбардировкой замка. Меня зачислили туда, как электрика. На месте выполнял и другую работу по наряду. Но моя работа, очевидно, не нравилась мастеру в гражданском, и он решил проучить меня.

Один раз утром я не нашёл своих ботинок. Тогда мастер предложил мне свои, которые он вроде где-то здесь подобрал. Но они были оба правые. «День какой-то перебудешь, а завтра принесу тебе из дома другие», – пообещал. Я обулся. Еле добыл до вечера. Левую ногу намучил так, что долго еще после того хромал.

На следующий день мастер принес мне... Мои же ботинки с такими нотациями. Мол, как мне было больно ходить, так ему невыносимо наблюдать за моей халтурной работой. «Работаешь, как вилами мусор в речку бросаешь, мол, все равно всплывёт», – сказал. А потом добавил, «что выполненная руками работа должна радовать глаз». Не научишься работать аккуратно, отправлю обратно на каменный карьер», – пообещал.

Угроза возвращения на карьер ледяным душем обожгла сознание. Я стал заинтересованно присматриваться к работе немецких рабочих, быстро понял и перенял их практику. Мне даже нравилась их пунктуальность.

В апреле 1945 года в район зашли советские войска. Узников карьера и всех оstarбайтеров перевели на распределительный пункт. Меня мобилизовали в армию. Службу проходил на военном аэродроме. И тут делал все на совесть, аккуратно. Немецкая пунктуальность в отношении к делу вошла в меня, как говорят, в плоть и кровь. Уже не мог схалтурить или сделать как-нибудь. Командир ценил мои старания, и когда настало время демобилизации, попросил меня остаться сверх службы. Два года еще служил после того.

Жаль, что наши общеобразовательные и профессиональные школы не прививают молодежи такой расчетливости, пунктуальности, аккуратности в отношении к делу. Без таких цивилизованных навыков мы никогда не станем полноценными профессионалами, не научимся уважать себя, ценить свою работу.

ТКАЧЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Я, Ткаченко Александр Александрович, перед войной Советского Союза с Германией, которая началась 22 июня 1941 года, проживал в городе Кривой Рог на Днепропетровщине. Мои родители работали на железной дороге и, наследуя семейные традиции железнодорожников, я мечтал стать машинистом локомотивов. Поэтому, для осуществления своих желаний я поступил на обучение в железнодорожную школу, которая перед войной функционировала в городе Кривой Рог.

Но не так случилось, как хотелось.

Война оборвала мои планы, потому что летом 1941 года в город Кривой Рог вторглись немецко-фашистские войска, и началась черная страница моей биографии.

«Новый порядок», который фашисты пытались установить во всей Европе, своей ужасной картиной пленил мой родной город. Пытки, грабежи, расстрелы безвинных людей стали обычным методом господства новых власть имущих.

25 августа 1943 года согласно приказу бургомистра Кривого Рога была объявлена всеобщая насильственная мобилизация молодежи 1926-1927 годов рождения для отправки на работу в Германию.

Тех, кто пытался избежать набора, ждала жестокая кара. В таких случаях подлежали наказанию не только юноши и девушки, но и их родители. В нашей семье, кроме меня, было еще двое малолетних детей и сопротивление властям в данной ситуации могло закончиться трагично – дети могли стать сиротами.

В день отправки молодёжи на железнодорожном вокзале была ужасная картина: плакали мамы, бабушки тосковали, как на похоронах, вооружённые немецкие солдаты с собаками вместе с местными полицейскими пихали пленников в товарные вагоны, кругом разносился крик, стоны, лай собак...

– Schnell, verfluchte schweine, – и по сей день память моя сохранила тот черный день.

Длинный железнодорожный эшелон был необычным – в товарных вагонах оконца обмотаны колючей проволокой, вагоны битком набиты так, что лечь невозможно, а около дверей вагона приставлены два немецких солдата с автоматами, гранатами, с штык-ножами. Попробуй убежать – тут же догонит автоматная очередь. Таким образом в районе Пятихаток полегло несколько юношей.

Но в эшелоне было и три пассажирских вагона: один – спереди, второй – посередине и третий – в конце. Это – для тех, кто сопровождал пленников. Время от времени вахта сменялась и отдыхать арийцам нужно было по-человечески.

Куда везли, никто нам не говорил, а поэтому это путешествие можно назвать поездкой в неизвестность.

А прибыл эшелон с пленниками после долгой путаницы по железнодорожным колеям (действовали партизаны) в город Ноймарк, что недалеко от Нюрнберга.

В Ноймарке на Artbeitsamt и был фактически рынок невольников... Никто пленников не спрашивал, куда тебя направить на работу, или нравится тебе покупатель, или еще что-то другое.

Распределяли свежий товар, как животных, по количеству голов, а точнее – рабочих рук.

Так я оказался в Регенбурге, в паровозном депо. Поскольку все рабочие места были заполнены пленниками, которых привезли туда несколько дней ранее, то 25 сентября 1943 года группу юношей, в том числе и меня, перевезли в город Швандорф. Поселили нас в бараках на железнодорожной станции. Именно так я стал «ostarbeiter». Занимались мы ремонтом железнодорожной колеи.

Ирония судьбы – я стал железнодорожником, но только не в своей стране. Стал подневольным работником в середине XX столетия. Прямо как в стихотворении Т.Г. Шевченко: «Робота тяжкая, ніколи і помолитись не дають». По двенадцать часов каждый день тягали рейки, трамбовали щебень, а есть не просили.

Унылые, голодные, а очень часто и холодные, несли мы свой тяжелый крест неволи. Обессиленный, уставший, голодный, я в свои 16 лет не всегда действовал рассудительно. Ба, больше! У голодного человека очень часто кружится голова. Что-то подобное в то время случилось и со мной.

4 сентября 1943 года мы возвращались с работы, проходили около вагона, из которого доносился запах чего-то вкусного. Здесь были продукты питания для немецких солдат. Мы с друзьями по несчастью открыли вагон и взяли несколько буханок хлеба и ещё что-то. Нас было пятеро. К сожалению, этот факт зафиксировал сцепщик вагонов, он сообщил об этом железнодорожной полиции, а вечером нас арестовали. Инкриминировали политическое обвинение, так как продукты питания были предназначены немецким войскам на фронте.

Почти два месяца я просидел в тюрьме г. Швандорф в одиночной камере. Во время допросов следователь издевался надо мной, как только ему хотелось, бил чем попало и по чём попало.

В ноябре 1943 года меня вместе с моим товарищем Овсянниковым под охраной двух полицейских отправили в г. Вайден, а оттуда «черный ворон» привез в концлагерь Флоссенбюрг, выйти из которого можно было только через трубу крематория.

По прибытию в концлагерь мне присвоили номер 1159-Р. С этого момента я потерял свою фамилию, и тут мне стало понятно, что представляет собой концлагерь. Формально была проведена санобработка, после которой нас одели в полосатую концлагерную одежду, а вещи и прошлую одежду сложили в мешки, будто мы когда-то выйдем на свободу, и нам её вернут. Известно, это был фарс.

Никаких вопросов, а тем более недовольств не разрешалось. Чуть что не так – утихомиривали холодной водой из брандспойта или

резиновой палкой. В общем, в концлагере режим для узников поддерживался только под влиянием физического насилия.

Сначала я попал в распределительный блок №19, там же и дали попробовать лагерный ужин – 200 граммов эрзац-хлеба и чай, заваренный шишками сосны. Тут же в этот вечер нам преподали первый «урок» режима в концлагере – блокельтестер и циммердисты так побили какого-то заключённого, что, бедный, чуть не отдал Богу душу за то, что он якобы у кого-то украл порцию еды.

На второй день на апель-плаце «воспитательная» работа была продолжена. Эсэсовцы зачитали приговор двум несовершеннолетним мальчикам из Западной Украины за попытку убежать из команды заключенных и тут же прилюдно, перед строем пленников повесили на столбе. После такого увиденного и услышанного «инструктажа» нас погнали на работу в каменоломню.

Рабочая зона была обнесена колючей проволокой и охранялась эсэсовцами и солдатами-власовцами. На вышках, сооруженных для большей надежности присмотра за узниками, стояли солдаты с пулеметами и карабинами-автоматами.

На рабочих местах надсмотрщиками были капо.

Этот труд был нечеловеческим. Камень подрывали взрывчаткой, потом пневмомолотами, зубилами, клинами, крейцмейселми придавали определенную форму, а потом вагонетками или ручными тележками везли на дальнейшую обработку. Для измученных людей это была действительно каторга. Другого определения этой работе и не дашь. За наимельчайшую провинность перед капо тот бил кабельной нагайкой.

Какой-то период в «Флоссенбюре» со мной был вместе мой товарищ ещё со школьных лет и по лагерю в Швандорфе Овсянников Дмитрий Иванович, концлагерный номер 1163-Р, а потом лагерное начальство нас разъединило, вот так мы и потерялись.

К счастью, ему суждено было тоже выжить и вернуться в Кривой Рог.

В концлагере узники жили в блоках, которых в «Флоссенбюрге» было несколько. Блок делился на две части, в каждой – по 500 человек, а всего 1000 заключенных под одной крышей.

Руководителями блока были блокельтестер и писарь. Они имели помощников (циммирдистров), которые исполняли роль надсмотрщиков за порядком.

Ночью они выносили умерших в умывальную комнату. Эти прихвостни были не менее жестокими, чем их шефы. За наименьшую провинность – разнообразные наказания: карцер, нагайка, ледяная вода и еще множество других издевательств.

Но в этих нечеловеческих условиях мне удалось выжить. Один Бог только свидетель, как это случилось со мной. Но мир же не без добрых людей, которые нашлись и в концлагере.

Последний год своего пребывания в концлагере я был в одиннадцатом блоке, где судьба свела меня с немцем – политическим заключённым Куртом Морнером.

Сам он из Боксдорфа, что около Нюрнберга. Благодаря ему, наверное, я остался в живых. Так как он из дома получал посылки с продуктами и поддерживал меня. В то время ему было где-то лет 26 - 27.

В конце 1944 года я работал на заводе Мессершмидта. На операции по изготовлению узла самолета нас работало пять человек, среди которых были чех и словак. Если бы не они, а они также получали посылки из дома, то мог бы я выжить...

Так как рацион питания составлял утром эрзац-кофе или чай-суррогат и больше ничего. Каждый узник пытался взять рацион последним из 50-литрового бака – может, перепадёт осадок эрзац-напитка.

В обед – миска баланды с брюквой или из нечищенной картошки. В праздник попадалась в супе лапша. Ужин представлял собой 200 граммов эрзац-хлеба, чай без сахара и 10 граммов маргарина.

Работали по 10 часов каждый день. Так что при таком рационе можно скорее протянуть ноги, а не то, что тягать крылья самолета.

В концлагере вели тщательный учёт узников. На работу шли колонной в шеренге по пять человек, при выходе из лагеря и при входе охрана тщательно проверяла наличие полноты команды. Не дай Боже кого-то нет, то вся группа будет ждать до тех пор, пока не будет установлено, куда делся пленник. Причем и зимой, и летом головной убор должны были снять.

Невыносимые условия пребывания в концлагере обуславливали попытки узников оттуда убежать. Но побег обычно заканчивался трагически. Много людей за попытки побега были повешены.

Был случай, когда десять человек повесили на перекладине в лагере прилюдно.

Один молодой парень, который хотел убежать из концлагеря, был пойман. Его одели в полосатую одежду с круглыми красными пятнами (признак попытки сбежать). Он думал, что смерть уже миновала. Но через шесть месяцев на апель-плаце узникам был зачитан приказ коменданта, и его, неудачного беглеца, повесили.

Жизнь каждого узника для власть имущих никакой ценности не представляла и за неё никакой ответственности никто не нёс. Узники очень боялись заболеть, потому что таких направляли в медпункт-ре-вир, оттуда очень часто больных выносили мёртвыми.

Ужасным было разнообразие издевательств.

Как-то трёх узников-немцев эсэсовцы так побили, что их головы были синими, а глаза заплыли опухольями. Их водили по всем блокам, чтобы все это видели, а потом бросили на лагерный забор, имитируя попытку побега, а охрана с вышки их расстреляла.

Концлагерь был размещён в горах. Блоки – один выше другого. Внизу – апель-плац, столовая, ревир, баня, карцер, 1, 18, 19 блоки и пункт пропуска. За проволокой – крематорий.

На возвышенности и с высоты одиннадцатого блока, в котором я находился, хорошо был виден крематорий, откуда чувствовался запах горелого человеческого тела.

Заклученные концлагеря никаких контактов с гражданским населением не имели, так как жили за колючей проволокой, а работали в зоне, также обнесенной колючей проволокой.

Летом по выходным дням и в праздники на апель-плаце лагеря играл большой оркестр. Лагерные чиновники-эльтестеры, писари, охранники имели свои музыкальные инструменты – кто аккордеон, кто баян. Они частенько в ночное время устраивали себе развлечения.

В марте 1945 года до нас дошёл слух, что с Запада наступают американцы, а в апреле началась эвакуация концлагеря в направлении Бухенвальда. Я в то время был узником одиннадцатого блока. 17 апреля нас погнали пешком колонной в пять тысяч человек под охраной эсэсовцев. Погода была холодная и дождливая. Это был поход приведенный. Голодные, истощенные, изнеможенные узники чуть переставляли ноги. Не дай Боже упал, то уже не встал: эсэсовцы в тот же миг пристреливали.

Четыре дня тянулся этот поход. Первая ночевка была в лесу на поляне, но всю ночь шёл дождь. Когда утром погнали дальше, то на месте ночевки осталось много окоченелых людей, которых нацисты еще и добивали.

Утро 21 апреля 1945 года выдалось тёплым и без дождя. Где-то часов в десять охрана разбежалась, мы слышали стрельбу из пулемётов и пушек. На автомашинах в сторону города к нам бежали немецкие войска, а скоро мы увидели американские танки.

За четыре дня похода из пяти тысяч в живых осталось не больше половины – остальные погибли от холода, голода или были расстреляны.

После освобождения какое-то время мы жили на немецкой территории, а в мае 1945 года со сборного пункта в г. Рейн американцы на автомашинах перевезли нас в Чехословакию. Мне очень хотелось вернуться на Украину, на Родину...

ОМЕЛЬЧЕНКО ФЕДОР НИКИФОРОВИЧ

Родился я в 1925 году, на Полтавщине, Новосалтаривськом районе, в крестьянской семье. Там проживал я до 1933 года. А потом в Сибири был, Алтайский край. Туда из Украины переселяли. Мы семьей поехали. До войны я ходил в школу, а потом работал в колхозе, в сельском хозяйстве. Школу я уже окончил в Алтае, на русском языке. И потом в связи с болезнью матери мы вернулись с Севера и были в Полтавской области, вернулись туда. Работал в сельской местности, школу бросил. Жизнь заставила, нужно было зарабатывать на жизнь.

В 13-14 лет я уже работал в колхозе. И пахал, и сеял, и убирал. А дальше война...

В армию я не призывался, мне лет было мало. Работал всё время в колхозе. Отец и два брата на фронт ушли. Оба брата на фронте погибли, а отец вернулся потом с войны.

Уже в первые дни войны мы в селе создали подпольную группу «Дядя Ваня», которая помогала организовывать побег советских военнопленных, переправляли их через линию фронта, а уже в условиях полной оккупации наша группа срывала отправку людей в Германию.

Меня несколько раз пытались угнать в Германию, но я убегал. В конце 1942 года, в декабре, зимой, меня все же угнали насильно в Германию. Привезли в город Нюрнберг. Там поселили в лагерь военнопленных. Тут я был, пока американцы не разбомбили тот завод, на котором я работал – «Гебер-франк».

Потом меня отправили в Кельн. На работу в шахту. Условия содержания были ужасные: есть нечего было, а потому ели траву, червей, листья. Было три человека военнопленных и над ними один палач, который наказывал. Там были одни фашисты! Остальные хлопцы были здоровые, а мне там что... 14 лет каких-то было! Мне там ногу поломало в шахте. Однако, нашелся немец, который мне помог. Этот немец меня из шахты достал, помыл и отправил на скорой помощи под самый Кёльн. Там был барак для русских и немецкая больница рядом. В больнице работали русский и немецкий врачи. Там лечили много покалеченных шахтёров, и я там оказался с поломанной ногой. Был я там больше месяца. На эту ногу совсем не становился. Потом проверили, нога срослась.

Дали мне палочку, я с палочкой ходил. И тут началась бомбёжка! Приходит русский врач и говорит: «Кто может, бегом в немецкую больницу, там подвалы есть». Ну, а кто может?! У кого нога, у кого рука привязаны, закреплено всё, не двигается. Нас пошли туда человек шесть, перебежали в немецкую больницу. Разбомбили эту больницу, ничего не осталось. Только подвалы остались. Мы были вверху подвала, а немцы опустили ниже, глубже. Они потом кричали, у них воздуха не было, а мы выше. У нас там летали снаряды. Там я получил вторую контузию. Из больницы нас не могли выпустить. Подвал замкнуло. И военные немцы пришли, открыли нас, потому что там же немцы внизу были. Двери были помяты, покорежены. Нас первых выпустили.

Построили нас. Немцы говорят: «русские, aus zuhause». Это я запомнил. Я стою и не понимаю, говорю: «Куда, в Россию?». А он говорит: «Я, я, в Россию». У меня палочка была, и я с этой палочкой перешёл через реку Рейн, в горы. Никаких документов у меня не было. По пути меня на одной железной дороге перехватил полицай. Я смотрю, уже вечер, думаю, зацеплюсь за поезд и поеду подальше к России. А полицай меня увидел и говорит: «ausweiss». У меня же документов нет, и он меня арестовал.

Держали в какой-то комнатухе, в камере. Там ещё были отец и сын. Привезли нас в карательный лагерь «Лангенценн», в тюрьму, где сидели вместе с власовцами проштрафившихся, потому что не хотели больше воевать. Наказывали тем, что целый день бегали по кругу, не приседали, добивали тех, кто не вставал, а есть давали две картофелины в день. Тут я потерпел большую неудачу. Поставили русских, немцев и поляков, несколько человек. Начали допрос, у нас же нет документов. Я говорю: адресую себя на Нюрнберг. Потому что знаю, что он к России ближе. Я не говорю, что я в шахте был. Потому что за побег из шахты вешали. Они сверку сделали, меня в карательный лагерь Лангенценн бросили, а оттуда отправили в Флоссенбург. Это уже, можно сказать, конец... Я думал, что погибну там. Вешали там постоянно, в камеру бросали. Все, что хотели делали.

Работал на грязных работах. Привозили листья из гарбузов, их парили и кормили ими людей. Одежду людей, которые поступали в лагерь, мы сжигали. Отправляли в лагерь и итальянцев, и немцев штрафников.

Прислали как-то в лагерь немцев, сказали, что они будут его охранять. А их обманули, начали, как и над нами издеваться, в горячую воду, переодели в полосатую одежду. Они тоже оказались узниками.

Мы ещё не спали, только гасили свет, и тут его снова зажгли, значит, нужно было быстро слезть с нар и выходить. Пригнали новеньких из лагеря Гросс-Розен. Я вышел, вижу, земля перерыта. Я копнул, а там сигареты, папиросы спрятаны. Видно, спрятал кто-то из новых заключённых. Я не курил никогда, отдал их ребятам. Сигареты ценились. В лагере же никто не получал курево. Находили траву и из неё сигареты делали. А я же русских курящих знал. За них кусок хлеба отдавали, чтобы покурить. И тут француз из этого Гросс-Розена увидел, знает же, что он там спрятал. Он ко мне, я отдаю ему эти папиросы и говорит: ты украл. А тут блокочный стоял, француз сказал, что я украл. И меня наказали. А наказали так. Дали табуретку в руки. Становишься на царги, налаживаю сверху кирпичи, наказывают. Нужно было стоять на остром и кирпичи держать. А я не могу... И тут мне повезло. Дали свисток на построение. Все как пули летают! Быстро нужно на своем месте быть. Там бы меня уже убили бы, замучили. Так что прошёл этот номер.

Оттуда меня отправили в Керсберген – филиал концлагеря Флоссенбург. Там я работал в туннелях, в подземелье рыли. Там военные заводы работали. Но я больше стоял на сигналах. Там была подвесная дорога, каретка ходит по воздуху и бурится. Я просто кнопку прижимал. Эта работа меня спасла. Поляк меня поставил на эту должность.

В лагере стреляли пулеметы. Это важно. И я слышал, потому что я не дошёл с работы, упал, сил не хватало. Упал и попал уже на зону четвертую. Там уже давали смертельные уколы. Мне должен был делать этот

укол врач русский военнопленный. Он на меня глянул и говорит: «Сынок, у меня такой сын как ты. Я тебя сохранию. За что же ты сюда попал. Ещё не жил, а уже в концлагере». Русский врач ввел мне иглу, но сам укол не сделал, обтер об меня шприц, а офицер далеко стоял и не видел особо. У меня, правда, до сих пор на руке остался след.

Рядом ещё француз был, он как увидел, что укол делают, начал потом выжимать, проколол насквозь руку и пытался спустить то, что вкололи.

На шоне раздевают наголо. Кладут на нары, на которых ничего нет. На досках лежат. Туалета нет, там такая вонь. Я попал с чехом. Чех лежал такой длинный, что не помещался. Лежал, бурчал. Я узнал матюки чешские. Было холодно. Я голый лежал. Я притулялся к нему ночью. Утром чувствую, а он уже холодный... Я поднял голову, показываю тем, что трупы убирали, что, мол, он уже мертвый. Тот позвал напарника, тоже в полосатой одежде. Они посадили его на задницу, а этому чеху все-таки сделали смертельный укол. Я сижу в 20-и сантиметрах от него рядом и смотрю. Врач взял такой прибор, открыл умершему рот и выламывает клыки, два зуба и бросает их в конверт. На конверте крупными буквами написан его номер. Это для списания.

Потом пришёл ко мне врач и спрашивает: «Как дела». А я не знаю, что он там, сделал или не сделал мне тот укол. И не знал, что это был смертельный укол.

Тот русский врач сказал, чтобы я помогал ему, разносил еду. Брал мисочки в руки и разносил людям по той стороне, где меня назначили в бараке. Сказал, чтобы я поправлялся, ел больше. И я действительно стал поправляться. Как скривился тот офицер и говорит, мол, ты русскому даешь. Хотел побить меня. Но не стал, я весь грязный был. Записал мой номер и сказал, что завтра в команду пойду. Ну, а я не сопротивлялся. Куда деваться.

И один раз я так разносил еду, а один русский лежал и говорит: «Дай еще мисочку», а тут офицер немец зашел, а я не видел, что он зашел. Не заходит далеко, а там, около дверей стоит, потому что в бараке запах.

Прибегает потом этот врач русский и говорит: «Я тебя ещё оставлю. Тут кирпичи привезли, б/у. Его нужно оббивать, расчищать». Привезли машину кирпичей и выделили два человека на эту работу.

Людей в лагере гоняли на работу утром и вечером. А на расстрел и днём брали, в любое время выводили.

Фронт стал приближаться всё ближе и ближе. Охранники лагеря сами чухались, говорят, завелись эти, лойзы, вши. Сказали в баню нас загонят, а воды нет. Фронт же подступает. Так они что принесли. Одежды полосатой было много, и сказали перешить номера свои. Люди же умирают в крематории. Людьюми сараи были набиты. Нам поменяли одежду,

запустили в барак, дали переночевать. Утром дали паёк в дорогу – две порции хлеба, суп и сказали: «Zwei tag» – «на два дня».

В общем, пробыл я в Флоссенбюрге до приближения линии фронта. Оттуда нас погнали в направлении Дахау. До Дахау я немного не дошёл. В Дахау гнали из многих концлагерей. Меня ноги уже не несли, я упал. И меня бросили в середину кучи сброшенных людей, таких же, среди них и трупы уже были. Помню, я проснулся, хочу очень воды. Вижу, человек 40 лежат, может ещё кто живой был. Я вижу, вода бежит, желтая. Очень хочу, умираю, воды. Я говорю охраннику, показываю, что хочу попить той воды, а он говорит: «найн, найн, капут!». Нельзя значит пить ту воду. Смотрю, люди стали подниматься, уже отдохнули. Там недалеко столовая была. Принесли уже кастрюли и кружки. Нас напоили сладким таким, как мне казалось, кофе. И до Дахау мы дошли. Так я там оказался.

Пригнали нас в Дахау, а там уже охрана выставлена отдаленно, группами, поверху стояло три пулемёта на повозках. А нас пригнали неполную команду, немного людей. Я помню, один немецкий офицер кричит: «Fest allen zusammen» – «в кучу собирайтесь», а то все в куче там стоят. Кто упал, кто лежит, кто сидит. Он на меня так остро посмотрел и повторил, а ему «Ja-ja-ja». И вся команда пошла. В общем, лагерь был готов к нашему приходу, охрана стояла и автоматы на повозках.

Пригнали нас в баню. Догола разделись, пропустили в баню, вода была очень горячая, аж обжигались. Ну, кто пролез, а кто обжарился здорово. Дали полосатую одежду. Номер у меня был 26246. Я его не знал, на одежде был этот номер. А уже потом из архивов из Германии мне выслали все документы, где я был. Много где был, уже и путаюсь.

Тут, значит, когда нас в Дахау пригнали, ни с того, ни с сего самолет появился. Очень низко летел, высоко вверх развернулся. И сразу же сбросил две бомбы. Я успел отбежать в сторонку, к дереву, за дерево лег, такие осколки большие летели. Мне в руку попало, в позвоночник. Я скатился в ямку, чудом выжил. Погибли 2 500 человек охраны и 11 000 узников сгорели. Страшный взрыв. Небо с огнем соединилось! Я упал и сразу уснул. Осталось три человека охраны. Один ко мне подошел, в бок меня толкает, в чёрной форме, говорит: «Zu mir» – «ко мне». Я поднялся кое-как, шатался. Он помог мне подняться. Три человека «полосатых», смотрю, еще стоят. Их пригнали в лагерь с опозданием. Люди, кто успел выжить, стали разбегаться, некоторых постреляли. А эти трое в чистой одежде. У меня всё в пыли. И ещё маленькая собака осталась. Всё остальное погибло. И остался ещё тот, что регистрацию вёл, сколько кого приводили. Он так сильно кричал на того, что меня поднял. Думаю, нас расстреляют, что нас там, несколько человек. Вырвал у него винтовку, думаю, всё, застрелит он этого охранника. Слышу, он выстрелил и отдал винтовку охраннику.

Потом нас погнали вверх. По пути труп лежал, чистый, но без головы. Одежда у него чистая была. В горы пока шли, охранники сделали нам привал, травку искали, ели. По пути нам женщина встретилась. Те, что за мной шли, «полосатые», показывают ей, что мы есть хотим, а она говорит: «У меня сыр есть». Она им хочет переломить, а не может. Они у неё вырвали этот сыр, у неё аж сумка выпала. Охранник закричал, та женщина убежала. Идём дальше, а я что-то иду, голову опустил, а когда поднимаю голову, смотрю, охранника впереди нет, и сзади нет! Я думаю, боже, закричал: «Разбежка!». А они, те «полосатые», не русские. Не поняли. Я побежал в кусты, думаю, пересижу, хочу воды попить. Уже темнело, вечерело. Смотрю, женщина идёт, калиточку закрыла. Я машу ей, она остановилась, увидела меня и стоит. Я подошёл к ней, говорю, что три дня без еды, дайте поесть. Запустила меня во двор, дала здоровую такую миску, говорит: «Стой тут». У меня были раны, весь грязный. Она меня вымыла, принесла полотенце, завела меня в пристройку около дома. Говорит: «Садись». Я сел, она мне налила молоко в миску и кусочек хлеба. Тут мужик какой-то пришёл, она меня ногой успела толкнуть, мол, то фашист. Я так быстро всё съел, а хлеб в карман. Нужно же быстро скрыться, иначе накроют. Но фронт уже близко подступил.

Когда я уходил от той женщины, уже вечерело. Вижу, две девочки молодые бегут. Незнакомые. А они ко мне бегут. Я понял, что они русские, ибо немцы не бегают. А заставляют русских работать, чтобы они бегали. Увидели они меня, и давай тикать от меня. Полосатую одежду увидели. А я не понял, чего они бегут. Я им кричу: «Девочки, девочки, не тикайте!». Я говорю: «Чего вы тикаете?». А они говорят: «Гнали заключённых и русских прикапывали». Они увидели эту полосатую мою одежду и бежали. Я говорю, девочки, если у вас что есть покушать, дайте. Они говорят, мы найдем что-нибудь. Говорят, там в сарае есть солома. А уже вечер, холодно. Завели они меня в сарай. Принесли с немецкой кухни подливу, хлеб. Говорят, что сюда никто не ходит из немцев. Сказали, чтобы я никуда не выходил, а то немцы вокруг. Я выгреб ямку, накрылся соломой и уснул. Проснулся, солнце красное. Думаю, утро, а уже вечер. Столько проспал. Вечерело. Пошёл тропинкой. Вижу, вроде как лагерьный барак стоит, высокий забор. Открыта дверь. Деревянный забор. Вижу, собачья будка и мисочка, а в ней половина супа. Я уже забыл, что поел, я тот суп съел и наскочил на меня немецкий офицер, с оружием, из лётной части. У него на петлице такие крылышки были. Он смотрит и ничего не говорит. И потом ушёл. Я пошёл дальше, смотрю, там ящики с патронами, смотрю, маленькая будка была, коммутатор телефонный был. Вижу, постель целая и никого нет. Ушли уже немцы. Никто меня не будет трогать. А убьют, так убьют. Я уже смерть видел. Лёг в ту постель. Лежал. Как начала земля шататься и мелькает свет.

Думал, отступают немцы, американцы наступают. Я так плакал! Расположился в этом месте 610 танковый батальон. Они на две недели на отдых становятся. На меня наскочил американец, я дверь подпёр. Он её выбил. Навел на меня фонарь. Я вижу, он в защитной одежде. Сразу понял, американец. Он мне что-то говорит, а я их языка не понимаю, говорю ему: «Русский». Он повернулся и побежал. Приходит поляк и на боку у него на каске красный крест. У меня ранение было на спине и на руке. Заклеили всё.

Две недели врач за мной следил, лечил, прописывал всё, что нужно. Обеспечил меня всем. Я думаю, поправлюсь немножко и буду добираться как-то до своих.

Смотрю, американцы готовятся к наступлению. Думаю, подойду к ним, поблагодарю и буду как-то к своим добираться. А они днём всегда спят час. Я подошёл к одному, взял его за руку, говорю ему по-русски: «Благодарю вас». А я же не видел, а это полковник был. Но у них нет знаков отличия. И он меня за руку взял, говорит что-то, а я не понимаю. Он бегом переводчика позвал. Тот пришёл и говорит мне: «Мы с русскими сходимся. Если вы согласны, мы вас возьмем». Ещё два месяца война шла. Так что я в действующей армии был. Меня помыли, подстригли, одежду поменяли полосатую, форму дали. Как солдат. Привели в человеческий вид и прикрепили меня к этому еврею. Немецкие самолёты сотнями сдавались. А как закончилась война, все звания повышают и мне вlepили звание. Я прослужил у них в американской армии год почти. Наша часть носила название «Голова тигра».

Солдатам американской армии объявили, что наша часть будет охранять Нюрнбергский процесс. Спрашивают: «Ты согласен?». Я говорю: «Конечно!». Нас подготовили, поменяли всю форму. Каждого обмеряли, сшили каждому парадную форму. Я уже так поправился, стал как человек, даже на девочек заглядывался. В общем подготовили нас.

Получили мы оружие новое. И я один был в американской армии русский. И поляк один был.

Стояли мы охраняли в зале, два часа, перед самими преступниками кольцом. Разговаривать нельзя. Уже я и по-английски кое-что знал. А с евреем, к которому я прикреплен был, мы всё время на немецком разговаривали.

А перед Новым годом попал в Россию. Потому что расформировывался батальон. Добровольцев отправляли в Японию, а часть в Италию. Все, кто возвращались домой, проходили через особый отдел советский в американской зоне. Там было много репатриантов, военнопленных. Меня привезли на машине. Сразу сказали, что я бывший солдат. Особый отдел сразу все проработал. Попал я в Московскую область, Подольский район. Американцы, как оказалось, не ладили с русскими. А я тут русский

солдат в американской армии. Особый отдел взял меня на учет, лет десять контролировали.

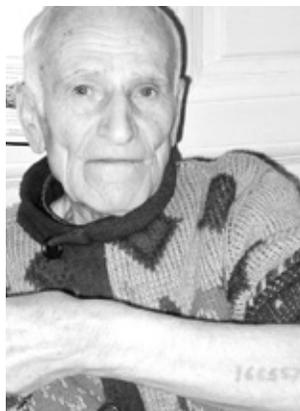
Потом я вернулся в Полтаву, нахальным путём. Бросил всё. Как и до войны, работал в колхозе. А за Америку меня чуть не посадили.

Через военкомат меня направили на восстановление Донбасса в 1947 году. Я построил шахту. Работал шахтёром до 1980 года.

Пять концлагерей подорвали моё здоровье, но не покалечили душу. Я призываю не разрушать память о подвиге народа и учитывать уроки той войны.

2014 г.

ДУДОК ОНУФРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Детство своё я провел в селе Корсовец, район Городок Львовской области. В семье были мать, отец и 5 детей. В 1939 году началась Вторая мировая война. На нашу территорию за короткое время пришла немецкая армия. По договору между Россией и немцами они очень далеко зашли и потом отступили из Львова до города Перемышль. А на место немцев пришла русская армия. Как война началась, школа прекратилась. А жить-то надо было. И я нанялся на работу – заготавливать топливо для винзавода. В городе Люблин Великий у нас

там спиртзавод был. Резал я там торф, сушил, складывал. Платили нам каждый месяц, а потом, когда мы торф заготовили в штабеля, остальные деньги нам выплачивали. Работа была посезонная. Летом. Работал я до 1941 года.

В 1941 году началась война между Россией и немцами. Работа наша была приостановлена. Пришли снова немцы. Когда они пришли, мы на работу уже не ходили. К нашему дому пришёл немец полицай с переводчиком поляком и спрашивает, я ли работал на заготовлении торфа. Мать сказала, что да. Завтра, немец говорит, выходить на работу. А отец говорит, что я еще малолетний. А немец достал наган и хотел убить отца за то, что он сказал, что я малолетний. И говорит немец: «Значит при большевиках он не был малолетний, а теперь малолетний?». Отец

уже был старенький, а полицаи молодой. И не ударил его. Отец сказал, что я должен выходить на работу. И я продолжил работу. А потом котлы на спиртзаводе перевели на уголь. И наша работа стала не нужной. Нас, рабочих, посадили в машину и привезли в город Львов. Там была огорожена школа колючей проволокой. Там нас записали в Германию на работу. Вижу, отец стоит под колючей проволокой и машет мне, чтобы я подошел. Я подхожу, а он говорит:

«Давай одежду снимай, бо пришли с завода и говорят, если форму, спецовку не отдадите, то корову заберём». Ну я переоделся, и отец уехал.

Повезли нас в Германию. Поселили в бараках. Выходили мы на работу на железную дорогу. А однажды сказали, что нас повезут в город Нюрнберг, восстанавливать разбомбленную железнодорожную станцию. Погрузили нас в вагоны и привезли в Нюрнберг. Ехали долго, до поздней ночи. Водили нас по городу, темно. Завели в какой-то лагерь. Мы там пересидели до утра. Утром пошли мы на почту написать письмо домой, что там, где мы были, нас уже нет, мы на новом месте. Ну и я пошёл. Написал письмо на почте, чтобы нам не писали больше туда. Нас сфотографировали еще раньше на документы. И я одну фотокартточку бросил в письмо, а когда вышел из почты, увидел, что никого из наших парней, с кем мы вместе пришли, уже не было. Почта была недалеко от нашего лагеря, и я решил потихоньку пешком идти. Когда я шёл с почты, ко мне пристал полицаи, чтобы я показал документы, а у меня их не было. Повел меня в гестапо. Там стали спрашивать, как я оказался в городе. Сказали, что найдут мой транспорт, но пока я буду у них. Закрыли меня на три дня в камере. Потом открыли и говорят, что я сбежал с транспорта. Я говорю, что у меня даже намерения не было бежать. А они говорят, что у них есть такая информация, что я сбежал. Наверное, пока я на почте был, в лагере была проверка и подумали, что я сбежал. Начальник сказал взять меня под арест. Посадили в тюрьму, подержали немного, потом в другую, третью и так несколько раз. После этих переселений из тюрьмы в тюрьму приехала машина, которая тюремщиков забирает, загнали туда, там уже столько много людей было, темно. Возили нас по городу, привезли, открывают дверь, скомандовали всем выйти. А оказалось, что в той машине было сорок человек. Посчитали всех. А вокруг лес, там вышки стоят, охрана и два барака. Один большой, один маленький. Нас туда затолкали. И от большого барака очередь большая. Когда моя очередь к бараку дошла, я услышал крик. А когда меня внутрь пустили, и я все увидел сам. А там кладут человека на лавку и один с одной стороны, другой с другой стороны, такие здоровые бьют его. По двадцать пять ударов каждому. Все смотрят. Я вижу, лицо того, которого били, сначала красное, потом синее, потом

желтеет. Кто-то мог после этого подняться, кто-то уже нет, кого-то ткнули. Потом в камеру его бросали на пол. Так и меня там перебили. Я ещё как-то ноги волочил. Как будто мертвые ноги. В бараке кровати трёхэтажные, никакой постели. Спать только сидя можно было. А те, которых перебили, сидя не могут спать. Спали стоя две недели. А потом, как уже не болели, назначили мне место, где сидеть.

Днём, те, которые нас били, открывали дверь, свистели в свисток, чтобы мы все выбегали. А ещё двое стоят бьют по дверям куда попало. И так несколько раз.

Вши были страшные! С крыши вода капала, людей много, парило. Я в этом страшном пекле пробыл месяц. Дали мне номер, по-моему, 1617, может я и ошибаюсь. Из этого штрафного лагеря у меня вообще никаких документов нет.

Перевели меня потом в маленький барак. Там условия уже были другие. Оттуда нас водили на работу. Мы строили бараки. За лето, до осени мы построили четыре больших барака. Как работу закончили, нас продезинфицировали и посадили в вагон, отправили в концлагерь Флоссенбург. Нас человек пятьдесят или семьдесят было.

Я помню такой лозунг «Konzentrationslager Flossenbürg. Arbeit macht frei». Тот лозунг все время висел. Когда нас привезли, комендант выступил перед нами и говорит: «Maine Liben Froylen. Bei ounz gie ist ein lebe. Bei unz geekon nur fliegen sterben» и т.д. Он всегда это вычитывал перед новичками. Поэтому я уже это несколько раз с аппель-плаца слышал. Потом всех погнали к бане. Там во дворе он приказал всем раздеваться. Было холодно уже, осень, на морозе. Все раздеваются. Там регистрация на улице. Дают каждому мешок бумажный. Туда нужно положить одежду и завязать. Потом всех в баню, сначала пускали холодную воду, потом теплую, потом снова холодную. И давали потом одежду полосатую. Такие тонкие штаны, такая же блузочка и на голову. Это вся одежда. И после этого в так называемый барак гнали. Он был отгорожен от лагеря. Подошел как-то ко мне один поляк и спрашивает: откуда ты? Я ему рассказал. А он спрашивает дальше: а за что же ты здесь? Я говорю, что ничего не сделал, может, меня скоро и отпустят. А он говорит: какой ты глупый! Отсюда никого не выпускают. Здесь все должны погибнуть. Говорит, тут нужно работать глазами. Если не будешь работать глазами, пропадешь в течение одного месяца. И рассказал мне двумя словами, как это нужно работать глазами. Но я потом понял.

Работали мы на каменоломне. Там был Bruch 1, Bruch 2, Bruch 3. Третий Bruch – это на самом верху. Второй ниже, а третий на самом низу. Там такой камень, гранит страшно твердый. Его всякими молотками отбивными резали, били. У меня не было никакой специальности.

Занимался в общем вспомогательными разными работами. Там я пробыл зиму, лето, ещё зиму.

На работе я видел, не знаю, чей это был приказ, стоит будка. Туда человека с горки толкают, чтобы он шёл. А там его ждут, чтобы застрелить.

И вот весной, после утреннего апеля (построения) рапортфюрер, который докладывал коменданту о том, сколько узников есть живых, сколько погибло, заявил: «ainz blume shtindetu». Такого никогда не было. После этого каждый блокфюрер с красным луком бегал перед стоящими узниками и всматривался в их лица. Кто был уже совсем «капут», как говорят, тому на лбу рисовал красной краской цифру «0», а за ним бегал блокшрайбер и сразу номер его записывал. Эта процедура была недолгой. Таких выбрали 800 человек из лагеря. Когда эта операция закончилась, заявили, что те, кто имеет цифру «0» – стоят, а остальные формируются в команду и на работу. И вот остались те, кто с цифрой «0», собрали их в сотник. На два дня им выдали хлеб и по сотням ведут на станцию. Там уже стояли вагоны, нас туда погрузили, закрыли вагоны и не знали мы куда везут. А в вагоне было только маленькое окошко. Услышали мы, что сирены гудят, как самолеты летят. Поезд остановился, началась стрельба, самолеты бомбы стали сбрасывать. Наш вагон аж наклонился, камни на крышу посыпались. Это было где-то полчаса. После этой бомбежки наш поезд стоял шесть или семь дней. Ни еды, ни воды не дали. Уже куча умерших появилась, их в конце вагона складывали. Еще снег был, мороз. Заклепки на вагоне уже инеем покрылись. И мы ели этот иней. Полизал его и уже легче стало. За короткое время он снова инеем покрывался. Это было наше спасение. На всех инея, правда, не хватило. Много умерло.

После этого слышали, что по крыше кто-то лазил, потом поезд потихоньку стал ехать. Нас ещё два дня везли. Остановился поезд, засовы открыли. Смотрим, а по платформе ходят такие же, как и мы, в полосатой одежде. Я спросил, где мы находимся? Мне сказал: «Аушвиц».

Всех живых выгрузили из вагона, сказали всем руками попереплестаться. Приехала грузовая машина, нагрузили туда мертвых, полный кузов. А тех, кто еще мог идти, поставили идти вперед, а машина ехала сзади. Нас завели через женский лагерь «Биркенау». Привели под крематорий и оставили стоять. Там охраны не было, узники ходили. Нашли в мешке печенье желтенькое, красивое. И все туда бросились. А там полмешка. Я тоже хотел, но мне туда не добраться. Вижу, одно печенье выскочило оттуда, вверх, я его поймал и в рот. А в это время шел узник, который там работал. Начал кричать по-польски: «Не есть, не есть! Это отравка для крыс!». А уже всё то печенье съели. И все те,

кто съели это печенье, все там и скончались. А я успел вырвать, но еще неделю мутило. С умерших одежду сняли и на кучу, в крематорий. До вечера мы возле крематория были.

Уже под вечер на нас пришел посмотреть комендант в сопровождении высокопоставленных офицеров СС. Те, кто знал немецкий язык, слышали, как он брезгливо сказал своей свите: «В газовую камеру не отправлять. На них газа жалко. Сами умрут»...

И действительно, из 200 человек, привезенных вместе со мной, остались в живых всего восемь.

Комендант лагеря подвел к нам офицеров и сказал, чтобы нас отсюда убрали. Нас поместили в 11-й или 12-й блок. Транспорт за транспортом в лагерь привозили евреев из Греции. Их выгружали из вагонов и вели прямо в крематорий, как в баню. Это была газовая камера. Там такие здоровые трубы были. Так сильно горел огонь, аж вместе с черным дымом из трубы было видно огненное пламя. И день и ночь там конвейером сжигали транспорт за транспортом евреев.

Помню, как номер мне выбивали в Аушвице – 166557. Аж до самой кости пробивали четыре раза. Рука была сама кости и кожа. Блокшрайбер штамповал. На второй день рука опухла.

Я промерз, у меня живот уже примерз и остановилось выделение мочи. Я сообщил об этом, сказали, что завтра пойдем в ревир (лагерный госпиталь), там уже таких как я куча. Нас посчитали и повели в лагерь «F» – это и есть лагерный госпиталь. А там евреи были врачами. Доктор спрашивает: что у тебя болит? Я рассказал. Сказали: быстро вас вылечим. Я лёг, мне дали лампу и сказали держать её над животом. Когда печёт, он говорит, отдаляй. За неделю болезнь отступила. Меня оттуда уже в карантинный лагерь не вели, записали в команду, которая ходила на станцию разгружать, наверное, с фронта, поломанные, сбитые самолеты. Мы сгружали эти самолеты с вагонов. Долго я там работал. Распорядок дня и условия жизни были стандартными для всех рабочих концлагерей: подъем в четыре утра, начало работы в шесть, окончание в 18.00.

Вечером давали «суп» (теплая вода с кусочками свеклы или брюквы) и маленький квадратик хлеба из опилок. Но часть и этой микроскопической пайки, каждая крошка которой была на вес золота, умудрялась украсть лагерная служба – вооруженные дубинками и плетками немецкие уголовники. Сначала я никак не мог проглотить свекольный жмых в «супе». Не шло, и все! Хотя понимал – если не буду есть, умру. А потом приновился: засуну ложку со жмыхом в рот и держу, чтобы не вырвать, а потом, предварительно занюхав дымом из крематория, глотаю. Достать где-то дополнительную еду было практически невозможно.

Мизерный шанс появлялся, когда приходил очередной эшелон с еврейскими семьями. Мы после работы стояли под колючей проволокой и с ужасом смотрели, как их ведут сжигать в крематорий, три огромных высокие трубы которого дымили день и ночь. Смотрели, как их раздевали, заводили якобы мыться в бани (газовые камеры), как направляли трупы в печи, как все это убирали заключенные, почему-то прозванные «командой Канада». Наблюдали и за уборкой вагонов, в которых привозили обреченных на смерть людей. Наши ребята часто находили там настоящий домашний хлеб и перебрасывали его узникам через проволоку. Тот, кто поймал, отдавал лагерную пайку другим, а сам лакомился настоящим хлебом.

С работы нас приводили в шесть вечера, пересчитывали на плацу и загоняли в барак – до 21.00 было, так сказать, «свободное время». Мы садились на землю и терпеливо ждали отбоя. Раньше времени ложиться не разрешали – за это жестоко били. Сидеть нужно было тихо-тихо – разговаривать, петь, ходить запрещалось категорически. Спали в так называемых боксах (четырёхэтажные нары). Люди лежали так плотно, что повернуться было невозможно.

После войны много пришлось слышать выдумок о жизни в Освенциме. В действительности не было там дружбы среди заключенных – каждый сам за себя. Да и сил разговаривать просто не хватало. Никаких праздников тайком не отмечали – не было календарей и никто дат не знал. Подпольных организаций никто не создавал – это все сказки. Планы побега или восстания никогда никем не разрабатывались – совершить их было нереально. Смерть мы все видели каждый день, но ежесекундного страха перед ней не было. Сами эсэсовцы никого не убивали и не избивали – брезговали. Экзекуции выполняли тюремщики, набранные из немецких уголовников. Именно они свирепствовали в лагере. В Освенциме людей мучили голодом, холодом, страшным трудом, издевательствами. Будь у меня выбор – лучше расстрел, чем этот лагерь...

Осенью Восточный фронт уже подступал к нам. Начали нас грузить в вагоны и везти вглубь Германии.

Привезли нас в лагерь Маутхаузен (Австрия). Повели в баню. Там я пробыл 20 дней. Оттуда нас пешком повели в лагерь Кузен Аинц – филиал Маутхаузена. И в этом лагере меня зачислили в команду Васербау. Мы там в этой команде проводили большой водяной сборник, по которому шла по трубе вода из Дуная. Со сборника вода шла в лагерь. В лагере было 12 000 человек. Там я проработал до 5 мая 1945 года.

Помню, в лагере было полно гишпанцев (испанцев). Когда в Гишпании было восстание, Франко попросил Германию помочь подавить

восстание. Немцы согласились, но с условием, что они пленных забирают себе. И вот все они оказались здесь. В основном они работали на сельском хозяйстве. Эти узники картошку чистили, я приходил к ним, говорю: давайте мне лушпайки. Они мне давали, я в карманы набирал.

Возле крематория, где людей сжигали, было много пепла горячего, я эти лушпайки туда закапывал, они там поджаривались. Но нужно было, чтобы никто не видел.

Западный фронт стал приближаться к лагерю. СС оставили лагерь, сбежали. Фронт остановился ненадолго, СС снова пришли в лагерь и начали по сотням выводить людей из лагеря в туннель, в скале. Заводили туда людей сотнями в туннель. Хотели завести туда всех и взорвать. Но вермахт на это не согласился. Получилось так, что сотня уже в туннеле, а остальные на апель-плаце. Включили сирену и водили нас туда обратно. Завели нас в лагерь в итоге и закрыли там. 5 мая в 5 часов вечера. Обычно в 6 вечера. Вызвали нас всех на апель-плац. Мы смотрим, а там машины, джипы, полные солдат американских. Все из апель-плаца хлынули в ворота. Много людей ушли. Американцы ворота закрыли. Я остался в лагере. Последнее время немцы уже трупы не сжигали. Возле крематория они складывали умерших штабелями в высоту барака и в длину барака. Американцы начали с носилками выносить людей из лагеря. Я зашёл в барак и заснул. Утром слышу, меня кто-то трогает, а это американцы с носилками. Положили меня на них и понесли. Вынесли в СС бараки. Там каждый имел уже отдельную кровать. За несколько дней наехало много машин на апель-плац. В каждую машину по 20 человек посадили и вывозили всех, кто имел западные номера. А у меня был номер «Р» – польский номер. Я считался восточным. Вывезли нас в город почти на самую границу между Германией и Голландией. Там тоже были бараки, но уже свободные бараки. Нас хорошо кормили, оживили. Приехала военная машина к нашему бараку и спрашивает: кто хочет поработать? Я согласился. Чувствовал уже в себе силы. Вещей у меня не было, кроме тех, что на мне. Привезли нас в город Мюнстер. Там была такая работа. Поезда из порта привозили продукты. Мы разгружали и возили на аэродром и складывали в штабеля. Платили нам 180 немецких марок и 5 долларов американских. Дали одежду, место, где спать. Мы долгое время там работали, пока аэродром весь не настроили этими штабелями продуктов. Было много консервов. Когда ящик разбитый был, можно было брать и кушать. Американцы не запрещали. Когда та работа закончилась, сказали, что работы больше нет. Спросили, куда меня отправлять.

Мне как бывшему узнику дали документ, что я могу ездить бесплатно поездами. Несколько лет я покатался, пошатался. Потом, думаю,

надо возвращаться. Нужно было пройти фильтрационный лагерь советский, где нас проверяли. Из этого лагеря я через Венгрию, Чехословакию, приехал на Украину, в Мукачево. Там тоже был фильтрационный лагерь. Выдали мне там паспорт и сказали: «Катай домой». И около 1950 года, в 1948 или в 1949 году я приехал домой, во Львов. Предлагали мне квартиру во Львове, но я отказался. Нанялся тут на работу, на Львовский арматурный завод. Проработал там 15 лет. Надоело там. Перешел на другую работу. Так до пенсии проработал, до 60 лет.

Если посчитать все лагеря, через которые я прошел – это ад ужасный. Голод, непосильный физический труд под присмотром капо. А капо – это бывшие осужденные из тюрем. Их туда отправили, чтобы они управляли. Они так науправляли, что 6 миллионов погибло. Жестокие очень. Были капо, оберкапо и так далее. Они сильно издевались над узниками. Эти узники голодные, еле на ногах стоят, а их бьют, чтобы они работали. Ни минуты не давали отдыхать. Тот поляк, который сказал, что нужно работать глазами, был прав. Если капо увидит, что ты стоишь и не работаешь, он бьет за то, что ты стоишь. Так что когда капо на тебя смотрит, нужно было работать. А как отвернулся, можно отдыхать. Мы камни носили. Капо смотрели, чтобы ты не маленькие брал, а большие. И тут есть камень плоский, а есть большой. Нужно было, чтобы со стороны капо видно, что ты большой камень несешь. Нужно было манипулировать. Три года я был на тяжелой каторге ни за что.

Еще вспоминаю такой эпизод. Возле лагеря Кузе-Айнц начали восстанавливать город Линц – это Австрия. Нашу команду и Штайнбрук ведут на станцию, где стоят 2 вагона пульмана. Они везли лед. Это были герметические вагоны. В один и в другой вагон засунули 300 человек. Я туда не попал, стоял сзади. На следующий день идем там, а все те люди уже трупы. Подушились там. Воздуха не было в вагоне.

Если кто-то старался сбежать из лагеря, а его поймали, то вешали. Вешали после аппеля. Аппель – это когда целый лагерь пришел с работы, каждый должен знать, где он стоит. И нас считали. Кого покалечили, кто живой. Блокфюрер докладывал рапортфюреру, а тот коменданту. Два раза в день аппель. Если кто сбежал – лагерь стоит. А иногда приказывали стоять, подняв руки вверх. Если кто руки опустил – бьют. Страшное мучение, нестерпимое.

Каждый раз, когда я ем, мне вспоминается тот голод страшный, концлагерный. Такая скудная пища была. Я еще расскажу. Однажды на Штайбрук №3 нашел гнилую картошку в земле. Я расколол ее, беленькое в середине. Такая вкуснятина. Я все съел и поблагодарил всевышнего, что такое вкусное нашел. Вот такой голод был.

Раз в год в лагере можно было получить карточку разграфированную. Можно было написать письмо домой, что ты живой, что работаешь. Эта карточка шла на цензуру. Если пишешь, чтобы тебе помогли, то тебя вызывают и из лагеря ты уже не выйдешь. Сразу в крематорий. Писать можно было только на немецком языке.

После войны четыре раза был в Германии. Но не узнаю уже города. Во время войны все же было развалено. Сейчас в Германии и дороги хорошие, у нас не такие, конечно. Так что немцы быстро себя отстроили и хорошо живут.

19.07.2013 г.

МИХАЙЛОВИЧ ТРОФИМ ТРОФИМОВИЧ

Родился я в деревне Терebenь Пинского района Брестской области 9 октября в 1920 году. Работали с отцом на сельском хозяйстве. С началом прихода немцев жили у себя дома. Когда начался угон в Германию, никто ничего не объяснял. Меня и других забрали из домов, где мы жили. В марте 1942 года нас привезли в Барановичи, а дальше под немецкой охраной в Германию. Привезли в Варшаву. Приехал за нами представитель из фабрики Гоман города Вупперталь. Он нас забрал и привез в город Вупперталь. Нас разместили в закрытых бара-

ках. Кормили очень плохо. Никуда не пускали.

Я работал на авиационном заводе. Мастера у меня были приличные. Очень меня уважали. Никогда на меня не кричали. Работал хорошо, чтобы мастера от меня не страдали. Пробыл я там до ноября 1944 года. В ноябре 1944 года пришли мы на работу и нас начали забирать. Вывели около барака, построили. Начали накладывать наручники. Мы ничего не знали. Но я чувствовал. Одел лучшую одежду. Подошел ко мне офицер, сбросил с меня пальто. Грязь была, погода плохая.

У меня было 300 марок. Как меня забирали, мне дали их люди на дорогу. Тратить их было некуда. Как когда выпускали в город Вупперталь, местные жители нам помогали. Открывали свои карточки, давали, помогали.

В общем, арестовали нас, привели в гестапо. Сказали, что нашли листовки против немецкой власти, стали мне их читать. Я и не знал ничего об этих листовках. Но я и немецкого не знал. Учился в польской школе. Меня спрашивали, я все отрицал. После допроса нас вывели, посадили в машину, куда-то под охраной повезли. Привезли в концлагерь Флоссенбург.

Сразу же повели в баню. Вещи поменяли, дали концлагерную одежду. Привезли нас из Вупперталя 170 человек. Определили в карантинный барак. Когда мы проснулись утром, выгнали на построение. Погода снежная. Если кто упал, даже еще живой, то его брали на тачку и увозили в крематорий. Через какое-то время нас вызывают на допрос. Сидит следователь СС. Он меня тоже стал допрашивать. Каждого, кого допрашивали, рассказывал о своей специальности. А у меня никакой специальности нет. Я только в Вуппертале работал, что скажут. Вот и до меня дело дошло. Я рассказал свою автобиографию. Написал, что я слесарь.

В общем, пробыл я во Флоссенбурге месяц.

Дали нам одежду, босоножки деревянные и повезли в город Дрезден – филиал концлагеря Флоссенбург, на завод Чахвиц. Евреев было больше 400 человек, были французы, мы и другие. Была там слесарная мастерская, давали там инструмент. Сказали, что я буду протирать этот инструмент. В один день налетели американские самолеты. Мы решили побег сделать, но первый раз у нас не получилось. А когда был второй налет, немцы пошли в убежище. Я выскочил первый, смотрю, за мной второй бежит, мы по лестнице перелезли за забор, продвинулись мы километров 18 от лагеря, до города Пирна. А со мной был советский офицер военнопленный. Смотрим, сарай в поле. Зашли туда. Там картошка, соломы много. Хозяин-фермер там свое оборудование складывал. Мы решили там несколько дней пересидеть, потому что немцы облаву устроят, будут все равно искать нас. И так мы там остались. Лежим, заходят ночью какие-то, по-русски, слышу, говорят. Я решил выйти и спрашиваю: откуда вы сами? А они говорят: мы из Брестской области, Сталинский район. А я говорю: а я из Пинского района. Мы земляки! Одежду нам новую дали, прежнюю сожгли. Дали нам картошки, соли. Мы продолжали там сидеть, а то поймают. Попастся не хотели. Но оказалось не так. Мы как-то еду варили. Видим, идут гражданские, а с ними офицеры немецкие. И говорят эти гражданские офицеру, мол, то русские что-то варят. А офицер и говорит: да хай варят! Но решили они нас взять. Привели в гестапо. А мы сразу сказали, что мы работали у хозяина и нас выгнали. Нас допросили, надели наручники. Мы не сказали, что мы были в концлагере. Иначе бы повесили или расстреляли.

Отправили нас в тюрьму Дрезден. Слышу, зовут меня: Никола! Я же имя сменил на Николай. Но уже не Николай, а Никола зовут меня. У меня были 50 марок. Думаю, если он заберет наши деньги, то кончится наша жизнь. А нас арестовали как за кражу картошки. Повели нас 30 километров от Дрездена в город Радеберг. Привели. Там одна немка молодая и еще две девушки русские, итальянцы сидят. Смотрю, выходят СД. Подходят ко мне и спрашивают: ты политик? Я говорю: нет. Так что, за картошку здесь, спрашивают? Я говорю: да, воровал картошку. Они сказали: живи. И снова меня в Флоссенбург отправили.

Как-то, когда уже фронт стал приближаться, советские войска были в нескольких километрах от лагеря, немцы стали расстреливать людей. Нас 35 человек всего было. Подходили, показывали пальцем на кого хотели, значит тех поведут на расстрел. И на меня показали. Пока немцы отвлеклись и никто не видел, я убежал и спрятался туда, где всё с умывальников сливается и закрылся сверху крышкой. Немцы как потом начали считать. Из семи отобранных человек шесть есть, а седьмого нет. Начали искать, стали немцы своих охранников бить за то, что меня упустили. А я сижу молча. У меня оттого потом и проблемы с почками начались. Простудил там. Пересидел там ночь, а потом слышу, как стрельба идет, немцы заводят свои мотоциклы, машины и уезжают из лагеря. Как только уехали, я тут же выскочил, забежал в барак и говорю: быстрее убегаем. Наши войска уже близко-близко. Выбежали все на улицу. Говорю, разбегайтесь. Как мы стали бежать, танки уже ушли, пошли на город. По дороге шли немецкие солдатские машины.

Мы пошли пешком, дошли до села. Там украинцы работали. Они нас спрятали. Пришел какой-то служащий из города, сказал, что не будет нас убивать, чтобы мы не боялись. Говорит, пойдете в хозяйство, здесь рядом, там хозяин убежал. Будете скот досматривать. Но когда придут русские, вы должны сказать, что я вас спас. Привел он туда в это хозяйство еще 40 человек. Мы там все поели, сметану из тазов. Вернулся хозяин и говорит этому служащему: они тут все поломали, забирай их отсюда, они мне тут не нужны. А он ему отвечает: то не они, то немцы, солдаты поломали, они тут лежали. Куда я их поведу? Мне их некуда вести. Пусть работают у тебя. Они тебе и корову смотрели, и свиней сохраняли. Ну тот хозяин ушел снова. Советские войска стали ближе подступать и освободили нас.

Нас направили в фильтрационный лагерь. Прошли там проверку. Я по годам уже не подлежал службе в армии. Выписали мне документы, сказали езжать домой. Нужно было куда-то поступать. Я окончил пожарную школу и работал начальником караула пожарной службы.

ЛЮТЫЙ АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился я 20 февраля 1925 года. Тогда это была Черниговская область, а с 1939 года – Сумская область. Ее собрали из регионов Черниговской, Полтавской и Харьковской областей. До войны мне было 16 лет. Родители были сельскими работниками.

У нас в Конотопе выходила газета и в ней писали: «Едешь ли ты в Великую и прекрасную Германию?» Причём на полгода и на год. Расписывали, хвалили. Некоторые клюнули на это дело, поехали. Потом стали насильно брать.

У нас в семье было четверо детей. Старший 1917 года – воевал на фронте уже, сестра 1923 года, я 1925 года, брат младший 1927 года рождения. До 16 лет я был метр 65, как и сейчас. Меня и подружку в Германию вывезли. У меня с детства была грыжа. Я думал, что меня по болезни возвратят. Отправили в больничный барак. Врач посмотрел и говорит: нет грыжи. И отправили меня к бауэру Ленгарду Крафту. Мне уже 17 лет было тогда. Такая дурь в голову нахлынула – бежать. День и ночь об этом думал. Дурь была. 10 октября 1942 года бежал, а 13 октября нас встретили в Нюрнберге и отправили в тюрьму, несколько дней не кормили. Отправили в штрафно-карадельный лагерь. Главным палачом там был некий Иван Солдатенко из Броваров Киевской области. Но немцы могли набирать идиотов, способных на идиотические дела.

В лагере мы не работали совсем. Пять часов в день были одни издевательства. Издевательства были такие, например, «Жабьи прыжки». Сидишься и сидя прыгаешь. Или шаг гусиный. Или заставляли ложиться. Кто последний, того бьют. Ставили две шеренги друг напротив друга и нужно было бить друг друга. Там я пробыл три недели. Два дня в неделю есть не давали. Никакой постели не было.

Отправили меня в наручниках, в вагоне в концлагерь Флоссенбург. По дороге в вагоне были еще чехи. Говорили по-русски, но с акцентом. Спросил их, куда нас везут? Они сказали, что в концлагерь. Я тогда ещё не знал, что такое концлагерь.

На входе большой черный камень стоял и золотыми буквами было написано «Schutzlager Flossenbürg». Нас раздели догола. Потом в баню, переоделись.

Жили мы так. Спали на кроватях, набитых соломой. Утром, еще темно было, выгоняли на аппель. Возле барака. После аппеля – на каменный карьер. Я работал на Bruch 3 (карьер). Это был ад самый настоящий, ужас.

Заключённые немцы – капо вели себя так, как будто мы их враги, а они начальники. Издевались, как хотели. Это одичавшие люди.

Работал я на каменоломне. Я должен был брать камни и бросать их в обрыв. И так целый день. Замерзали, кормили плохо.

В лагере был ревир (госпиталь). Помню, был врач Макс. 3 марта 1943 года 700 человек привезли. Помню, я лежал в больнице после войны уже. И врач рассказывал, что у организмов разные свойства. Поэтому и люди в лагере умирали по-разному. Один кости и кожа и живет, а второй умирает еще относительно ничего внешне. И в лагере один раз, помню, лежал в ревира. Мне на ногу камень упал. Три недели там пролежал.

Помню один случай. Один поляк спрятался в каменном карьере. Вечером был аппель. Мы выстраивались перед блоком по десять человек. Нашли того поляка. Положили его на стол на плацу. Я сам художник, поэтому потом зарисовал, как это было, наверное, с десяток у меня рисунков. Поляку нанесли семьдесят пять ударов. Два силача били. Но поляк не кричал, или я так далеко был.

Помню ещё как немцы трупы носили в крематорий. Брали два полотенца. Одно привязывали за шею, второе за ноги и понесли.

В лагере было модно бить. Бесперывно, везде. Я весил 48 килограммов. Так мне ещё завидовали. Я выносливый был. В бараках скелеты лежали.

Узники друг с другом не разговаривали даже. Имен своих даже не знали. Помогать не могли друг другу, ничем.

В этом лагере я пробыл четыре месяца. Слабое питание, звериный режим, каторжная работа. Больше всего в памяти остался холод и озверелое поведение немцев-капо. Лагерфюрер был сам зверь. Выстраивал нас по блокам, по десять человек и смотрит всем в глаза, отбирал людей. Был переводчик с ним. А переводчик говорит: смотри в глаза, смотри в глаза, а то бить будет. Отобрали нас 700 человек и погрузили в поезда. Сказали, если кто убежит, расстреляют 200 человек. Присвоили мне номер.

Привезли нас в город Кауфбойрен на завод BMW. Сначала я работал на черновых работах. Кормёжка такая же. Много станков было. Ни один немец плохо к нам не относился. Был только один случай. 29 апреля нас распустили недалеко от города Пенцберг. Я поспешил вперёд, навстречу своей смерти. Трое суток мы не ели. Шли вместе с одним ленинградцем Ваней. Нас немец увидел, начал стрелять по нам, мы еле убежали, в лесу спрятались. А так немцы к нам плохо не относились.

ДУБОВЕНКО БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ

Я вырос в семье крестьянина. В 1929 году пошел в первый класс средней школы города Сквиры Киевской области. Закончил в этой школе 10 классов. После поступил в Харьковское артиллерийское военное училище, которое окончил 2 июня 1941 года и был направлен на службу в вооруженные силы Белорусского военного округа. Стоял 3 километра от границы, город Руженосток. Назначен командиром огневого взвода. Через два дня войны, будучи в звании лейтенанта, был назначен командиром батареи, так как прежний командир погиб. В Минске оказались в окружении, в котле. С боями пробивались из окружения. Мою часть разбили. Назначили меня в другую часть. Меня там ранило и контузило. Дальше я ничего не помню. Оказался в плену. Меня подобрала команда, которая собирала трупы. Я был ранен в левое колено, контужен. Забрали в сборный пункт военнопленных. Там я пробыл неделю. Мне оказали медицинскую помощь. Потом меня отправили в Польшу. В лагерь 308 Бяла-Подляска. Еды сразу вообще не давали. Проезжала машина, сбрасывала селедку, рыбу. Кто успел, тот схватил, съел, кто не успел, значит не ел. Раз в сутки потом стали что-то давать. Благодаря тому, что я был физически здоровый, я выжил.

Лагерь в Польше Бяла-Подляска – это самое страшное, что я пережил. Я был одет в летнюю форму. Брюки были распороты, потому что на ноге перевязку делали, и нательная рубашка на мне была. В этом лагере нас загнали в клетки, которые в поле стояли. Холодно было. Там я своего друга встретил. Я был в 4-й батарее, а он в 1-й. Он был в шинели, а я раздетый практически. Так мы в его шинели ночью вдвоем грелись. Раны еще не зажили. В брюках у меня остались карманные часы. Я эти часы в лагере обменял на фуфайку, сапоги, шинель, гимнастерку и пайку хлеба.

Затем отправили в город Хаммельбург. В этом лагере в Хаммельбурге были военнопленные, офицеры. Там уже пищу давали регулярно, раз в день. Существовать можно было, но очень тяжело. Пробыл я там до начала 1942 года. Нас отобрали 50 человек и отправили нашу команду на осушение болот местности возле Дуная. Рыли каналы, чтобы спустить воду. В 1942 году зима была очень снежная. Нас привлекали для расчистки

шоссе. В марте нас оттуда отправили в Нюрнберг, на военный завод. Мы первые приехали, так как наша команда строила первые бараки для лагеря. Потом приехали туда первые 400 человек, которые работали на заводе. Питание было плохое, но кормили регулярно. Брюква, нечищенная картошка, никаких жиров и буханочка хлеба – 250 граммов на день. В Нюрнберге я был до 1944 года. В начале мая 1944 года нас вызвали, четырёх человек: майора и трёх лейтенантов. За подготовку к бегству, за саботаж на работе по сфабрикованному делу, арестовало гестапо. нас так избili, что мы двое суток лежали. Это был кусок мяса, а не человек. Облили нас водой, но мы выжили. Неделю были в Нюрнбергской тюрьме.

Состучались мы с соседями по азбуке Морзе. Один из наших её знал. И тут открылся Второй фронт. Значит будет легче. После этого нас попарно наручниками связали и по железной дороге отправили во Флоссенбург. Здесь я сразу же встретил своего земляка, выпускника из училища Мишу. Мы учились вместе. Я думал, его расстреляли. Я его спросил: «Миша, отсюда вообще кто-то выходит из этого лагеря?» Он говорит: «Выходят, вон через ту трубу выходят». Вот мое первое впечатление.

Сразу завели нас в канцелярию. Завели направо, там был медицинский блок. Там давали уколы. Разделись, под лопатку сделали уколы нам. Первый пошёл майор и сказал: высоси. Второй пошёл, высосал тот укол, волдырь образовался. И так каждый мы один другому высосали те уколы.

Потом нас повели в баню, в подвал. Видим, что первых четверых, которые перед нами туда заходили, уже тянут. Они уже, оказывается, мёртвые. Мы прошли душ, нас одели. Завели нас в четвёртый блок. В бараке было больше сотни людей. Начальником барака был немец Винкель Синий – криминалист.

Во Флоссенбурге была жесткая дисциплина. Наказание было за малейшее нарушение. У меня был на одежде красный треугольник «РО» - русский офицер. Некоторые были с черными винкелями – немцы. Жутко наших избивали. Мы их обходили. Я особо никуда не встречал. Этот капо, начальник барака ко мне отнесся по-человечески. Оставили меня дежурным по бараку, чтобы я порядок наводил. Так он меня накормил и в общем нормально отнесся. Но питание было слабым очень. И одеты были мы слабо. Зима снежная была, но ещё теплая. Ходили в деревянных колодках.

На работу нас каждый день водили на карьер, где-то в километре от лагеря. Идем из лагеря, несем булыжник камня на себе. После взрыва, камни сбрасывали с обрыва. Я где-то месяц там работал. И как-то товарищ катнул камень и на меня, ногу мне повредил. Принесли меня в

лагерь, от работы отстранили. Поместили меня в блок №2, там лежали больные, которые собирались уже умирать. Самым страшным здесь было то, что утром просыпаешься, а рядом несколько мертвых уже лежат. Постоянно люди умирали. Здесь было много чехов, поляков, французов. Я познакомился с одним чехом. Он когда-то был в Москве, говорил по-русски. И с французом познакомился. Они меня поддерживали, так как получали посылки, давали хлеба, как садились есть, шпроты. Я здесь пробыл где-то месяц в лагере. Хотели палец отрезать на ноге, но я не дал. Обуть ничего не мог, потом кое-как обул колодку, привязал. Ходил получать с термосом на барак пищу. А раз пищу уже получал, то уже и пайку имел. Потом меня выписали и снова в команду определили. Нас там 30 человек. Возили на автомобиле рано утром, привозили поздно. Мы обслуживали подъездные пути железнодорожные ближе к штольням Доры, куда нас и перевели, в концлагерь Миттельбау-Дора.

Капо был поляк, мастер – немец. Неплохой человек. Я попал на паровоз, который вывозил из штолен вагонетками камень. Я расцеплял вагоны, сцеплял. В общем, был помощником машиниста, кочегарил паровоз и был сцепщиком. Потом нас перевели в Гарцун, рядом. Небольшой лагерь был. Он фактически обслуживал Дору.

В начале апреля 1945 года нам объявили строиться на марш. Сразу я не хотел идти, тяжело мне было. Товарищ меня поддержал, тоже лейтенант из Москвы. Трое суток шли. Ночевали в полях, деревнях. Слышны были взрывы, стрельба. Фронт был уже недалеко. Конвой уже за нами не особо следил. Кто отставал, того отстреливали, падал в кювет. Как настали сумерки, я и Миша удрали, а к нам еще мальчик лет 13 привязался. Мы его с собой взяли. Час примерно мы пролежали, пошли в деревню. Хотели в сарай влезть, замаскироваться, но не получилось. Навстречу нам немец, достал пистолет. Сказали ему, что мы отстали, догоняем колонну, показал нам куда идти. Поверил нам, отпустил. Мы только вышли за село и пошли вправо. Пошли дальше по дороге, увидели там кучу ботвы и соломы на скирде, стали копать, а там еще и головки есть не сгнившие. А есть-то хочется. Залезли мы на скирду и головой вниз туда зарылись, в солому.

Утром услышали, что едет телега. Смотрим, через солому, там два мужика на телеге. Немец и поляк. Они приехали набирать солому. Поляк залез на скирду, а мы же зарытые и я верхний лежу. Думаю, вилами как толкнет и все. Он набросал сверху так солому на телегу и уехали. Я говорю, давайте выходить отсюда, слышна уже артиллерийская стрельба. Мы будем как ориентир и нас сразу сожгут. Перед вечером уже увидели, что белые флаги висят над домами. Значит капитуляция, а мы идем в полосатой одежде. Подошли мы к дому, всё заперто. Так мой друг

москвич сразу колодкой в окно бахнул и зашел в дом. А там еда, нашли колбасы, а мы голодные. Поели мы и пошли дальше. А рядом уже американцы были, у них солдатская кухня. Нас сразу пригласили, расположили на сене. Трое суток мы лежали, отходили. Американские солдаты нам давали кушать, набрались сил.

Потом заняли мы второй этаж эсэсовского дома. Жили там неделю. Когда американцы ехали на Магдебург, мы поехали с ними и там перешли через понтонный мост к своим. Здесь же мы сразу попали в лагерь на сборном пункте. Мальчика того от нас забрали, а мы двое офицеров остались. Нас собралось человек 8 офицеров, отправили на медицинскую комиссию в Ораниенбурге. Это уже было 11 или 12 мая.

День Победы мы в Магдебурге встречали.

26.07.2008 г.

A black and white photograph of a prison. In the foreground, there are several rows of barbed wire fences supported by wooden posts, receding into the distance. In the background, a multi-story wooden guard tower with several windows is visible. The overall scene is desolate and institutional.

ШТУТТГОФ

Концентрационный лагерь Штуттгоф был основан на второй день после начала Второй мировой войны – 2 сентября 1939 года. Штуттгоф был первым немецким концлагерем, созданным за пределами Германии во время Второй мировой войны. Узниками Штуттгофа и его филиалов были более 110 000 человек. Считалось, что в лагере погибло 85 000 человек, но в последнее время историки ЕС проводят переоценки: число умерших заключённых снизили до 65 000.

Первоначально Штуттгоф был лагерем для интернированных гражданских лиц под управлением начальника полиции Данцига, до его последующего массового расширения. В ноябре 1941 года он стал лагерем «трудового воспитания» (как и Дахау), находящимся в ведении немецкой полиции безопасности. Наконец, в январе 1942 года Штуттгоф стал обычным концентрационным лагерем.

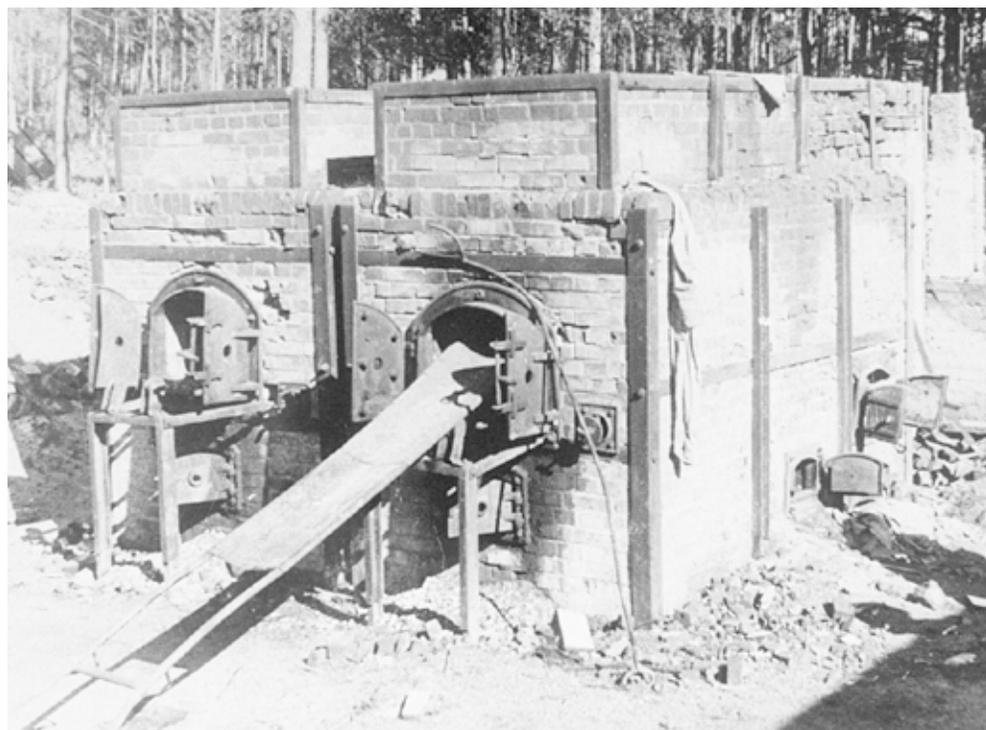
Персонал лагеря состоял из немецких охранников СС, а после 1943 года – украинских вспомогательных войск, нанятых группенфюрером СС Фрицем Кацманном.

В зарегистрированных узниках Штуттгофа были граждане 28 стран, а кроме евреев и поляков – немцы, чехи, голландцы, бельгийцы, французы, норвежцы, финны, датчане, литовцы, латыши, белорусы, русские,

хорваты и другие. Среди 110 000 заключенных были евреи со всей Европы, участники польского подполья, польские мирные жители, депортированные из Варшавы во время Варшавского восстания, литовская и латышская интеллигенция, бойцы латышского сопротивления, психиатрические больные, советские военнопленные, и коммунисты.

Ряд немецких организаций и отдельных лиц использовали заключенных Штуттгофа в качестве подневольных рабочих. Многие заключенные работали на предприятиях, принадлежавших СС, таких как DAW (Deutsche Ausrüstungswerke), хорошо охраняемый завод по производству вооружений, что буквально означало «Немецкий завод по производству оборудования», который располагался внутри лагеря рядом с бараками для заключенных. Другие заключенные работали на местных кирпичных заводах, в частных промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве или в собственных мастерских лагеря. В 1944 году, когда принудительный труд узников концлагерей стал играть все более важную роль в производстве вооружений, в Штуттгофе был построен авиационный завод Фокке-Вульф.

Эвакуация заключенных из системы лагерей Штуттгоф началась 25 января 1945 года. Когда началась окончательная эвакуация, в системе

 Печи крематория Штуттгофа

лагерей Штуттгоф находилось около 50 000 заключенных, большинство из которых были евреями. Около 5000 заключенных из подлагерей Штуттгофа были отправлены на побережье Балтийского моря, брошены в воду и расстреляны из пулеметов.

Остальные заключенные были отправлены в направлении Лауэнбурга в восточной Германии. Отрезанные наступающими советскими войсками, немцы заставили выживших пленных вернуться в Штуттгоф. Марш в суровых зимних условиях и жестокое обращение со стороны охранников СС привели к гибели тысяч человек.

В конце апреля 1945 года остальных заключенных вывезли из Штуттгофа морем, так как лагерь был полностью окружен советскими войсками. Снова сотни заключенных были брошены в море и расстреляны. Более 4000 человек были отправлены на небольших лодках в Германию, часть в концлагерь Нойенгамме под Гамбургом, а часть в лагеря на побережье Балтийского моря. Многие утонули в пути.

9 мая 1945 года лагерь был освобожден Советскими войсками. В нем находилось около 100 заключенных, которым удалось спрятаться.

ЦВИГУН ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА

Родилась я в 1923 году в селе Гора Бориспольского района Киевской области. Перед войной с семьей переехали в село Королевка, что на Винничине. С самого начала войны нашему селу не повезло. Нам достался самый жестокий староста в округе. От него зависело практически всё, потому что немцы мало вмешивались в жизнь крестьян. Староста начала ходить с десятниками по домам и говорить молодым, чтобы готовились ехать на работу в Германию. Некоторые убегали. С нашего села староста отобрал для отправки в Германию 9 девушек. В их числе оказалась и я. Было мне тогда 17 лет.

На подводах повезли нас на железнодорожную станцию. Там запихнули в товарняки и отправили на запад. На каждой станции к нам постоянно подсаживали молодых парней и девушек – все вместе в одном вагоне.

В Штутгарте нас поставили на платформы, как солдат, в шеренги, и приказали ждать. Вскоре появились представители заводов и предприятий, которые отсчитывали необходимое количество рабочих и вели их с собой. Меня и ещё 14 девочек отправили на завод «Кодак», который изготавливал в то время военную продукцию. На следующий день нас ждала работа за станками.

Каждый день в пять утра в казарму, где мы жили, входил полицай и громко кричал «Подъём!». Нас ставили в шеренги и отправляли в столовую, на завтрак. Там выдавали три кусочка хлеба на день и наливали в миску какую-то юшку. Позже мы узнали, что это были переваренные недоедки немцев, которые работали с нами на том же заводе. До обеда работали, потом – та же юшка. На ужин тоже самое. Редко, правда, давали варёную картошку. Потом – в казарму. Там, на дощатых, двухярусных кроватях, среди клопов мы и ночевали. Только раз в неделю, в воскресенье нас водили в баню. Тогда же мы могли проверить и почистить матрацы, которые кишели клопами. Банщица – пожилая немка – не считала нас за людей. Вторую половину дня мы отдыхали, писали письма родным. Раз в несколько месяцев разрешалось получать посылки из дома, весом... 200 граммов.

Где-то через год, когда стали частыми бомбардировки союзниками, нас перевели в лагерь, который находился недалеко. Там уже жили иностранцы: французы, поляки, англичане, голландцы... В отличие от нас, они были практически свободными. Мы же, отработав неделю, имели право только в воскресенье оставить лагерь и пойти в город. На груди у каждого обязательно была нашивка «OST».

Относились к нам немцы по-разному. Одни по-другому не обращались, как «швайне», то есть свиньи. Другие наоборот – подбадривали: война скоро закончится, и всё будет хорошо. Один мой поклонник каждый день тайком подкладывал мне на станок немного завёрнутых в газету бутербродов, чтобы я могла немного подкрепиться. К нам, девушкам, относились более-менее терпимо. А вот над парнями, которые работали в соседних цехах на тяжелейших работах, издевались, как только могли. Били, бывало, даже расстреливали. Всех, кто болел, независимо от пола, отправляли в концлагерь, где они и умирали. Хотя нам говорили, что их отвезут домой.

ФИНСКИЕ КОНЦЛАГЕРЯ

В 1941 - 1944 гг. финскими войсками были оккупированы две трети территории советской Карелии.

По приказу главнокомандующего финской армией маршала Маннергейма от 8 июля 1941 г. на оккупированной территории русское население следовало отправлять в концентрационные лагеря. Детей от 15 лет отбирали у родителей и направляли в трудовые лагеря, которых на территории Карелии было немало. Оккупационная политика финских властей предусматривала, что родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, представители других финно-угорских народов должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами Великой Финляндии.

Воинские подразделения на захваченных финнами территориях учреждали первые концлагеря, в которых порядок соблюдался по-разному. В 1941 г. в районе Петрозаводска было создано шесть концлагерей.

Лагеря были созданы в Алавойнене и Святнаволоке. Были организованы также временные лагеря, впоследствии закрытые, за исключением «дисциплинарных» лагерей в Колвасъярви и Киндасово. Существовали лагеря и на территории Кондопожского района и города Кондопога.

Целью создания финских концлагерей являлась «этническая чистка», то есть уничтожение русского населения в регионе, оккупированном финской армией.

Самая высокая численность заключенных в финских концлагерях в Карелии по официальным данным доходила до 21 984 человек на 1 января 1942 г. Всего же на оккупированной территории Карелии было создано 13 финских концлагерей, через которые прошли более 30 000 человек только местных жителей.

«АРЕСТОВАННАЯ» ФОТОГРАФИЯ

Свой снимок «Узники фашизма» советский военный корреспондент Галина Санько сделала уже после освобождения от врага столицы Карелии Петрозаводска, увидев за колючей проволокой на одной из городских окраин группу наших детей. Некоторые из коллег сочли, что сиё – в плане чистоты документального свидетельства – не очень хорошо и не очень похвально. Ведь работа выполнена постфактум. И хотя напечатанный в газете снимок читатели встретили вполне благосклонно и даже тепло, те некоторые (назовем их ревностными блюстителями норм журналистской этики и морали, коих найдете в любом редакционном коллективе) обвинили автора ни более и ни менее как в профессиональном подлоге. Мол, Санько выступила не в роли хроникера, а в роли режиссера: «организовала» детей, «разместила» их в кадре и – пожалуйста, получите сюжет на заданную тему. Его можно хоть завтра использовать в газете. На редакционной «летучке» Галине Санько вменили в вину «непростительно провороненное освобождение города», «попытку извратить историческую правду о войне», «стремление приписать нашей молодежи такие черты характера, как душевная аморфность и дряблость воли», и прочая и прочая. Никакие объяснения в расчет не принимались. Выступавшие спрашивали: «А почему запечатленные на снимке советские дети – маленькие, худенькие, несчастные, оборванные – выглядят столь обреченно? Где несокрушимая вера в победу, в завтрашний день, в силу и мощь Красной Армии? Где испепеляющая ненависть к оккупантам, в борьбе с которыми по призыву товарища Сталина, наряду со взрослыми, участвуют тысячи пионеров и школьников? Каковы причины, побудившие автора скрыть, будто снимок сделан не до, а после освобождения города? И что, в конце-концов, символизируют или должны

символизировать наши ребята за колючей проволокой?» – Не хватало лишь обвинений в умалении роли партии в развертывании всенародной борьбы с врагом, – не без иронии заметит впоследствии приглашенный на редакционную «летучку» в качестве своеобразного рефери Дмитрий Бальтерманц – огоньковец, общепризнанный авторитет, рекомендовавший для публикации на страницах старейшего в стране иллюстрированного еженедельника (в котором Санько печаталась еще с довоенной поры) не один десяток ее снимков. – Однако чему удивляться? То, что у нас называли ленинско-сталинским стилем большевистской печати, в действительности являлось просто выкручиванием рук, промыванием мозгов и заурядной демагогией. Лишь благодаря вмешательству журналистов «Огонька», «Литературной газеты» и некоторых других

изданий Галину Санько удалось отстоять, а начавший было разгораться «идеологический костерок» вокруг ее имени – погасить. Тем не менее, итог этой «разборки» оказался неутешительным. Прежде всего для творческой судьбы снимка. 22 года пролежал в архиве Г. Санько снимок «Узники фашизма», злонамеренно изъятый из газетно-журнального оборота страны, из ее общественно-политической и духовной жизни. Это, по словам того же Дмитрия Бальтерманца, нельзя было расценивать иначе, как подлую месть за стремление сказать то, о чем в стране предпочитали не говорить. «Освобо-

Советские дети – узники финского концлагеря №6 в Петрозаводске в день освобождения 29.06.1944 г.
 Фото военного корреспондента Г. Санько

дили» фотографию 9 мая 1966 года. «Освободили» явочным порядком – путем публикации ее в республиканских газетах «Ленинская правда» и «Советская Карелия», причем в том виде, в каком она, фотография, появилась на свет на страницах центральной печати во время войны и в каком позже стала известной в разных уголках земного шара. Решиться на подобное мог далеко не каждый. Ведь вчерашние и позавчерашние идеологические погромщики отнюдь не спешили отдавать себя на заклятие. Проявляя несомненно смелую творческую инициативу, московский корреспондент карельских масс-медиа Рудольф Сюкияйнен предложил редакциям двух ведущих республиканских газет напечатать ко Дню Победы «опальный» снимок периода освобождения.

Свое обращение к коллективам закончил словами: «Пусть люди знают и помнят, что и как тогда было. Мы не должны скрывать правду от них». Достойную профессиональную позицию заняли и руководители обоих редакционных коллективов. Они пренебрегли возможными неприятными последствиями для себя лично. Решили: мы действительно не должны скрывать правду от людей. Необычную публикацию карельские журналисты сопроводили следующим текстом: «Этот снимок сделан фотокорреспондентом Галиной Санько летом 1944 года, в дни, когда Петрозаводск был только что освобожден от гитлеровских захватчиков. Ребятишки, которых видите перед собой, были узниками фашистского концлагеря... К сожалению, до сих пор не удалось установить, как сложилась их дальнейшая судьба. Может быть, читатели помогут нам разобраться в непростой ситуации? Вглядитесь, товарищи, в лица детей, давно ставших взрослыми. Не исключаем, что вы узнаете кого-нибудь из них. Если узнаете, напишите в редакцию. Это позволит рассказать о детях-узниках на страницах газеты».

Поиск, начатый редакцией газеты «Ленинская правда», оказался весьма успешным. Из безвестности возвращались имена, биографии, прошлое детей, запечатленных на снимке.

– Этот мальчик – в кепке... слева у столба... держится за проволоку – Аркадий... Аркадий Николаевич Ярицын... Отец большого семейства... Токарь... Ветеран... До выхода на пенсию работал на Онежском тракторном заводе... Человек солидный... с острой памятью...

Вера Ивановна Саватеева-Король – бывшая малолетняя узница Ведлозерского лагеря в Карелии, учительница из Ухты (летом 1992-го гостила в Киеве, где мы и встретились у меня дома) рассказывает о тех, кого удалось найти. Перед нею – увеличенная фотокопия снимка Г.Санько. Изображения ребят, которых называет по фамилиям, именам и отчествам и о которых сообщает разные известные ей сведения, отмечает «птичкой».

– О Ярицыне я уже рассказала. А это, – показывает на застывшего у столба справа паренька в прохудившемся пальтишке (левая рука лежит на проволоке), – Геннадий Александрович Костромин... В неволе был с сестрой Любой... Знаю ее лично... Живет в Мордовии. Записали?..

– Ну, а девочка в углу... да-да, справа... руки привычно опущены на проволоку – Клавдия Александровна Соболева... по мужу – Нюппиева... Кандидат биологических наук... Исследовала влияние заморозков на различные сорта картофеля... Организатор Карельского союза бывших малолетних узников фашизма... Умница, красавица... Очередная «птичка».

– А теперь о тех, кто находится от проволоки чуть дальше... Вот Мария Александровна Завьялова... в платке... Вот Валерий Николаевич Фурсов... на руках у девочки... Родом из Вознесенского района Ленинградской области... Вот... Вот... Вот...

Как только Галина Захаровна Санько узнала о том, что может встретиться с героями «реабилитированного» снимка, она помчалась в Петрозаводск. Шаг абсолютно оправданный и естественный для любого пишущего или снимающего журналиста. Рассказывают, как самозабвенно и увлеченно работала Г. Санько. Своих давно уже взрослых героев: степенных папаш и мамаш, рабочих, ученых, колхозников – она снимала в заводском цехе, институтской лаборатории, в поле, на улице, в кругу семьи. Кадр за кадром, кадр за кадром.

Итогом поездки явился опубликованный в сорок втором номере журнала «Огонек» за 1966 год фотоочерк о судьбе детей, некогда запечатленных в освобожденном Петрозаводске. Текстовую часть написали в редакции «Ленинской правды».

Санько праздновала победу. Полную и безраздельную.

Подобно тому, как в сорок четвертом фотокамера мастера зафиксировала ребят-узников, безмолвно застывших у столба с колючей проволокой и грозной надписью на деревянном щите, так в шестьдесят шестом она «подстерегла» сугубо личный момент свидания человека со своим прошлым. Трагическим прошлым.

Замысел автора удивительно прост. Вниманию читателей предлагаются два снимка, у которых общая героиня: девочка Клава Соболева тогда и взрослая женщина Клавдия Александровна Соболева-Нюппиева теперь. Своеобразная фотодилогия. Особые пояснения не требуются.

Тогдашнюю героиню мы видим вместе с товарищами по несчастью застывшей в отрешенном молчании невольницы. Она отвыкла смеяться, почти перестала говорить. Теперешнюю героиню видим вместе с дочерью Людмилой и племянником Владимиром преисполненной

СНИМОК, СТАВШИЙ КЛАССИКОЙ

Фоторепортёр
Галина Санько.
Снимок
военной поры

Снимок «Узники
фашизма»,
сделанный в только
что освобождённом
от врага
Петрозаводске,
и вошедший
в золотой фонд
советской
фотопублицистики.

Клавдия Александровна
Соболева-Нюппиева
с дочерью Людмилой
и племянником Владимиром.
Снимок 1966 года.

благородного стремления донести до сознания и сердца молодых ужас того, что показано на старом военном снимке, который держит в руках. Неумолимо течение времени, стремителен его бег, неистребима память о прошлом.

На всемирной выставке «Интерпрессфото-66» за фотодилогию, составленную из снимков «Узники фашизма» и «Через двадцать два года», Галина Захаровна Санько удостоилась Золотой медали. Это была награда за творчество, за труд, за профессиональный, гражданский и человеческий подвиг.

Из письма Г.З. Санько: «Спешим поскорее попасть в освобожденный Петрозаводск. Летим вдоль берега Онежского озера. Город производит тяжелое впечатление. Все разрушено.

Приземляемся. Изредка встречаются люди. Зная, что враг выбит лишь из прибрежной части Петрозаводска, направляюсь к Онеге. По дороге ко мне присоединились девушки-комсомолки. Они рассказали о лагере, в котором содержались дети. Я поспешила туда, на окраину города.

За колючей проволокой увидела бараки. Приблизилась к ним. У проволоки застыла группа ребят. Безучастных, отрешенных. Я пыталась заговорить с ними. Но они упорно молчали. Сделав несколько фотографий группы, я направилась к воротам... И вдруг одна девочка позвала меня: «Тетя!».

Выяснились любопытные подробности. В лагере находились и взрослые и дети. Причем не только из Карелии, но и из Ленинградской области. Отправить детей на лечение в тыл пока нельзя. Железная дорога ещё не работает. Вокруг орудуют фашисты. Вскоре я улетела в Москву. Нужно было доставить снимки в редакцию».

Из воспоминаний А.Н. Ярицына, 1931 г.р., узника петрозаводских лагерей: «Освобождали нас морские пехотинцы, мчавшиеся на катерах от Ивановских островов. Горела пристань, кипела вода, грохотала канонада. Поскольку лагерная охрана разбежалась, мы получили возможность свободно передвигаться. Ринулись на берег навстречу нашим воинам. Как смеялись и плакали мы тогда!.. А жить продолжали в тех же грязных вонючих бараках, в которых жили при финнах. Деваться-то некуда. Через сутки или двое после освобождения в лагере появилась женщина фотокорреспондент. Она сказала, что намерена нас снимать. Мы не возражали».

Из воспоминаний К.А. Соболевой-Нюппиевой, 1935 г.р., узницы петрозаводского лагеря №6 (барак № 125): «Снимок сделан в районе Перевалочной биржи на Олонецкой улице. Именно здесь располагался петрозаводский лагерь №6. С «расстрельным» щитом, столбами, с туго

натянутой колючей проволокой... Место, где щелкнул затвор «лейки» фотокора, специально не выбиралось. Да и зачем было выбирать? Снимок отражал типичную для карельской столицы картину. Он мог родиться и на Куковке, и в домах Северной Точки, и в железнодорожном городке, где функционировали лагеря, подобные нашему. Правда, объектив запечатлел бы другие лица, других ребят. Ну да какая разница! А что до «режиссуры», то нет, нас не просили принимать какие-то позы, выстраиваться в том или ином порядке. Вот как стояли, так и сфотографировались».

Из письма В.И. Саватеевой-Король: «Нужно иметь в виду и сугубо конъюнктурные политические соображения, сыгравшие негативную роль в судьбе Г. Санько. Перед лицом вырисовывавшегося нового этапа отношений с Финляндией – этапа добрососедского сотрудничества – руководителям нашего государства не очень хотелось, чтобы убийственной силой обвинительный фотодокумент с текстовкой «Лагерь в оккупированном Петрозаводске (Аанислинне)» гулял по страницам газет и журналов мира. Ведь пуще смерти в стране боялись правды. Вот и лгали направо, как лгали часто и во многом». Из дневниковых записей автора (1992 г.): «Частная «локальная» и потому недостаточно известная история запрета снимка Галины Санько была, по мнению тех, с кем довелось беседовать, своеобразным микропрологом к идеологическим погромам, которые через несколько лет, уже после войны, начнет устраивать в сфере литературы и искусства А.А. Жданов. Впрочем, для нас принципиальное значение имеет другое. «Изъятие» фотографии «Узники фашизма» стало синонимом «изъятия» из нашей жизни проблем бывших узников фашизма. В СССР считали: права этой категории граждан надежно защищены и неукоснительно соблюдаются. Все, что требовалось сделать, государство давно и успешно сделало. О предателях же и трусах, попавших во время войны во вражеский плен, говорить не будем».

Впервые снимок Г. Санько «Узники фашизма» был опубликован в части тиража газеты «Труд» в сорок четвертом. Снят с полосы во время печатания номера по настоянию членов ночной дежурной бригады исключительно по «идеологическим соображениям». Соображения эти тогда, в сорок четвертом, сочли убедительными.

Многие важные подробности, связанные с «арестом» и «реабилитацией» снимка «Узники фашизма», содержатся в первой части второй книги В.В. Литвинова «Коричневое ожерелье» (издательство гуманитарной литературы «Абрис», Киев, 2001).

*По материалам
газеты «Судьба», № 163.*

ТРОФИМОВА АННА МИХАЙЛОВНА

Я родилась в Ленинградской области, Гатчинском районе, это между Гатчиной и Ленинградом по Варшавской железной дороге. Уже в конце лета 1941 г. немцы заняли наш район. У нас были такие сильные бои! Немцы обстреливали Ленинград, а наши войска из Ленинграда стреляли в немцев. Мы находились между ними. Границей между ними была Варшавская железная дорога. Был такой грохот, как в очень сильную грозу. Помню, мама завешивала окна, чтобы не видно было этого зарева.

Уже осенью 1941 года немцы загнали нас в лагерь в Колпино, потом в Веймары, Кингисеп, Нарву, в Клоогу и в 1943 году отправили в Финляндию в Ханко и Лохя.

Хорошо помню концлагерь Нарва, был какой-то длинный барак с двухярусными настилами. Одна печурка на весь барак, посередине. Один раз в сутки давали баланду очень жидкую и маленький кусочек хлеба с добавками опилок. Воды вообще не было. Мама выбирала у барака снег, где почище, и растапливала в этой печурке. Процеживала через какую-нибудь ткань, так как снег был очень грязный. Люди на этом снегу вымораживали свою одежду, так как все были вшивые. Постельного белья и одеял у нас не было, спали в том, в чем были одеты и обуты.

После этого барака нас перевели в другое помещение. Там были отдельные комнаты. Мама заняла комнату, в которой была плита, но на плите не было настила, она нашла кусок жести, и положила вместо настила, прижав ее кирпичами. Затопила, в комнате

стало тепло. Но пришёл староста и выгнал нас с этой комнаты в соседнюю комнату, где не было никакой печки. Где была одна стенка обогревателя. Морозы тогда были до –45 градусов. Не знаю, как мама нас троих детей согревала в этой комнате. А староста был наш земляк.

В январе 1945 года наше Правительство вернуло нас в Советский Союз. На нашу малую Родину нас не пустили, а отправили на спец. поселение в Калининскую область. Репрессировали по национальному признаку. И так нас наше правительство наказало, не знаю за что. Мне было тогда 7 лет, и когда я получила первый паспорт, мне в паспорт поставили статью. После смерти И.В. Сталина статью сняли, а реабилитировали только при Ельцине. И так до 1953 года мы жили впроголодь, и даже хлеба досыта не было, не говоря о других продуктах. Я помню, мы могли купить только две буханки хлеба в день на шестерых человек. Делить приходилось мне. Никто кроме меня не делил.

В Карелию мы приехали 15 сентября 1952 года. С тех пор и живём в г. Кондопоге Республики Карелия. Работала я на строительстве Новой Кондопоги. Стаж работы 38 лет. Приходилось выполнять все тяжёлые работы. По специальностям грузчик, каменщик, печник, штукатур-маляр, техник-строитель. Землю мы копали вручную так как механизмов не было. Жили мы в коммуналках – в общих квартирах. Меня как бывшую малолетнюю узницу, по указу Президента положено обеспечить жильём, но наша городская администрация меня на очередь на получение жилья не поставила, всё ищет причины, потому что я всегда говорю им в глаза о беспорядке в городе, а правду не любят. Если раньше можно было решить любой вопрос, теперь наше руководство этого не любит.

17.05.2017 г.

ШАБАНОВ БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было семь лет. Наша семья (отец, мать и я с сестрой 1931 года рождения) проживали в с. Подпорожье Ленинградской области. День начала войны – 22 июня 1941 года – мне не запомнился. События этого дня, казалось, для меня не изменили ничего. Как и раньше, я со своей любимой овчаркой Джеком проводил время на речке, купаясь, загораю и играю «в ножичек».

Подошел день мобилизации нашего отца в Красную Армию. Проводы солдат, которые отправлялись на фронт, проходили на железнодорожной

станции, куда прибыл военный эшелон. Людей было очень много. Мы стояли рядом: папа, мама, сестра и я. Папа одной рукой обнимал маму, а другой гладил по головкам меня и сестру. Мама, припав к груди отца, громко рыдала. Он, как мог, успокаивал ее, просил беречь себя и детей, обещал вернуться живым. А вокруг был слышен плач, крики, военные команды, где-то играла гармошка. И вот теперь я почувствовал: на нас и всех людей, которые находятся на станции, свалилось что-то тяжелое, ужасное, если так плачут женщины и дети. Именно тогда появились мои первые слезы. А сколько их было пролито потом, за два года и восемь месяцев пребывания в концлагере!

Через некоторый промежуток времени жители Подпорожья начали выезжать оттуда. Часть людей, в основном женщины, дети и старики, взяв коров, коз и кое-что из домашних вещей (кто сколько мог нести на своих плечах), пошли в лес с надеждой переждать войну. Мы также двинулись туда. Там рыли землянки, в которых и жили. В меру приближения фронта мы все дальше и дальше отходили от родных мест. В то время взрослые считали, что война закончится быстро нашей победой над фашизмом. Никто даже мысли не допускал, что война протянется долгих и мучительных четыре года. Наша мама с другими женщинами ходила по селам и выменивала некоторые вещи на продукты питания. Временами она приносила зерно, картошку, овощи. Этим мы и питались. Ну а молоко было от своей коровки. Такая наша лесная жизнь продолжалась где-то до середины октября 1941 года.

В один из октябрьских дней наша мама снова пошла на поиски продуктов. И именно в этот трагический день в нашем лесном лагере появились финские солдаты. Они разрушили землянки, выстроили и куда-то повели всех «лесных жителей» под конвоем.

Мы с сестрой вели свою корову и плакали – думали, что останемся без мамы. Как же мы обрадовались, когда по дороге встретили наших мам! Финские солдаты пригнали нас на ту самую железнодорожную станцию, откуда не так давно мы провожали отца на фронт. Женщин с коровами солдаты погнали на другую платформу. Тех, кто остался, начали с бранью и пинками загонять в товарные вагоны. И снова, теперь уже в вагоне, мы остались без мамы. Мой двоюродный брат, которому было тогда 15 лет, как-то узнал, что женщин с коровами повезут другим эшелонам в Финляндию. Ему удалось предупредить об этом свою и мою маму. Оставив коров, они успели перебежать в наш вагон. Снова мы вместе!

Сколько людей загнали в вагон, не знаю. Помню только, что было тесно и душно, была возможность только стоять. Из вагонов за всю дорогу никого не выпускали, не давали ни есть, ни пить.

Когда на остановках на некоторое время открывали двери, становилось немного легче дышать.

23 октября 1941 года нас «разгрузили» в Петрозаводске и загнали в концлагерь № 3. На то время на побережье Онежского озера было создано 6 или 7 лагерей. С этого дня началась для меня лагерная жизнь. Нас поселили в деревянный барак, где было сыро и холодно. Света не было. Барак разделен на маленькие коморки (что-то вроде комнат), которые разделялись общим коридором. В одну из таких «комнат» поместили нашу семью.

Что представлял собой лагерь? Территория с деревянными бараками была обнесена двумя рядами колючей проволоки высотой больше двух метров, по углам – сторожевые башни с прожекторами, на башнях – солдаты с пулеметами. По ночам солдаты периодически включали прожекторы, становилось видно, как днем, и было страшно... В лагере – двое ворот. Около одних (вход в лагерь) соорудили одноэтажный сырой дом. Это – комендатура. Другие ворота – выход к Онежскому озеру, куда нас под конвоем солдаты с собаками и полицаи водили по воду (в лагере воды не было).

За наименьшее нарушение лагерного режима с любой стороны – наказание: часами стоять под солнцем, дождем или снегом. Болели и мерзли ноги и руки. Ослабленные дети не выдерживали этих пыток и падали. Их несли в лазарет. По территории лагеря постоянно ходили охранники с овчарками. Взрослых ежедневно водили работать, а дети оставались сами. На здании комендатуры и на щитах, установленных около забора, было написано «Вход в лагерь и разговор через проволоку воспрещен под угрозой РАССТРЕЛА».

Но мы, дети, иногда и в ночное время умудрялись пролезть за забор и шли в город, где у местных жителей просили что-нибудь из еды, чтобы принести в лагерь. Если кого-то задерживали, то на ночь бросали в подвал. А утром комендант лагеря устраивал публичное наказание задержанных. Их по очереди клали на широкую деревянную лавку и били. После такого наказания невозможно было ни есть, ни лечь несколько дней. За детей наказывали и родителей.

С нас, малолетних, финны, наверное, хотели сделать и воспитать что-то наподобие «Гитлерюгенда». Каждый день заставляли маршировать строем, петь финские строевые песни, учить строевые приемы. За наименьшие нарушения назначались наказания в виде избияния, стояния «Смирно» или отправки в карцер. Все эти годы не знали, что будет с нами завтра. Но в начале 1944 года такие занятия прекратились.

И вот настал долгожданный день освобождения. Утром 29 июня почему-то не прозвучала команда на построение. Мы вышли из бараков и

увидели, что вместо финского флага на доме комендатуры развевается красный стяг, который не видели почти три года. Позднее стало известно, что его подняли партизаны. А возглавлял партизанское движение в Карелии в то время Андропов Юрий Владимирович.

В полдень в город вошли войска Красной Армии. Слезы радости и сияние улыбок были на лицах и детей, и взрослых.

ПОДНЕВОЛЬНЫЕ ДЕТИ-ДОНОРЫ

САМОХИНА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА

ПРИЮТ «ПРИЗРЕНИЕ», г. МАКЕЕВКА

Никогда не забуду, с каким нетерпением я ждала первое сентября 1941 года. Так мечтала сесть за парту, что даже заглядывала в окна своей будущей школы, пытаюсь угадать, где же будет мой класс. Но в разгар лета услышала от родителей непонятное для меня тогда слово «война». И поняла, что моим мечтам не суждено осуществиться. В школу я пошла только в 1944-м.

Мой отец Григорий Сергеевич Илющенко, работавший инструктором в местном райкоме партии, накануне войны перенёс тяжёлую операцию и не был призван на фронт. В первые же дни оккупации его, коммуниста, арестовали. Однажды моя мама Екатерина Ивановна отнесла мужу в тюрьму горшочек каши и получила обратно пустую посудину, на дне которой лежала короткая записка: «Прощай». Больше передач у матери не принимали: «Вашего мужа здесь нет». Мы так и не узнали, как погиб папа и где похоронен.

После освобождения Макеевки были найдены 47 мест захоронений тысяч расстрелянных и замученных людей – и военнопленных, и мирных граждан. Отца могли сбросить в шурф шахты, могли расстрелять в городском парке, который находился рядом с приютом, где мы оказались вместе с братом Володей. В приюте мы постоянно слышали звуки выстрелов. Это расстреливали людей. А дети постарше, чьи спальни выходили окнами к парку, видели, как горожан водили на расстрел. И рассказывали нам, младшим, что видели в парке торчащие из-под земли... руки и ноги.

У меня было два братика – пятилетний Володя и трехлетний Славик. Однажды мама отправилась в какое-то село менять вещи на продукты и не вернулась домой. Как выяснилось, её угнали на принудительные работы в Германию. Она освободилась лишь в 1945 году. Мы, дети, остались одни. Младшего Славика забрала к себе зажиточная бездетная семья. А меня и Вову полицаи увели в приют.

Приют «Призрение», организованный в феврале 1942 года в здании бывшего детского сада по приказу майора Мюллера – коменданта оккупированной Макеевки, по сути, был концлагерем для массового истребления детей. Здание, где в 1941-1943 годах располагался госпиталь для немецких солдат, сохранилось до сих пор.

Со слов старших детей, кровь брали для немецкого госпиталя, который находился на территории Рудничной больницы в Макеевке.

Кормили нас ужасно: свалят прямо во дворе бричку гнилой свеклы или початки сухой кукурузы, от которой аж зубы трещали, а мы все это жадно

расхватывали, чтобы не умереть с голоду. День массового отравления я помню очень хорошо. На улице стояла невыносимая жара. В приют привезли бочку с кровью убитых животных, в которой плавали зеленые мухи. Эту жижу запекли и дали нам на завтрак. К одиннадцати часам утра все отравились. Многие, особенно маленькие детки, умерли. У меня же потемнело в глазах, я вышла на улицу и легла на лавку, стоявшую у входа. Нянька схватила меня за волосы и куда-то потащила. «Быстро на промывку!» – кричала она. Всем выжившим детям сделали промывание желудка.

Узников приюта убивать не спешили: они были нужны как доноры для раненых немецких солдат.

Няня приходила ко мне со словами: «Тебе нужно сдать анализ крови», отводила в комнату, где у меня брали кровь. Но однажды я попыталась убежать. Потому что после этих анализов мне было очень плохо, несколько дней кружилась голова.

Сбежать из приюта мне не удалось. Няня схватила меня за руку и потащила в комнату, где находился медицинский кабинет. Пока надзирательница волокла меня по коридору, я увидела, как из той комнаты вынесли безжизненное тело мальчика.

В кабинете у кушетки стоял немецкий офицер, а за столом, уставленным пузырьками, сидел доктор. Меня положили на кушетку, повернув лицом к стене. Почувствовав боль от укола в руку, я обернулась и увидела, как от моей руки отходит проводок. Не знаю, сколько так пролежала. Только

помню, как доктор стал осторожно поднимать меня за плечи, затем дал проглотить какую-то темную таблетку. Потом я очутилась в своей постели. Несколько дней не могла подняться. Я теряла равновесие и падала.

Не знаю, сколько крови могли выкачать у истощенного ребёнка, но многие дети умирали. Однажды я заглянула в нашу кладовую, которая находилась в коридоре, и поняла, что там хранят вовсе не еду...

В спальне, где я прожила два года, была стеклянная дверь. Сквозь стекло просматривался коридор, в конце которого находилась кладовая. Однажды я увидела, как надзирательница открыла дверь в кладовую какому-то мужчине, и он вынес оттуда что-то, обернутое в ткань. Я и раньше видела, как этот человек время от времени забирает что-то из кладовой и кладет в бричку во дворе, накрывает черной попоной и увозит. Увидев, что дверь в кладовую осталась открытой, то помчалась туда, надеясь найти что-нибудь съестное. Заглянув в кладовую, я увидела, что в ней в штабель сложены тела детей на высоту моего роста. Не помня себя от страха, я побежала на второй этаж в спальню для мальчиков. Там жил мой младший брат, и я хотела посмотреть, жив ли он. Увидев брата, немного успокоилась.

День, когда советские войска вошли в Макеевку, я запомнила как один из самых счастливых в своей жизни. На чердаке приюта красноармейцы устроили наблюдательный пункт.

Солдаты угощали нас сухариками и кусочками сахара, просили спуститься вниз и спрятаться, чтобы мы не попали под обстрел, но мы не слушались. Один снаряд попал в здание приюта, из окон посыпались стекла, но никто не погиб.

Воспоминание

Я Самохина Галина Григорьевна (дев. Илющенко),
в годы оккупации немцами г. Магеевки,
находилась в дей-доме "Призрение" с 1942 - 1943г.
Помещена в дей-дом полицией. (или было злей)

В дей-доме был установлен тяжелый режим
нам по несколько дней не давали еды, кормили
всякими сиброками, не пригодных к жизни.
(шояла ботка на дворе лешом с кровью в которой
роились зеленые мухи, нас кормили этой кровью,
после было массовое отравление, трупы сжиги-
вали гитабелями в кладовку, после вывозили на
подводе, и зарывали в ямах около поселка Соц-горо-
док. С из архивных данных погибло свыше 300 детей.)
У меня немцы неоднократно брали ~~к~~ кровь, соевов
старших детей, кровь брели для немецкого
госпитала, который находился в руд-больнице.

Со мной находилась мой брат
Илющенко В.Т. 1935г.

3.08.2002г
С.С.С.С.

✍ Воспоминания, записанные собственноручно
Г.Г. Самохиной

На следующий день в приюте появились новые заботливые воспита-
тели и врачи.

В начале 1944 года всех бывших узников детдома «Призрение» пере-
вели в интернат в Чистяково (сейчас город Торез), построенный на сред-
ства женщин – работниц горной промышленности Казахстана. Это был
настоящий рай для детворы. Детдом снабжался продуктами и вещами
прямо из Казахстана, где не было военных действий.

Лишь спустя годы я узнала, что в 1945 - 1947 годах послевоенный Дон-
басс голодал, что хлеб давали по карточкам. А у нас на столе был белый
хлеб, изюм и даже шоколад. Зимой мы щеголяли в каракулевых шапоч-
ках и валенках.

В 1946-м в детдом к нам приехала мама, вернувшаяся с принудительных работ в Германии. Я её не узнала.

Я дважды прошла мимо женщины, которая напоминала живой скелет, пока та не остановила меня. Маме нас с Володей сразу не отдали – как не имеющей жилья и работы. А на работу вернувшимся из плена устроиться было очень тяжело. На них смотрели как на врагов народа. Мать с трудом взяли уборщицей, и долгие годы она жила в комнатёнке в бараке.

Самого младшего своего сына Славу маме удалось разыскать и вернуть. А вот мы, старшие дети так и выросли в интернате. В 16 лет мы с братом, досрочно окончив семилетку и учебный комбинат, пошли работать. Я одно время трудилась крановщицей на Макеевском металлургическом заводе. Затем перевели на «Криворожсталь». Вышла замуж, создала свою семью.

В 2001 году я решила найти свидетельства своего пребывания в концлагере. В здании бывшего приюта «Призрение» в тот момент располагался детский интернат. Его секретарь достала из сейфа три тетрадки со списками детей, находившихся в приюте. В них я нашла и свою фамилию, а также фамилию брата. Благодаря этим спискам на памятнике детям войны – жертвам нацизма появились 120 имен.

09.05.2005 г.

БУТЫВЧЕНКО ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

ОЧЕВИДЕЦ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРИЮТА «ПРИЗРЕНИЕ», г. МАКЕЕВКА

Родилась 29 января 1938 года в г. Макеевке Сталинской области.

Когда началась война, мы с сестрой Валентиной и отцом голодали, жили очень бедно. Мать погибла в 1941 году. Находясь в бедственном положении я и старшая сестра узнали о существовании приюта в Макеевке возле горсада, который посещали с сестрой с сентября 1941 года. Там нам помогали едой, одеждой, ночлегом.

Как стало известно мне после войны, этот приют с февраля 1941 года был освоен немцами, получил название «Призрение». Там была организована своеобразная станция для принудительной сдачи крови советских детей во благо солдат рейха. По рассказам моей старшей

сестры Бутывченко Валентины Александровны 1936 года рождения, которая умерла в 2016 году, я и узнала об этом здании, оно сохранилось до сих пор и находится по адресу г. Макеевка, ул. Панченко 1«а» напротив парка имени Джарты.

В этом приюте находились дети-сироты, которые и стали малолетними донорами, а тех, кто плохо себя вел расстреливали в парке ночью. С января 1941 года мы с сестрой приют не посещали, так как была большая угроза, попав в руки к немцам стать подневольным донором.

19.05.2016 г.

ДОРОФЕЕВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА

Во время Великой Отечественной войны я жила в городе Макеевке. В один прекрасный день, когда наш город уже был оккупирован, немцы начали собирать всех женщин на некие работы (например, на восстановление шахт, которое в те года развернулось в Макеевке с особенной силой), а их детей обещали поместить в детский сад – якобы под надзор воспитателей, пока мать будет занята.

Мне тогда было три года, и я, также как и многие другие дети моего возраста, попала в приют, когда моя мама вместе с другими женщинами была поймана во время облавы фашистов и была направлена на работу.

Тогда и выяснилось, что дети, попавшие в «Призрение», оттуда больше не выходят, а вокруг самого «садика» стоят часовые, которые никого – даже родителей – не пускают внутрь.

Мне повезло: воспитательницей в садике работала наша соседка по дому, которая и рассказала моей маме, что дети содержатся в ужасных условиях, без еды и воды, а на следующий день их вообще собирались отравить.

Тогда ещё никто не знал об истинных целях работы приюта, но воспитательнице все же удалось уговорить мою маму забрать меня из приюта как можно скорее, иначе она могла бы меня больше никогда не увидеть.

Более того, когда мама пришла за мной, то выяснилось, что просто так меня забрать нельзя, нужно было только на что-то «выменять». Так меня и «выменяли» на золотое колечко, которое чудом сохранилось в семье. Это колечко мама отдала часовому, который меня и вывел. После войны я еще долго болела – сказался длительный голод.

На протяжении почти двух лет существования приюта в его стенах побывало более 600 маленьких макеевчан, среди которых были и малыши 2-3 лет. Большинство из обитателей приюта погибло, поскольку фашисты использовали их как доноров крови. Кроме того, дети умирали от исключительно тяжёлого режима, истощения, эпидемий и отравления отбросами пищи.

ПАЩЕНКО ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА

Я родилась в 1940 году. У моей мамы, Целистины Петровны, были немецкие корни. Мои предки были из колонистов, осевших на Херсонщине ещё при царской России. Правда, нас это не спасло, когда фашисты добрались до Высокополья.

Отец к тому времени был на фронте, а мы, трое погодков (старшая Мария – 1939 года, я, и брат Федор – 41-го), хлебнули горя сполна.

Путь в Германию у меня перед глазами – как вспышки. Грохот прикладов и сапожищ в дверь. Лай собак и чужая речь. Поезд... Туда-сюда – бе-

лые поворозки на рубашах селян. И холод... Рвущий зубами и острыми когтями холод. Ехали в теплушках, полуодетые... А на улице стоял январь 42-го.

В польском селе Туляк был лагерь, где мы находились до июля. Тяжело болели, нас еле выходили. Потом семью разбросало. Мама трудилась чернорабочей на станции Рыбнин, а вплоть до победного 45-го – уборщицей на немецкой станции Видерич. Федя был с бабушкой, которую тоже вывезли вместе с нами. Мария – в каком-то белом здании в лесу, где у неё то и дело брали кровь люди (а точнее – нелюди) в белых халатах. А меня для тех же целей отправили в госпиталь города Галле (Халле), что возле Лейпцига. Но это я узнала потом, годы спустя. Мама же произносила его на свой манер – «Галя».

В этой самой «Гале» меня уpekли в полуподвальное помещение. В комнате, где вечно царил полумрак, на кроватках, крытых рогожкой, были еще три девчущки. Их никуда не выпускали, нужду справляли на горшки. Кормили чаще всего чем-то, напоминающим брюкву, а также неким эрзацем – осадком от пережаренного ячменя.

Соседок своих я практически не помню. Разговаривали мы мало, забившись, как зверьки. Одна отрада была – рассматривать сквозь зарешеченное узкое окошко с мутным стеклом ноги тех, кто проходил мимо.

Примерно раз в неделю женщина в тёмной одежде и чём-то типа пилотки на голове обмывала каждую узницу и несла в «комариную комнату».

Там было очень светло, особенно в сравнении с нашей «кельей». Стояли деревянный шкаф и медицинский топчан, куда меня укладывали. Потом отодвигалась маленькая шторочка, и мне нужно было протянуть руку за нее. «Добрая тетя» говорила: «Не бойся! Как комарик клюнет». На немецком-то я уже понимала. Сперва было страшно, а потом привыкла. Протягивала руку в неизвестность. Не видела, но чувствовала укол. Вздрагивала, но терпела. А помогало мне знаете что? Стоявший на шкафу кувшин. Я знала, что после процедуры меня ждет поощрение – ложка чего-то невероятно вкусного оттуда.

Фашисты выкачивали из нас кровь, которую использовали для своих раненых, «премируя» малолетних узников... сгущенкой. И дети не то что не боялись этой комнаты – стремились туда. Чтобы за миг боли получить вкусняшку.

Потом ранку на руке заклеивали чем-то типа пластыря. А меня на руках относили на место заключения. Где я почти сразу засыпала – слабость ведь была ужасная... Вот так и были – от ложки до ложки, от «комара» до «комара».

Весной 45-го нас освободили американцы. И это было тоже страшно.

Мы слышали взрывы, крики. А потом окошко завалило, и свет померк. Подумалось – все, конец. Но кто-то разобрал завалы, ударил прикладом по окну. И куски стекла посыпались в комнату. Один вонзился рядом с моими ногами. Поняв, что так в подвал не проникнуть, спасители нашли другой проход... Я лежала, закрыв глаза, трясясь от страха. Открыла их, услышав чей-то голос. И закричала! Надо мной склонилось черное лицо с большими губами. Я ведь негров никогда раньше не видела.

Американский солдат начал меня успокаивать. Взял на руки и вынес на улицу. Усадил на газон. Я всхлипывала и втягивала в себя воздух свободы.

Солдат открыл железную коробочку. И протянул мне. Там были круглые конфетки, вкуснее которых, кажется, в жизни не ела. Ножки у меня были скрючены, ходить практически не могла. Бабушка, когда меня такую увидела, залилась слезами: «Ты ж, внученька, ни танцевать не можешь, ни замуж выйти!»... Но меня вывели.

Воссоединившись, наша семья прошла еще немало испытаний. Была бомбежка, после которой мама потеряла сознание, а меня подобрала немка и пыталась выдать за своего ребенка. Было страшное горе, когда

оказалось, что у родной тети, также угнанной в Германию, погибли там двое деток. И был долгий, изматывающий путь домой, куда мы вернулись лишь в сентябре 45-го.

Отец с фронта не вернулся, маму затаскали на допросы. Мало того, что «холопила на фрицев» (как выразился один из представителей органов), так еще и – немецкая кровь...

Хатенку нашу разбомбили. Ютились в какой-то комнатухе в большом доме. Спали на полу, покатам. Мать из кожи вон лезла, пытаясь прокормить детвору. Хваталась за любую работу: убирала, полола... Малышня собирала зерно. Сахарная свекла считалась лакомством... Прокормиться всё же не могли. И мама, глотая слезы, отдала нас в детдом. Но через какое-то время забрала. Умерла она в 47 лет. К тому времени мы уже более-менее стали на ноги. Помогал отчим, который перевез нас в Макеевку, где устроился работать на шахту.

Работала я с 13 лет. Стирала людям белье. А потом одна старушечка, пораженная тем, как я это хорошо делаю, позвала меня в домработницы к донецкому профессору, у которого ранее трудилась сама. Я пробыла там три года, многому научилась, перечитала массу книг. А потом встретила главного человека своей жизни – Василия Андреевича Пашенко. В 17 лет вышла за него замуж. Прожили мы вместе 44 года, до самой его смерти.

Была я и грузчиком, и дояркой в колхозе в Краснодарском крае, где жили с мужем до 1977 года. Потом 20 лет работала на Макеевском заводе шахтной автоматики.

Несмотря на нелегкую жизнь, я, наверное, в силу неувыдающего оптимизма, всегда любила петь. А в новом веке делаю это уже не только за столом и в узком кругу, но и – со сцены. Выступала в составе фольклорной группы «Калина», с «Хорошими девчатами» из Холодной Балки. Друзья шутят: «Там, где Катя – там и песня».

После развала СССР через архивы мы с братом и сестрой получили документы, доказывающие наш статус малолетних узников фашистской Германии. А еще нас разыскали немецкие родственники со стороны мамы. Стали помогать, звали в гости.

В 2002 году, на следующий год после смерти мужа, я поехала в Германию. В Нюрнберге меня встречали семь семей родственников. Я пожила по три дня в каждой. Водили в рестораны, на кладбище, в костелы.

Меня сватал в Германии друг моего брата, уже пенсионер. Я же тогда молодая была, всего-то 61 год. Но не согласилась. Василий завещал, чтобы мы спали вечным сном рядом. Так что последний приют найду в Макеевке.

СТАФЕЕВА АНТОНИНА ИВАНОВНА

Война началась 22 июня. Мне было всего шесть лет, а сейчас уже 85. В первый же день войны всё мужское население уехало в район.

Наше село очень красивое, большое. Там было три колхоза, церковь, громаднейший клуб. Дома высокие, красивые. Село Менюша Шимского района Новгородской области.

Через два дня после начала войны шли беженцы и сказали, что фашисты жестокие и уже недалеко от нашей деревни. Дорогу, идущую к Ленинграду, взорвали.

Утром 12 июня, только встало солнце, налетели немецкие самолёты и стали сбрасывать бомбы. В каждый дом попала бомба. У нас в семье были мама, бабушка – инвалид Первой мировой войны, две сестры, я и брат.

Мы залезли в подвал. Во двор к нам прилетела бомба, и дом загорелся. Горит всё село, а мы лежим и думаем, что это не наш дом горит, не наше село, а вся Земля горит! К вечеру самолеты улетели, и женщины с детьми вышли на улицу и стали решать, что делать дальше. Решили утром уйти в лес. В лесу кругом были партизаны. Но утром все зашумело, наехало столько немецкой техники! Они хотели сходу пробраться к Ленинграду.

Но наши советские солдаты подорвали дорогу зимник, и немцы не могли пробраться. Тогда они стали мобилизовать женщин, чтобы они по болоту толкали здоровые деревья. Некоторых, кто не хотел идти, расстреляли. Немцы поставили виселицу на площади в деревне, собрали всех сельчан, притащили немцы молодого лейтенанта, которого оставили в деревне, он был раненый, лежал в погребке. Его предал друг. В деревне быстро появились и полицаи, и староста. Два дня висел этот лейтенант, а на третью ночь его сняли и предали земле. А немцы поехали на Ленинград. Приближалась зима. Носить нечего, есть тоже, всю картошку танками уничтожили.

Построили мы землянку на воронке от бомбы. В 1942 году вечером пролетел самолет, думали, что опять бомбить будут. Возвратился брат с прогулки и с ним пришли пятеро советских десантников. Они провели у нас ночь и по одному потом выходили. Их неправильно сбросил самолет, не там. Нужно было на семь километров дальше.

Кое-как 1942 год пережили. Питались берёзовой кашей, запивали раствором из елки. Кашу мать давала только одну ложку в сутки. Собирали колоски обгорелые. Они были очень горькие. По всем дорогам были кресты из палок, значит там лежат наши солдаты. Немецкие самолеты летали очень низко и все живое расстреливали. Весь скот отправили в тыл, чтобы сохранить его. Но скот далеко не ушел. При первой же остановке самолеты всех убили. Потом сеяли лён, картошку и т.д. Но урожай нам не дали собирать. Его собирали полицаи и отдавали немцам.

Немцы стали собирать молодёжь, мальчишек и девчонок 15-18 лет. Мой брат Иван Герасимович Борода ходил в лес, помогал партизанам строить землянки. Мы решили, что в начале октября уйдем в лес. И ушли.

В лесу мы жили месяца два. Там брат построил баню. У нас был сельский лагерь. Партизаны привели мальчика Мишу, и он учил мальчиков других стрелять. Брали палки, еловые шишки, уходили подальше от землянки. Мишу потом забрали партизаны и больше он не приходил.

Он залезал на дерево и с дерева уничтожал движущую силу. В деревне Борки он остановил большую колонну машин и танков, но немцы его убили.

Потом появились вши. У партизан и у всех вши. Баня – это спасение. Начальник партизанского отряда сильно торопил, сначала партизаны помылись, потом женщины пошли. Чуть позже пришли немцы. Кто-то предал нас. Немцы стали бить женщин, в землянки бросали гранаты. Особенно били Анну Солдатуху – жену партизанского начальника. Она хотела голая убежать из бани. У неё волосы длинные были, статная женщина. Но собаки немецкие её догнали. Вернулась еле живая. Её били по плечам, по голове. Немцы хотели, чтобы она показала дорогу к партизанскому лагерю. Но она не показала и приняла смерть.

Нас построили и погнали в Новгород. Загнали в подвал церкви, где уже находилось много народу, а утром вывели на площадь, отобрали 14-15 ребятишек, забрали от нас брата. С нами остался Коля – сын партизан. Погнали нас в неизвестном направлении.

*Нас угоняли – в никуда,
От страха горестно рыдая,
Казалось – это навсегда,
И не видать родного края.
Мы в эту страшную войну
Познали ужасы фашизма,
А нам поставили в вину –
Отсутствие патриотизма.*

По пути загоняют нас в дома. Запирают окошки и двери. Мы уже стали прощаться. Знали, что немцы обливают дома керосином, сжигают заживо. Но пришёл полицейский и сказал накормить детей. Мы ночью варили картошку, делали каждому сумочки из бумаги, куда каждому положили 3-4 картошины, соль и ватрушку. Это была вся еда до самой Риги.

Не доходя до Риги я запнулась, и собака схватила меня за ногу. Мать меня схватила и оттащила. До сих пор вмятина осталась. Шли по четыре человека.

В Риге серое двухэтажное здание за колючей проволокой. Сказали раздеться. Потом нас постригли, облили голову какой-то жидкостью. От неё не только волосы вылезли, но и кожа на плечах слезла. Потом контрастный душ и при выходе нам всем дали полосатую одежду. Выгнали на площадь, стояло много народу. Только наш отряд был в полосатой одежде, а люди остальные, которые стояли на площади были в обычной одежде. Это значило, что они должны погибнуть. Дул ветер, было холодно. Эта полосатая одежда не прикасалась к телу. У одной женщины плачет ребёнок.

Пришёл главный, просит тишины. Немец побежал, схватил этого ребёнка и сильно ударил об угол дома. Мать в обмороке и полная тишина. Фашист говорил о какой-то культуре, и никто ничего не запомнил. Потом по ночной Риге нас всех повели на пристань, усадили всех рядом. Ту картошку и всё, что тогда собирали – мы уже съели.

Трап был скользкий, качался, кое-как, со страхом упасть в воду, в этой полосатой одежде, мы зашли на палубу. Налетели самолеты, которые пролетали над нашими головами, а мы закрывали лицо руками, кто-то кричал, это был ад, страшно. Бомбы падали возле корабля, но ни одна бомба не упала на корабль, а корабль, который шёл впереди – разбомбили. Люди плавали, хватались за обломки, а немцы их расстреливали. Мы доплыли до города Данциг. Выгрузили нас и загнали под навес длиной в пятиэтажный дом. Напротив, был такой же навес, под которым стояли наши солдаты. Они были ранены. Но наши солдаты не так-то просто сдавались. Привезли хлеб на дрезине. Ребятишки ринулись к хлебу, но какая-то сила их остановила, и они попятились назад. Раненые советские солдаты пожертвовали свой хлеб для нас, ребятишек. Но фашисты за это стали выгонять наших солдат из-под навеса, высыпали кучу хлеба на землю, и стал их бить прикладами, и снова загнали под навес. А на дороге в куче с остатками хлеба оставались лежать некоторые солдаты. К нам подошёл немец и сказал: «Вот так мы всех ваших отцов и братьев уничтожим». Это был 1943 год. К вечеру приехал товарняк. Дали чего-то из еды в руки. Натолкали нас до предела, закрыли засов.

*Темнота товарного вагона,
Из засова скрежет, как тюрьма.
Сколько верст нам этого загона,
А когда приедем, что тогда?
Время тяжкое, снова лязг засова.
Конвоира возглас, выгоняют ночью из вагона.
На дороге вязко, дай нам Бог,
Дай нам Бог, что спасла нас мама,
Но фашист прикладом бьёт упрямо...*

Когда остановился вагон – открыли засов, воздух пустили в вагон, мы очнулись. Сколько мы были в дороге от Польши до Германии, никто не знал. Впереди за колючей проволокой маячит барак. Нас встретил немец в черной одежде с большой серой собакой. Загнали нас в барак, там по обе стороны были нары, где находились сильно истощенные люди, тоже в серой одежде. Так началась моя жизнь на чужбине в начале 1943 года.

Утром подъем. Дают баланду. Всё в жидком виде. Женщин отправляли на работу, нас обратно в барак, но лежать в бараке мы уже не могли. Мы стояли возле того места, где ночью спим. Если устаём, то можем присесть. Рядом стоял этот мальчик Коля (сын партизан), ему еды было мало, он толкает меня так в бок и говорит: «Тоня, Тоня, спой песенку». А песня была о корочке хлеба. Нам в бараке по ночам снился хлеб. Два с половиной года мы хлеба не видели, ложек у нас тоже не было, всё было в жидком виде один раз в сутки. Когда нас кормили, в это время ходили санитары и собирали умерших ребятишек. А дети умирали почему-то только ночью и вытягивались, становились как дровишки. Подъезжала машина, и их бросали на машину, как дрова. А ближе к обеду приезжала другая машина и у нас брали кровь. Кровь брали раз в месяц. Брали кровь 50, 100 и 200 граммов пакетики. Если 50 граммов возьмут, то ты сам выйдешь из машины. Если 200 граммов, ты не в состоянии выйти из машины, тебя просто выпнут, и дети, которые отошли от забора крови, тебя поддержат. Потом кровь стали забирать раз в неделю, нары в бараке пустели, смертность увеличилась. Наш мальчик Коля не вынес последнего забора и умер, остался там, на немецкой земле.

У нашей соседки в деревне было пятеро ребятишек. Младшему было семь лет. Они все умерли в Германии. Кроме забора крови делали ещё уколы, но их быстро отменили. Когда ребёнку сделают укол, он передвигается, как обезьяна, начинает выискивать корешки, червячки, листочки и всё тянет в рот. И так пятнадцать минут. Действие укола проходит, и он становится как нормальный человек.

Когда мы приехали в лагерь, женщины, которые уже были в лагере, сказали нашим женщинам, что когда детям будут делать укол, не пускайте детей, держите их минут пятнадцать. И мне делали укол, но меня держали сестры. Колю мы тоже держали.

И вот после забора крови мы стояли возле тех мест, где спали. И если кто-то подойдет, погладит тебя по плечу или по голове – это было что-то! Возрождалась жизнь! Такая примитивная ласка доставляла удовольствие. Жить было охота! В то время как мы стояли, ходил дядька полицей с плёткой. Если он в хорошем настроении, то пройдет, пощелкает по сапогу и все, но не дай Бог, если что-то на фронте случилось и много берут крови у ребятишек, то он бил беспощадно, как корова хвостом махал плёткой. Если будешь плакать, то он ещё добавит.

Мальчики умирали чаще. У женщин кровь не брали. Они работали на железной дороге и когда возвращались вечером, то говорили, что в городе Китцинген есть дома, на крышах которых нарисованы красные кресты. Этот город американцы долго не бомбили, но пришло время, налетели самолёты, разбомбили его. К нам баланду не привезли. Женщин на работу не отправили, полицаи убежали, собаки исчезли. Люди были похожи на кости в полосатых мешках.

Когда солдаты зашли в барак, то были в ужасе! Нас не мыли в лагере. Солдаты нас вымыли. Одежда за всё время пребывания в лагере загрубела и стала ломаться, натирала тела. Кормление стало отличным, вся еда у американцев была в пакетиках.

Когда мы окрепли, война ещё продолжалась, нас посадили в нормальные вагоны и отправили во Францию. Это уже был 1945 год. Долго катали по Франции и передали нас французам. Французы сказали, что отправят нас в Москву. Из нашей деревни было двадцать пять семей. У нас была старшая среди нашей группы. Она просила, чтобы нас не отправляли морем, а по земле. Месяц или два мы пробыли во Франции.

Потом мальчишка бежит с какой-то красной тряпкой и кричит: «Победа! Победа! Победа!». Мы все заплакали, стали обниматься.

*Как радостно в этот день прекрасный,
Благословенный день.
Прошли все муки, страсти,
Несут нам братья исцеленье
И солнце радостью из глаз
Невольно льется,
И слезы разрывают грудь,
А мысли наперед несутся:
Скорей на Родину да в путь!*

И опять нас французы передали американцам, а американцы передали русским. Русские встретили нас с хлебом и повидлом. Подогнали Студебеккер и мы впервые встретились с негром. Здоровый такой мужик, черный. А наша старшая, Анна, и говорит: ну вот, если мы в лагере не подошли, так этот сейчас черт куда-нибудь заведет нас, в кюейт выпружит и считай вся жизнь насмарку. Но этот негр посадил нас, похлопал по кузову, улыбнулся белыми зубами и повез до границы с Россией. Выгрузил нас, опять постучал по кузову, развернулся и уехал.

Нас двадцать пять семей, мы шли по России пешком. Я всегда говорю: я Европу прошла туда и обратно пешком. Но здесь была наша, советская земля, разрушенная. Здесь нам уже помогали. Мы дошли до Пскова. До деревни нашей еще тридцать восемь километров. Маленько передохнули, но сердце рвется домой. К вечеру пришли в деревню. Раз в месяц ходили отмечаться. И мама в деревне встретила отца Коли, но эту встречу я передать не могу... Как мать рассказывала, что Коля говорил, что папа сильный, он надеялся, что отец освободит его, но так и не дождался.

В деревне мы были уже в августе. Опять голод. Все отцы пришли, а нашего отца нет. И неизвестно где он. Мама встретилась с человеком, он выхлопотал нам корову, но она больная оказалась, пришлось зарезать.

В конце мая 1946 года вернулся отец. Он был мастер по пошиву обуви, обул нас, всех обул и умер в августе этого же года. У него было большое сердце. Он все время был в Ленинграде, в запретной зоне. Шил сапоги для военных.

Потом колхозы стали возрождаться, и наша деревня стала возрождаться. Окончила я семь классов, работала в правлении, потом переехала в Сибирь. Сразу нам квартиру дали. Несколько лет работала в детских учреждениях, потом на заводе, в ЖБК-3. Там я проработала бессменно 33 года. Много благодарностей имела, занималась общественной работой. Родила дочь, дала ей образование.

Мало где упоминается, но если бы тогда, еще до прихода немцев, наши не взорвали дорогу зимник, то немцы бы пробрались в тыл Ленинграда.

Хочу обратиться к молодым. Молодые люди, берегите мир. Живите в гармонии с природой. Это очень хорошо. Не ссорьтесь, ведь любая ссора переходит в большую ссору, разрушает человека. Берегите мир, природу, ведь жизнь прекрасна.

В любую войну в первую очередь страдают дети. Немцы знали, что у детей кровь прекрасная и немцам она была нужна. Им не жалко было, что погибло 50 000 детей.

ЛЕВЧЕНКО СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА

Моя мама молодая учительница из Башкирии, наперекор своему отцу убежала из дома, в педучилище. Учителей тогда отправляли работать по распределению. Она сначала на квартире жила.

Вышла замуж за офицера. Жили в Белоруссии. Там их и застала война. Сразу начали бомбить. Ему полголовы снесло осколком. Мама ужаснулась и не успела даже ничего осознать, как ей в ногу попал осколок.

Маму нашли немецкие овчарки и потащили, там подлечили, надели специальные рубашки полосатые, пришили опознавательные знаки, поместили в наскоро сколоченные бараки, в которых двери открывались сверху. Там во весть рост нельзя было стоять. Туда им сверху гнилую капусту бросали поесть. Пробыли они там неделю где-то.

Тех, которые могли стоять на ногах, погрузили в вагоны, где возили скот и повезли в Германию. Там их отмыли с брандспойта, дали другие рубашки. Выстроили всех и перед ними стали фермеры, которые выбирали себе рабсилу, рабов. В эту группу попала мама. Она выполняла сельскохозяйственные работы. У бауэров было много земли, фермы целые, коровы. Но сами остарбайтеры молоко не пили. Его сдавали. Помимо ухода за скотом и огородом, пленники могли и дома убирать, и в сарае. И там за мамой стал ухаживать немец Отто. Он ее учил немецкому языку. С ней связались немецкие подпольщики, чтобы мама убеждала других остарбайтеров не вестись на фашистскую агитацию, потому что немцы ввали, говорили, что Красная Армия на последнем вздохе и вам возвращаться нельзя, Сталин вас расстреляет и жизни вам не будет, сказали, что вы не всегда будете рабами, вы будете потом настоящими гражданами Германии. Некоторые поверили, некоторые отказывались.

Потом маму перевели к другому фермеру. Она уже хорошо владела немецким языком. Ее назначили домработницей в немецкой семье.

В Германии мама познакомилась с моим отцом, который был военнопленным советским танкистом и ремонтировал сельхозтехнику.

В пятимесячном возрасте меня у матери отняли немцы, потому что ими приветствовалось рождение детей для проведения опытов, донорства. Забирали так рано, чтобы женщины не привыкали к своим детям, этих детей кормили хорошо, чтобы хорошая кровь у них была.

В концлагерях была своя «специализация». Я попала в группу «регенеративные возможности человека», где апробировали лекарства, чтобы очень быстро заживали раны. Искали способы быстро лечить солдат. За детьми ухаживала толстая старушка немка. Мама с отцом хотели узнать, какова моя судьба и придумали в саквояже вынести и занести немецкую девочку. А старуха оказалась еврейкой. Немцы обо всем узнали, меня отобрали, старуху расстреляли и таким образом этот номер не прошел. До конца войны я там оставалась.

Некоторых детей, у которых брали кровь, оставляли на повторный забор, некоторые не выдерживали. Тоже самое и с апробацией лекарств. Слабых кидали во дворе в конуры со специальными собаками. И этих собак кормили только мертвыми, полуживыми человеческими детьми. Меня спасло то, что закончилась война. А так бы может и я туда попала.

Когда закончилась война, маме поручили вывозить в Белоруссию из этой клиники 46 детей. Родители забрали одного ребенка из этой больницы, думали, что это их дочь, по интуиции. А у меня на пересылочном пункте была справка с датой рождения и туда были вписаны мои родители.

Жила я в семье у директора школы, он принял меня своей дочерью, чтобы не было разговоров. Но когда пришло время идти в школу, пришлось показать документы и получилось у меня два свидетельства о рождении. Но после войны я все узнала, потом, позже.

День Победы для меня – это все, это моя жизнь, жизнь моей Родины.

06.05.2020 г.

ЕРМОЛЮК ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

«Мы родом из войны. И те, кто воевал, и те, кто никогда не видел собственными глазами ее отдаленных результатов, и даже те, кто родился сейчас... Она была и осталась. Одна на всех. На весь мир. На всех людей». Это Константин Симонов. И нам, пережившим войну, казалось, что так и будет всегда. Но вот спустя всего лишь 40 лет после того, как были написаны эти строки, Александр Розенбаум с величайшей горечью поет: «А может, не было войны? И людям все это приснилось?».

Однажды к нам в барак пришли немцы в гестаповской форме и стали отбирать детей по признаку: светлые волосы, светлая кожа, светлые глаза, без физических недостатков. Проверили группу крови и, кто им подходил, повезли в Германию. Таких нас оказалось где-то 150 человек. Возраст был от 6 до 14 лет. Привезли нас в Заксенхаузен. Лагерь уничтожения. Ну, думаем, все. Здесь нам умирать. Поселили в отдельный барак, оградили нас от всех контактов и, как мы поняли, мы проходили здесь карантин. Кто ослабевал или заболел, от нас его уводили. Мы уже знали, что он к нам больше не вернется. Нас значительно уменьшилось, но наши ряды здесь уже не пополняли из-за карантина.

Потом нам привезли цивильную одежду. Вместо полосатой нас одели в платья, кофты, костюмы. Волосы у нас отросли, и больше нас не стригли, как в Майданеке. Обули, одели и в крытых машинах повезли в Ретцов. При входе на территорию нашего будущего пребывания было написано: «СС Хаймшулле». Нам сказали, что это наш детдом, где мы теперь будем жить. Крутом чистота, кровать на одного. Так как у нас некоторые отсыпались во время карантина в Заксенхаузене, к нам стали поступать новые дети. Детей привозили врачи, одетые в эсэсовские мундиры. Отбирали совершенно здоровых. Мы все вновь прошли медицинское обследование, множество анализов. Мы стали называть себя детдомовцами. У нас появились свои имена и фамилии. Что из себя представлял этот детдом? Длинное одноэтажное здание, огороженное не колючей проволокой, а культурным забором, через который мы просматривали всю округу. После концлагеря – рай.

Вот некоторые фамилии детей: Нина Голубева, Люся Голодная, Римма Изотова, Кира Колманович, Маня Кучерова, Юра Гусев, Коля Гаврилов, Эрик Шустер – самый маленький, по национальности еврей. Мы тщательно скрывали от него, чтобы он не проговорился. Трехразовое питание. Скудное, но умереть от голода уже было нельзя. Мы не знали о своем предназначении до того, пока не стали нас по несколько детей отвозить в военный госпиталь и брать кровь. Слово «донор» я услышала после войны. Тогда мы поняли, почему мы здесь и почему нас содержат в чистоте. Немцам была нужна не только детская кровь, но и от чистых детей. Обслуживали нас только в гестаповской форме мужчины и женщины. Нагайки у них всегда были при себе. Чуть малейшее непослушание — и через всю спину нагайкой. Кожа под платьем сразу слезала. Наказывали карцером. Это темная комната. Кушать не дают, а только воду пить. Тогда мы по крохам собирали и передавали хлеб в карцер.

Приезжали к нам высокопоставленные особы. С какой целью, нам было неизвестно. Нас выстраивали, и мы называли свои фамилии. Фамилия женского рода теряла свое окончание. Если забыл и сказал с окончанием – следовало замечание – «не слышу», и ты повторяешь свою фамилию на

немецкий лад. Так моя фамилия звучала – Руденкофф, вместо Руденкова.

Разговаривать на русском языке запрещалось. Нас обучали немецкому языку и арифметике. Кто был маленьким, тот совсем забыл родной язык. Шло спланированное онемечивание наших детей.

Как-то приехали немцы и отобрали самых маленьких детей, которые забыли свои имена и русский язык. Нам сказали, что их увозят в немецкий детский дом, в котором они вырастут настоящими арийцами, и если мы будем послушными, и нас когда-нибудь туда отвезут. Когда малышкой увозили, мы все плакали и они тоже. Ведь мы были одна семья. Малышкой старшие никогда не обижали. Порой подставляли под удары свои плечи за них.

Наши малыши! Как сложилась ваша судьба? Ведь вы потеряли не только Родину, родителей, но и свое имя и фамилию. Свою национальность. Когда вас увозили, вы уже тогда носили немецкие имена. Что может быть тяжелее. Ни Родины, ни родных, ни имени своего. Этому преступлению нет названия, нет прощения.

Нас чаще стали возить в госпиталь на сдачу крови. Многие перестали возвращаться. Мы догадывались, что их увозили прямо из госпиталя в концлагерь. Нас становилось все меньше и меньше.

После очередного забора крови я чувствовала себя слабо, и ко мне подошла фройляйн Ирена фон Беттхер и попросила дать кровь ее родственнику. Отказываться было бесполезно. Принудительно отвезут и потом в концлагерь на уничтожение. В госпитале положили на прямое переливание с «фоном». Привезли меня после переливания прямо в постель. Силы долго восстанавливались.

В апреле 1945 года мы проснулись, а в доме тишина. Никакой охраны. В кабинетах разбросаны бумаги, везде какие-то документы. Сейфы открыты и пусты. Немцы старались скрыть следы своего преступления и, по всей вероятности, вывезли архивы. Все, что было связано с нами, они или уничтожили, или увезли. Может, наши архивы когда-нибудь отыщутся и прольют свет на их преступления против нас, детей Ретцовского детдома. Мы целый день слонялись по территории нашего дома. Заглядывали через изгородь. Городишко как вымер. Голодными легли спать, а утром увидели: по дороге едут машины с нашими воинами. Мы бросились им навстречу. Они никак не могли понять, почему нас здесь содержали. Когда выяснили – их охватил ужас. Такое могли придумать только фашисты: дети – доноры!

По материалам газеты «Судьба», №152

A black and white photograph of a barbed wire fence stretching into the distance across a field. The fence is made of several strands of wire supported by wooden posts. The background is a blurred landscape under a bright sky.

ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ

МАКРИЙ
ПРАСКОВЬЯ ГЕОРГИЕВНА

Я, Макрий Прасковья Георгиевна (дев. Айнагоз), родилась 13 декабря 1927 года в селе Малоянисоль Володарского района Донецкой области. Отец – Айнагоз Георгий Саввич, работал кузнецом, мама – Айнагоз Анна Ивановна – чернорабочая.

В семье было четверо детей: Владимир 1923 г.р., Любовь 1925 г.р., Георгий 1930 г.р. и я. Детство было очень тяжелым. Жили бедно, но в семье царил мир, тепло, любовь. Отец очень рад был нашим успехам в школе. В 1934 г. мы жили в с. Труженник, там была только начальная школа. Отцу предложили работу в МТС с. Малоянисоль, он принял это с радостью, так как здесь была десятилетка. Свой дом отец отдал в аренду на три года колхозу, в него поселили переселенца. 23 декабря 1937 г. ночью арестовали отца, обвинив его в контрреволюционной деятельности. В это время мы жили в поселке Дияновка, занимали однокомнатную квартиру.

До войны окончила только пять классов, так как в 1938 году вместо школы пришлось работать нянкой с питанием и проживанием. Отца 9 февраля 1938 года расстреляли. Об этом мы смогли узнать только после 1991 года, а реабилитирован он был посмертно в 1956 году. Мы, дети, всегда верили в невиновность отца, эта рана была и осталась неизлечимой. Но нужно было жить и бороться. В борьбе за выживание закалялся и характер.

Маме дали потом работу на ферме, где она и жила, ночуя в коровнике. С ней находился и мой старший брат, а утром шёл за четыре километра в школу. После окончания семилетки брат устроился на завод им. Ильича учеником слесаря. В армию его не призвали, хотя в марте 1941 г. ему исполнилось 18 лет.

После ареста отца, когда истек срок аренды нашего дома, мама обратилась в правление колхоза с просьбой вернуть наш дом, но ей было отказано. Нас никто не хотел брать на квартиру, боялись преследований. Мы переезжали с места на место 19 раз, каждый раз чего-то лишаясь. Кое-как, прислуживая соседям, стали мы на ноги и могли уже помогать матери. Я перешла в 6 класс, сестра в девятый, брат в 4 класс, сбывалась мечта отца, но тут грянула страшная война. Наши войска отступали: днем и ночью ехали машины с солдатами, с ранеными. Сердце кровью обливалось при виде этого. Позже стали эвакуировать скот. Не оставляло равнодушным и это зрелище: жара, без воды, еды. Как объяснить им, как оправдать такое жестокое отношение человека

к ним, к этим безмолвным животным? Но они, словно понимая обстановку, подчиняются покорно до последних сил.

После короткой тишины появились немецкие мотоциклы, а затем и машины с солдатами. Они быстро замаскировались в садах, развернули кухни, пошли по селу отнимать кур, яйца, молоко. Противиться было людям бесполезно. На амбаре написали: «Es lebe die heldenmuttrn deutschen Armeee und Fuhrer Hitler!» (Да здравствует героическая немецкая армия и вождь Гитлер!). В это время нашей семье опять негде было жить, так как мамин брат из-за бомбежек в Мариуполе вернулся в свой дом в селе. Мы должны были искать себе жилье. Тогда мама решила попроситься в свой дом, и переселенец выделил нам одну комнату. Теперь мы жили вместе всей семьей, но без отца, о котором ничего не знали и спрашивать боялись.

Отсюда по составленным старостой спискам повезли нас в Володарск (районный центр) для прохождения медосмотра. До этого нас уже ставили в известность о предстоящей отправке в Германию. Мама мне за это время натерла пальцы ног каустиком (тогда готовили из него мыло), пальцы имели страшный вид, мы думали, что врачи это примут за какую-то заразу. Но не тут-то было: меня строго предупредили – если за неделю не вылечу, расстреляют на глазах у родителей. Пришлось лечить, хотя трудно было.

А 22 июля 1942 г. нас повезли в Мариуполь, где формировался состав «Мариуполь – Сталино». Здесь, в Сталино, нас выгрузили, у здания оперного театра мы расположились на асфальте, где провели два или три дня, а затем сформировали состав: в каждом вагоне по 45 человек и охрана. Помимо разлуки с родными в памяти запечатлелись унижающая человеческое достоинство депортация в Германию. Перевозка в грязных, переполненных товарных вагонах, без воды и питания. Что можно было взять с собой из еды в такую жару? Да и туалета не было. Те сухари, что дали нам на дорогу родители, мы боялись их есть, так как справление нужды проходило на ходу в одном из углов вагона или во время редких остановок поезда на глазах у всех, но не далее двух метров от вагона, иначе последует выстрел. Автоматчик всегда был наготове. Везли нас две недели до Гамбурга, дорогой некоторые вагоны отцепляли.

6 августа 1942 г. привезли нас в Гамбург, выстроили всех на площади, оцепили нас охранники. Как на античном рынке шла бойкая торговля рабами. Представители фирм, бауэры отбирали себе рабочую силу. Нас, 78 девушек из сел Приазовья, сюда же попали девушки из с. Тростянец Каневского района Киевской области, взял на работу представитель картонной фабрики фирмы Макс-Армбрустер на Вайденаумсвек, 19. Здесь нас разместили в бывший цех площадью в 100 м². Здесь были в одном помещении спальня с двухэтажными кроватями, матрацами и подушками, набитыми стружками, столовая, кухня, душ и туалет.

Режим в лагере был установлен очень жестокий, порой избивали до обморочного состояния. Это пришлось испытать Жене Челпан из с. Ялты Першотравневого района Сталинской области, Толику Абушек, которому было только 13 лет. Он был вместе с матерью, они были из Мариуполя. Кстати, Толик не вернулся на Родину. Он погиб из-за несчастного случая в области Шверина, когда ехал в Мариуполь.

Много душевных и физических травм причинила нам эта фашистская неволя: голод, холод, на севере Германии зимой очень сыро, а мы ходили в деревянных колодках без носков и чулок. По воскресеньям гоняли нас на переборку овощей в овощехранилище. Снег тает, ноги мокрые, а там в хранилище цемент, сыро. Многие вернулись с различными хроническими заболеваниями. Дуся Гусаренко умерла через 3 года после возвращения домой. Не смогла перебороть туберкулез легких. Лида Дамбур в 25 лет стала инвалидом – ноги отказали. Дора Тархан вернулась с туберкулезом легких, пришлось 10 лет подряд лечиться в Крыму. Маша Хохлова умерла от рака легких – она работала у котла, где пропитывали гильзы смолой и парафином. Я перенесла в

январе 1944 г. воспаление легких, не лечили, лежала в лагере до бредового состояния, затем отправили в госпиталь. Результат – хронический бронхит, затем бронхиальная астма, так как на фабрике мы постоянно глотали желтую картофельную пыль.

Работала на картонной фабрике фирмы Макс Армбрустер в Бергедорфе (район Гамбурга) по 12 часов в две смены, никакой скидки на возраст и здоровье.

Фабрика была окружена высоким забором, а одна часть – колючей проволокой. На окнах решетки, ежедневно по вечерам считали нас и запирали до утра. В город не пускали. Очень редко разрешали нам группой в 20 – 25 человек в сопровождении двух немок пойти в лес в Бергедорфе, где собирались принудительные работники всего района. Это было единственное удовольствие – встреча со своими соотечественниками. Спасибо этим девушкам-немкам. Нам в этом отношении очень повезло: в каждой смене и в каждом цехе работали 2 - 3 немки. Они были к нам очень добры: никогда не обидели, улыбались, интересовались нашей жизнью, огорчались, когда мы плакали, грустили. Помогали понемногу, но тайно. Рабочие относились к нам хорошо. Самыми страшными были директор фабрики и надзирательница. Это были настоящие нацисты.

Было бы несправедливо не сказать несколько добрых слов в адрес главного инженера господина Губера. Это был интеллигентный человек, с доброй душой, высококлассный специалист, пользующийся заслуженным уважением у руководства фирмы. Но это не мешало ему оставаться человеком, понимающим наши лишения, страдания. Приведу только два примера. Однажды мы возмутились условиями проживания, особенно питанием. Шеф и надзирательница отправили нас в бомбоубежище на ночь, где нет света и крысы бегают. Нам нужно было отсидеть там ночь. Одеться потеплее не дали. В числе этих троих была и я. В эту смену отвечал за порядок главный инженер. Я работала на станке, рядом был кабинет шефа. Когда он заметил, что станок не работает, заинтересовался моим отсутствием. Узнав, что мы наказаны, он пришел в убежище, выпустил нас, завел в свободный цех и приказал спать до утра. Утром, в 4.30 он выпустил нас. Все сочувствовали, что нам пришлось в сыром помещении в темноте и холоде провести ночь. Никогда и никому мы не признались в этом до несчастного случая, произошедшего весной 1945 г. На фабрике в Бергедорфе выпускали ФАУ-2 – ракеты, которые не доходили до восточного фронта. Поэтому решено было переправить станки, рабочую силу в г. Ораниенбург под Берлином. Направили 20 девушек из нашего лагеря и с ними главного инженера Губера. Не прошло и недели, как они

погибли во время бомбежки. Среди них были чудесные девушки – две сестры Шура и Соня Гирло из Чердаклы, Лида Тохтарец из Малоянисоль, Ирина Ниш из Володарска – все они из нашей области. Погиб с ними и господин Губер, оставив жену и двух прекрасных мальчишек (они иногда приходили к нему на фабрику вместе с мамой, их глазки сияли добротой). Узнав о случившейся трагедии в Ораниенбурге, мы оплакивали всех одинаково, и только тогда мы открыли нашу тайну, что мы были спасены от наказания.

В 1943 г. во время частых налетов английской авиации на город Гамбург (а Бергедорф расположен в 6 км от Гамбурга) нам приходилось во время воздушной тревоги бежать в убежище. У нас как раз была ночная смена. Дали тревогу, всем строго надо было подчиниться. Я и Лида Тохтарец работали за станками, наша продукция потом поступала на обработку тем, кто работал за станком. Мы решили остаться в цехе и немного поспать. Под станком был ящик на колесах для отправки в пресс бумажных отходов. Мы вытащили этот ящик, сели на корточки по обеим сторонам и затолкали под стол. После отбоя заметили наше отсутствие, занервничал и главный инженер, так как это была его смена. Искали нас повсюду. Нас нет, станки не работают, остальным тоже работы нет. И тут он вытянул ящик из-под стола, а мы так сладко спали. Все глянули на него, а как же он поступит? Он стоял минут пять, скрестив руки на груди, ушел, не вымолвив ни слова. Девочки говорили, что у него на глазах были слезы. Я и сейчас не могу вспоминать об этом без слез. Ведь за непослушание, попадись мы в данном случае шефу, он избил бы нас до полусмерти.

Освобождена была 2 мая 1945 года английскими войсками.

6 ноября 1945 года вернулась на голодную и израненную Родину. А здесь меня уже ждали новые страдания: гибель родного брата на реке Молочной в Запорожской области. Ему шел только 21 год. Меня долго не принимали в школу, считали переростком. Но моя настойчивость победила. Окончив в 1949 году среднюю школу и не имея денег даже на билет в Донецк, я пошла в колхоз работать свинаркой, а до этого каждое лето работала в колхозе на полевых работах, на уборке урожая. Я никогда не стыдилась и не игнорировала любой труд.

В 1952 году окончила Донецкий Учительский институт иностранных языков, а в 1956 году – Харьковский педагогический институт иностранных языков им. Н.К. Крупской. Работать начала в Очеретино, а потом перевели в СШ №101 г. Авдеевка.

В 1950 г. поступила на работу в Ясиноватский индустриальный техникум, с 1961 г. – в институт советской торговли. Последние 20 лет (1963 - 1983 г.) проработала в Донецком медицинском училище.

Когда началась кампания по сбору документов на получение компенсации, я стала помогать узникам Макеевской городской организации. С 1998 года я проживала в Донецке и продолжала работу в Донецкой городской организации. В 1999 г. была приглашена на работу с архивными материалами в УСБУ в Донецкой области. Работая в архиве я смогла помочь не только пострадавшим Украины, но и узникам братских республик бывшего СССР. Здесь мне очень пригодились мои знания. Если не было у нас данных, я тут же по их заявлениям обращалась в архивы или к бургомистрам тех мест, где они работали. Имею много благодарственных писем от узников, от сотрудников иностранных архивов. Я благодарна судьбе, что смогла помочь очень многим людям.

Сотрудничала с музеем в г. Бергедорф, высылала им для выставки много материалов. Вела и веду переписку с журналистом г. Гамбург, внуком бывшего директора фабрики. В 1995 г. была издана книга «Бергедорф шагает в ногу», охватывающая события 1933 – 1945 гг., в ней описаны жизнь и подневольный труд принудительных работников фабрики, взятые из моих воспоминаний.

Являюсь членом «Круга друзей» концлагеря Нойенгамме (район Бергедорфа). В 2002 г. была приглашена в составе группы узников из Украины в ратушу Гамбурга, где нас принимал президент палаты и высокопоставленные лица. Здесь я выступила от имени группы. Привезли им материалы для оформления выставки «В Гамбурге осталась моя молодость». Выставка состоялась в Гамбургской ратуше с 21.01 по 11.02.2005 г.

С 1998 г. принимала участие в работе Бохумского Дома. Была членом Совета. Писала в архив Бохума по вопросу подтверждения принудительного труда. Пастор Манфред Шмидт подарил мне карту и книгу с индексами всей Германии. А в 2000 г. бургомистр пригласил тех, кто работал в Бохуме и меня за помощь узникам.

Я всегда отмечала, что среди всех народов есть порядочные и благородные люди. Сколько было заманчивых предложений уехать за границу, но мы выстояли перед трудностями той неволи, преодолели все и вернулись на Родину, горячо любили, продолжаем любить, потому что Родина – это не власть, она уходит, ее заменит другая власть, а народ наш, земля наша есть и будет.

P.S. С 1999 г. по 2003 г. работала с архивными материалами репатриантов. Какой это богатый материал для будущих поколений, историков. Знание немецкого дали возможность многим помочь, так как в фильтрационных делах встречаются трудовые книжки, рабочие карточки, пропуска, свидетельства о рождении.

СТЕПАНОВА АЛЛА ИГНАТЬЕВНА

Я родилась 4 июля 1938 года на границе с Персией (Иран) под Ашхабадом. Отец закончил Харьковское пограничное училище. Перед войной отца перевели на границу с Восточной Пруссией, в Литву. Как раз тогда Прибалтика была присоединена к Советскому Союзу и прибалты были очень недовольны. Перед войной, 21 июня отца вызвали в Москву на перевооружение. Немцы уже летали на самолетах над границей. Мама спрашивала: а что это так немцы летают? А политрук говорит: это разведка. В два часа бомбили Минск, вторым крылом

пошли на Прибалтику, которая без боя сдалась. В 4 часа полетели на Киев. Сестре было 7 лет, мне 3 года и мама ждала третьего ребенка, родила в сентябре 1941 года.

В 6 часов утра немцы уже хозяйничали у нас во дворе. Мы проснулись от того, что горел наш дом. Мама накинула на себя папину кожанку, стала будить сестру и говорит: «Лида, вставай, война. Я не хочу умирать». Мама хотела нас оставить в колодце, но зашел в калитку немец двухметрового роста. Мама меня поставила с поднятыми вверх руками. Видим, красноармеец пробежал, его расстреляли.

Немцы собрали 33 семьи советских офицеров и поместили в женский монастырь в Кретинге. Это Литва. 23 сентября 1941 года мама родила мою сестру. Ни пеленок, ни распашонок. По документам я погибла на войне, в плену.

Во время войны побывала в лагерях Литвы, Польши, Германии. Помню в лагере была очень жестокая полячка. Беловолосая, ходила всегда с хлыстом. Когда она заходила в барак, мы все прятались, как мыши, а то она стегнет так по ногам сильно прутиком металлическим. В Швибусе был тоже поляк. Ноги на стол клал, пальчиком подманивал и тоже бил хлыстом. Узники в лагере красили, чистили, убирали. Если что не так – били.

Самым страшным в концлагере были бомбежки. Мы всегда спали одетые. Немцы работали в первую смену, а все остальные – ночью.

Отец получил известие о начале войны в поезде. Пытался найти нас, но не находил. Отец участвовал в операции по взятию Кенигсберга и ему разрешили на несколько дней отлучиться. Он приехал в Сумскую

область к бабушке, и он буквально прошел в десяти километрах от того концлагеря, в котором находилась мама с детьми. У литовцев в основном браки бездетные. И нас хотели забрать, старшую и младшую сестру. Мама не знала, что делать, но старшая сестра упростила ее не отдавать нас. Сказала, что если папа не вернется с войны, то это будет память о нем, и мама сохранила нас всех.

Мы были освобождены из концлагеря Красной Армией на этапе подготовки к газовой камере.

Папа принимал пленных у Бранденбургских ворот. 9 лет еще прослужил в ГДР, забрал нас к себе, и я ходила после войны в школу во Франкфурте-на-Одере. Потом мы вернулись в деревню. Папа стал председателем колхоза.

Когда немцы зашли в Донбасс, то 200 000 дончан перешли на службу к немцам – недовольные раскулаченные, белогвардейцы, репрессированные. Сначала они работали, потом их немцы расстреливали. Потом немцы начали делать облавы и отправлять людей на работу. Немцы набирали из военнопленных летчиков, танкистов, которые обучали немецкую молодежь, которая впоследствии воевала против Советского Союза.

РИХЕЛЬ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

Нелегкая судьба выпала нашему поколению, которое пережило ужасы Второй мировой войны. Но в самом тяжелом положении все-таки были дети. Много чего уже забылось. Кое-что сохранилось в памяти более ярко, а другие факты из жизни кажутся какими-то тяжелыми, страшными, нереальным сном. Воспоминания о пережитом – рана, которая всегда болит.

Родился я 19 июля 1928 года в с. Часники Томашевского уезда Люблинского воеводства в Польше. Родители мои – крестьяне, имели шесть моргов земли. В семье было двое детей: я и младший брат Анатолий. Жили мы достаточно бедно, но благодаря трудолюбию родителей хлеб в доме всегда был. Да и детей приучали к труду с 5-6 лет.

Где-то в 1936 году польские власти устроили погром в селе. В нашем доме была разрушена крыша, уничтожено и порублено все наше нехитрое имущество. Отца арестовали и бросили в тюрьму. На суде присудили четыре с половиной года тюрьмы за коммунистическую нелегальную деятельность, хотя он вины за собой не признавал. Сидел отец в известной своей строгостью тюрьме в Янове-Любельском. Я в то время

был учеником общеобразовательной школы в с.Чесники. До начала Второй мировой войны закончил четыре класса (обучение велось только на польском языке). Мама часто говорила: если власть не сменится, то для нас, украинских детей, все дороги в жизни будут закрыты. Это очень больно – чувствовать себя людьми второго сорта.

После поражения Польши в сентябре 1939 года отец вернулся домой. Наша местность была оккупирована фашистами. В 1940 году, в конце ноября или в начале декабря, отца снова арестовали и посадили в тюрьму. На этот раз немцы. Вскоре его вывезли в Германию в какой-то концлагерь (мы даже не знали в какой), где он и погиб.

18 декабря 1942 года немецкие власти переселяли украинцев из нашего села в села Грубешевского уезда. Поляков вывозили в лагеря. Наше село заселили фольксдойчами.

Рано утром мы проснулись от стрельбы. Выглянув в окно, увидели во дворе двух немецких солдат. Нас выгнали из дома, приказали взять с собой белье и собраться на площади. Кроме нашей семьи (мать, 10-летний брат и я), было еще несколько польских семей. Мы – православные, а в Польше тогда православных называли русскими, а поляков католиками. К группе подошёл директор нашей школы и говорит офицеру-гестаповцу, что наша семья – украинцы. Гестаповец опоясал его нагайкой и закричал: «Комунистен!». Вот тогда мы поняли, что нас репрессируют как семью коммуниста.

От с. Чесники до г. Замостье – 12 км. Нас посадили на подводу, на которую с нами сели также два солдата-охранника. Выехали мы за село. Один из солдат, показывая на винтовку, сказал: если будем тикать, то он будет «бум-бум». Фашисты даже женщин и детей боялись: на трех мирных жителей – два охранника-солдата.

Привезли нас в лагерь, который находился около тюрьмы на улице Окшея в Замостье. Сразу же погнали на сортировку. Сортировали на три группы: немощных старых и детей меньшего возраста – отдельно. Я видел, как эсэсовцы забирали у матери месячного ребенка, а мать, которая не отдавала его, ужасно били. Здоровых взрослых делили еще на две группы по расовым признакам. Одних разместили в бараке №14 (я с мамой попал в этот барак), других – в другом (номеров не помню). Маленьких детей, инвалидов и немощных стариков поместили в самом плохом, отдаленном бараке. Я был в таком возрасте, что мог пойти вместе с 10-летним братом, который находился под опекой нашего дяди Иосифа Рихеля (двоюродного брата моего отца, которого звали так, как моего отца, и вывезли из соседнего села Майдан).

Между людьми распространился слух, то всех малолетних и старых уничтожат в газовых камерах. Я был высокого роста, и поэтому по

просьбе матери остался с ней, то есть со взрослыми, а брата Анатолия поместили в барак для детей, инвалидов и старых.

Несмотря на то, что лагерь в Замостье считался пересыльным, порядки в нём были не лучше концлагерных. Каждый барак отгороженный от других двумя рядами колючей проволоки, между которыми и днём, и ночью ходили охранники. Солдат от солдата – на расстоянии не больше 100 м. На вышках – охранники с пулеметами. Ночью лагерь освещали прожекторы. Начальником лагеря был немецкий офицер, а охрана – из предателей-полицаев. Эти нелюди были очень жестокими. Помню, как однажды люди с улицы перебросили через проволоку хлеб, к которому сломя голову бросились больше двух десятков узников. Охранник, который был ближе, начал стрелять и тяжело ранил одну женщину. Никакой медицинской помощи больным в лагере не оказывалось. За раненой женщиной ухаживали и лечили, как могли, сами узники народными методами.

Питание было чрезвычайно плохим: раз в день, в обед, давали миску какой-то бурды и граммов триста хлеба, которого и хлебом тяжело было назвать.

Чтобы посетить брата, я согласился помогать работающим на кухне. Так я мог выйти из нашего барака и попасть в барак к брату, помогая нести котел с «едой». Если охрана ловила того, кто шел по территории за зоной ограды его барака, то били до смерти.

Что представлял собой барак для детей, инвалидов и старых людей? Постройка без пола, длиной несколько десятков метров. Двери, как в хлеву. В середине – двухэтажные нары слева и справа – голые доски, на которых – ни соломы, ни каких-нибудь лохмотьев. Смерд невыносимый. Мёртвые, умирающие и живые лежали рядом. Мёртвых вывозили один раз в день – утром, раненько подъезжает лестничный воз, которым крестьяне свозят снопы с поля. Набрасают на него кучу трупов младенцев, старых, инвалидов и даже тех, кто ещё не испустил дух, и везут за территорию лагеря к большой яме. А между лестницами свисают ручки, ножки, головы. От такого зрелища можно с ума сойти. Я всегда приносил брату что-нибудь съедобное от себя или от мамы. Он вместо того, чтобы есть, плачет, а я чувствую себя как на иголках, боясь, что поймают. Один раз, когда я находился внутри барака с братом, прибыла какая-то комиссия. Потом говорили, что с Красного Креста. Но комиссия только открыла двери в барак и дальше не пошла. Думаю, комментарии излишни.

Наш барак отличался только тем, что в нем пол, свет, а на нары положены какие-то «одеяла» и подушки, напиханные стружками.

Несколько слов об истории возникновения лагеря в Замостье. Летом и осенью 1941 года фашисты огородили здесь большую площадь и загнали туда советских военнопленных. Содержались они под открытым небом.

Баракы не было. Есть им почти совсем не давали. Некоторым пленным, уже вывезенным «к яме», удалось как-то с помощью местных жителей спастись. В нашем селе люди выходили около 40 военнопленных. За одним из них (по имени Гриша) ухаживали и в нашей хате. Потом они ушли в партизаны, а некоторые – на восток. Теперь на месте лагеря в Замостье стоит памятник – мать с ребенком на руках.

В лагере в Замостье я находился с матерью до конца января – начала февраля 1943 г. (точную дату не помню). Потом нас построили в колонну по шесть человек и под усиленной охраной эсэсовцев с собаками погнали на железнодорожный вокзал в Замостье. Поездом через Варшаву, Лодзь привезли нас в Берлин. Поезд охранялся еще усиленной, чем колонна.

А брат Анатолий остался в лагере в г. Замостье. Перед отправкой в Германию мы с ним не виделись. Брат потом рассказал, что их в апреле 1943 г. вывезли в город Сельцы в Польше. Там детей разобрали польские семьи-патриоты. Позднее брата забрали наши родственники. Встретились мы с ним аж в феврале 1946 года в Советском Союзе.

Нас с матерью по прибытию в Берлин вместе с другими отправили сначала на медицинский осмотр, а потом – в лагерь для интернированных иностранцев, который находился в Шенгольце (Берлин).

Что представлял собой лагерь «Schonholz»? Это – размещенный на территории парка лагерь для иностранцев. В лагере – люди из оккупированных Германией стран почти всей Европы: французы из Парижа, поляки из Познани и других мест Польши, итальянцы... Были среди них и советские люди, почему-то больше из Харьковского тракторного завода. Лагерь был разделен по национальному признаку: французский, итальянский, польский, русский...

Огражденный основной лагерь был высоким и густо переплетенным колючей проволокой. Ограждения отдельных лагерей в середине – из той же проволоки, но немного ниже. Поляки были обозначены буквой «Р», которая нашивалась на груди на видном месте. Я носил этот знак потому что был забран с территории Польши. Люди из СССР носили знак «OST». Поляков и советских людей водили на работу и с работы под охраной полицаев (их называли «werkschutz»). Работники других национальностей ходили без охраны. Правда, после капитуляции Италии итальянцев также начали водить под охраной.

Эти же «веркшутцы» охраняли лагерь. Это были немецкие фашисты, которые за наименьшую провинность или без нее людей били нещадно. Рацион питания был таким: на день 300 граммов так называемого хлеба, который хлебом и не пах, один раз в день – постный вонючий суп из брюквы или капусты, иногда две-три картошки. Иногда на обед давали небольшую порцию маргарина. Утром и вечером – эрзац-кофе без сахара

и без хлеба. В лагере была медсестра: рыжая, очень злющая немка. С какой бы болезнью к ней не обратился, она всем назначает одно и то же: «Drei Tabletten und arbeit» (три таблетки и работать).

Даже не верится, что человек может при таких условиях и таком питании жить и работать. Это было постепенное уничтожение человека, хотя, оказывается, он крепче и выносливее любого животного.

От лагеря «Шенгольц» до места работы – военного завода «Реникендорф ОСТ-I», – приблизительно 10 км. Где-то часа в четыре полицейский врывается в барак, включает свет и кричит «Ауфштейн!» (Встать!). Все быстренько поднимаются, одеваются и выходят на плац. Полицейские пинками и нагайками строят в колонны по три человека. И начинается счет людей в колоннах. Если при счете полицейский где-то ошибался, то эту тройку лупил безжалостно нагайкой. Так могло повторяться несколько раз. Часто – дождь, снег, гололед, а одежда плохенькая. Люди час или больше стоят и дрожат от холода и страха. Посчитали. Ведут в метро. Там подходит специальный поезд. Поляки как раз заполняют его полностью. Привозят в Реникендорф ОСТ-I. Из метро уже видно цеха завода. Выходят и снова строятся в колонну по три. Повторяется тоже самое, что было в лагере. Один раз, помню, до того издевались над людьми, что они не выдержали и взбунтовались. Большая масса пошла, как вода, против веркшущей. Как лавина, мы ринулись в ворота, открыли их и разбежались по рабочим местам. Так в тот раз нас так и не посчитали. Виновных не искали, так как наказывать всех (а это приблизительно 1 000 человек) не могли. Возвращение было по тому же сценарию. Работа длилась по 12 часов: первая смена с 6 утра до 6 вечера, вторая – наоборот. Если к рабочему времени добавить время на дорогу, то отдыха было очень мало. Ночью, кроме того, – по две-три воздушные тревоги: Берлин уже очень сильно и часто бомбили.

Работникам-немцам на работе давали бесплатные обеды, молоко, а нам ничего – ни есть, ни пить. Голодный целый день. И только после возвращения в лагерь получишь свою пайку эрзац-хлеба и черпак баланды. Работа была тяжелой. Я перевозил тачкой гильзы на контроль в цех, где работали только немецкие женщины и девушки. Фашистская идеология пыталась уничтожить в человеке человечность, чуткость, доброту. Однако, иногда одна-другая немецкая женщина тайком давала мне, истощенному, голодному парню, кусочек хлеба, хотя сама не роскошествовала. Если бы не эта поддержка, то не знаю, выжил бы я. Вместо живота у меня была яма до самого хребта. Во время одного из медицинских осмотров собралось много медицинского персонала и говорили, что еще такого скелета, как мой, не видели. Как говорят, голод – не тетка. Помню некоторые моменты. Воздушная тревога. Как раз обход. Говорю маме:

«Я хлеб съем, а то как бомба убьёт, то хлеб останется». Абсурд, но таким был факт из жизни постоянно голодного ребёнка.

На территории польского лагеря был большой двух- или трехэтажный дом, какой-то склад. Что там находилось, никто из нас не знал. Во время одной из бомбардировок в этот деревянный дом попала бомба, и он сгорел. Потом на пепелище мы находили пуговицы, пузырьки из-под одеколona и тому подобное.

Где-то в конце августа или в начале сентября 1944 года в лагерь привезли колонну женщин из Варшавы. Рассказывали, что их арестовали во время восстания в Варшаве. Мужчин также вывезли, но они не знают куда.

Лагерем руководил лагерфюрер, которого звали Фридрих. Фамилию никто из нас не знал. У него была большая овчарка. Ее кормили тем хлебом и едой, что забирали у людей, которые чем-то провинились. Были в лагере и капо из числа таких же, как и мы. Эти предатели были очень жестокими – били своих до смерти. Я очевидец их издевательств над беззащитными женщинами. После освобождения лагеря нашей армией этих капо расстреляли сами узники.

В конце 1944 года отношение немецких властей к полякам начало несколько меняться. Так, на хлебных магазинах таблички с надписями «Für Polen und Juden keine Weib Brot» (для поляков и евреев нет белого хлеба) были заменены на «Для евреев и только для евреев нет белого хлеба». Это произошло тогда, когда советские войска стояли уже на Висле и шли бои на Сандомирском плацдарме. Тогда нам начали раз в неделю, в воскресенье, давать по 300 граммов белого хлеба.

Но в 1945 году жизнь в лагере стала еще тяжелее. Ухудшилось питание, в бараках стало очень тесно, так как много их сгорело от бомбардировок. Бомбардировки проходили практически каждый день, а ночью воздушные тревоги повторялись по несколько раз. Люди были истощены недоеданием и недосыпанием, но на работу их гнали, несмотря ни на что.

Все же час освобождения приближался. Наши войска стояли уже на Одере, от которого до Берлина 60 км. Фашисты пугали свой народ, что коммунисты всех немцев уничтожат. Помню (было это в марте 1945 года), два немецких рабочих пожилого возраста что-то говорят между собой и качают головами. Подхожу ближе – замолчали. Спрашиваю, чего загрустили. Говорят: «Иван идет, всех поубивает. От бомбы можно спрятаться, а от Ивана не спрячешься». Говорю им, что, возможно, фашистов будут преследовать, но простого рабочего никто трогать не будет. Но это их не переубедило. Геббельская пропаганда сказалась.

Появились «фольксштурмы», куда фашисты набирали детей и старых мужчин. Нас начали гонять рыть окопы вокруг Берлина. Фабрика еще работала, но уже заканчивались последние запасы сырья. Чувствовалось,

что фашизм доживает последние дни. Где-то в конце марта – начале апреля в цехах появились желобы на всю длину цеха: готовились к сожжению фабрики. Когда 20 апреля мы вышли с работы, то наши самолеты на бреющем полете обстреливали город. Как-то добрались мы до лагеря. 21 апреля начали падать снаряды, но ни один в лагерь не попал.

В конце апреля я был такой истощенный, что в возрасте 16 лет мне пахла земля и манила к себе. Хотелось лечь и не вставать. Кажется, если бы наши войска не освободили нас в апреле, то до мая-июня я уже не дожил бы.

После освобождения нас 23 апреля 1945 года, мы направились домой. До Одера дошли пешком, а потом до Варшавы – поездом.

В Варшаве нас опекал Красный Крест. Через Вислу был построен временный деревянный мост, на котором через каждые 2-3 метра стояли солдаты, все время поправляющие доски, которые почему-то расходились при прохождении транспорта.

30 апреля мы с мамой прибыли в Замостье. Встретили знакомых, которые сообщили, что все православные (украинцы) переселены в Советский Союз. Проживали мы какое-то время в с.Стабрив у маминой сестры Екатерины Лихоты. Но, как известно, в то время была спровоцирована резня между поляками и украинцами. Нас предупредили, что готовятся уничтожить нашу семью. Мы вынуждены были бежать в Замостье. Там случайно встретили российского начальника тюрьмы, который близко знал моего дядю Григория Рихеля, брата моего отца. Мать рассказала ему, кто мы и откуда. Этот чуткий, порядочный человек посоветовал нам, как выехать в Советский Союз, где в то время уже находились наши близкие родственники, у которых жил и мой брат Анатолий. Мы и уехали к ним...

Советские солдаты освободили народы Европы, заплатив своей кровью, своей жизнью. Дорого обошлась нам свобода. До конца моей жизни самым большим праздником будет День Победы над немецким фашизмом. Историки должны объективно раскрывать все стороны той войны, так как тех, кто пережил все то и помнит, остается все меньше, а молодёжь должна знать правду.

МАНТУЛА КЛАВДИЯ СИЛЬВЕСТРОВНА

В свои неполные 19 лет я была насильно угнана в Германию на принудительные работы. В 1942 году заполнив до отказа эшелон пленными, нас увезли в немецкий город Ахен (Северный Рейн – Вестфалия).

Нас морили голодом. Кормили одной брюквой. Некоторые узники так сильно похудели, что кожа на них буквально висела, – это было ужасно.

Немцы заставляли работать молодых девушек по 12 часов в сутки, плохо кормили, а из-за непонимания немецкого языка узниками, во время работы на тяжелом производстве многие лишались пальцев рук.

Начальник лагеря – гестаповец – не расставался с резиновой плёткой. Мало кому не удалось ее отведать, а фашист бил мастерски, так что мутилось сознание.

На трехъярусных под потолок нарах люди набиты, как пчелы в ульях. Кажется, там были собраны полсвета. Черная жизнь людей, похожих на скелеты, от недоедания и упадка сил, болезней и вшей, блох, клопов, атакующих до отчаяния узников каждую ночь. В бараке стоны, плач.

Рабочий день на заводе начинался затемно. Поначалу меня заставили убирать заводской двор, потом поставили к слесарным тескам. Руки изранились в кровь, раны не заживали.

Работа, побои, опять работа и опять побои – таков был лагерный быт. День за днем, недели слагались в месяцы, месяцы в годы.

После освобождения нашего города я вместе со всеми советскими узниками уехала домой, очень соскучилась по своей Родине, любила Советский Союз и ни за что бы его не променяла. Вернувшись в свой родной город Снежное, поступила в институт, более 40 лет своей жизни отдала служению детям – работала учителем украинского языка и литературы. Очень любила свою работу, беззаветно отдавалась ей.

СОЛОННИКОВА МАИСА ДМИТРИЕВНА

Родилась я в Донецке. В 5 лет, по совету тети, которая работала педагогом, отправилась в школу. В 1938 году я окончила школу и поступила учиться в трехгодичную медицинскую школу.

Когда в 1941 году началась война, мне не было еще и 16 лет. Зимой 1942 года на улице Донецка меня поймали полицаи, усадили на санки и повезли на вокзал. Когда нас привезли на вокзал, то там уже стояли вагоны. Тогда их называли «телятники». А на вагоне сверху написали «Подарок Гитлеру от Украины».

Вагоны были холодные, набитые людьми. Сколько мы были в пути, я даже не знаю, потому что земной свет мы видели только раз в день, когда немцы бросали нам в вагон булку хлеба и ставили ведро воды.

Когда нас привезли в Германию, то всех узников стали распределять. Лагерь был окружен колючей проволокой под напряжением 380 вольт. Лагерь находился по адресу: Берлин райниккендорфер Фридрихштрассе. Все узники работали на фабрике «Argus Motoren» – изготавливали винтики для фашистских самолетов.

Узники были обуты в деревянные башмаки. Сопровождали собаки, четыре охранника. С нами работала немка Эльза – красивая, но жестокая девчонка. У меня вся голова побита плеткой, вся в шрамах, все ребра поломаны. Неправильно станешь – даст плеткой. Неправильно ногу поставил на песке – даст плеткой. Работали по 16 часов, а потом отводили в лагерь отдыхать. А как отдыхать? Матрацев не было, а были набитые кукурузной шелухой тюфяки, подушки такие же. Правда, простынь и одеяло давали. Всего в лагере было 380 пленных. В комнате барака размещалось по 25 человек. Нам повезло, что на территории лагеря не было крематория. Люди умирали своей смертью от истощения.

Утром давали 300 граммов хлеба. Хочешь – сейчас его съешь, а хочешь – береги по кусочку на целый день. В обед давали баланду. Если из брюквы, то еще можно было есть, а если из шпината, то он весь с песком был. Варили нам как свиньям. Кому мы были нужны?

В 1944-м я сильно простыла, была высокая температура. Меня не хотел лечить ни один немецкий врач. Повезли меня в скорой помощи. Завезли в одну больницу, сказали, что русская девушка заболела, экстренный случай. А они говорят: русских свиней не принимаем, везите дальше. Повезли в другую больницу, а там также ответили. Точно также! Они как будто сговорились! И привезли меня на край Берлина. Там был лагерь советских военнопленных. В этом лагере лечили немок. Один врач был грузин, а вторая украинка. Опытные были врачи. Меня привезли туда и сразу на стол. У меня аппендицит гангренозный. Был уже перитонит. 4 месяца я провела в госпитале.

Вернувшись в лагерь, я там уже не обнаружила надсмотрщиков. Немцы уже разбежались. Дело шло к поражению фашистов. При желании мы могли сбежать, но не знали куда. Ждали наших.

29 апреля 1945 года нас освободил Третий Украинский фронт. Правда, на Родину из-за сразившей меня снова болезни, я вернулась только в сентябре.

Три года, проведенные в плену, оставили свой отпечаток – шрам от номера 1120. С помощью серной кислоты я свела его навсегда.

КРАМИНСКАЯ ЛЮБОВЬ ДМИТРИЕВНА

Войну я застала в г. Макеевке в пятилетнем возрасте, откуда нас с мамой насильно угнали в Германию. Мать отправили в Люксембург – трудиться на заводе, а меня в концлагерь, который находился в немецком городе Любек.

Сейчас город Любек – это центр Ганзейского союза, поражающий своими масштабами, культурный центр Германии. Мало кто вспоминает о том, что земля Ганзейского союза щедро полита кровью русских военнопленных, поляков, бельгийцев, французов, – узников концентрационного лагеря, находящегося в сердце фашистской Германии. Сердцем нацизма правильно называть именно те места, в которых свирепствовали, выполняя установленную программу уничтожения наций во имя воцарения гитлеризма, не Берлин, столицу Германии, а именно концлагеря, потому что и в Германии были сопротивленцы среди немцев, которые боролись против фашизма и нацизма.

Грандиозные в своем величии постройки Любека сооружены на костях наших предков – воинов антифашистского движения.

Узники нашего концлагеря жили в бараках, расположенных в лесу, и на работу их гнали через лес, чтобы никто из жителей немецкого городка не мог их увидеть. Одежда была в полоску, на ногах – тяжелые деревянные колодки, чтобы не могли убежать, косынки были тоже в полоску, подстригали всех, без исключения, наголо. У поляков были желтые косынки, их гнали на работу впереди всех, затем – русских и всех остальных.

Голодных, измученных людей гнали на каторжные труды под холодными ветрами. Пока вели на работу, немцы покрывались потом от того, что непрерывно били прикладами и ногами всех, особенно отстающих, но это не действовало, – люди пели «Интернационал» и русские песни. Забывая о холоде и голоде, думали о Родине.

Фашисты сами удивлялись, что на русских ничего не действует, – откуда такая сила? А силу давала вера в победу.

КУЛИШ ЮРИЙ МИРОНОВИЧ

Я, Кулиш Юрий Миронович, родился 7 мая 1927 года в селе Завадовка Корсунь-Шевченковского района Киевской области в семье крестьянина-

бедняка. В 1937 году наша семья выехала по переселению в село Забара-Давыдовка Городницкого района Житомирской области. В 1941 году я окончил школу, 7 классов и началась война.

В нашей местности были сплошные леса, где находилось много партизан. Я с товарищами помогал партизанам, тайком приносили им продукты. В 1943 году карательный отряд немцев более 1 000 человек приехали в село и сожгли все дома, а нас насильно угнали всей семьей в Германию – отца, мать, меня, Юру, трёх сестёр и брата. Привезли нас в город Вупперталь, где работали на строительстве барачков и уборке территории города после бомбежки, а бомбили почти каждый день.

В 1944 году нас перевезли в Везель также на строительство барачков, и когда мама родила девочку, к хозяину в село у города Ужерзен, где работали до мая 1945 года. По окончанию войны я сел на велосипед хозяйки и уехал в город Ужерзен, а там приехали военные представители и отправили в город Досток, где нам сказали, что мы военные начали изучать военное дело. Когда нас собрали 25 000 человек и полковник Залевский – наш начальник дивизии сказал, что японские самураи напали на Дальний Восток.

Нужно было защищать Родину. Нас построили в колонну по четыре и шагом марш, под духовой оркестр и пришли мы в Белоруссию в город Волковыск. Шли пешком 1 800 км полтора месяца, где обучался военному делу, отобрали молодежь и отправили на Урал, в Пермскую область город Кизел, поселок Гремячий, где занимались мы строительством жилья для шахтеров и одно время проходили фильтрацию. Через полгода военное начальство нас оставило и уехало. Там я учился в школе шоферов и получил водительское удостоверение. В 1948 году я уехал к родителям в село Забара-Давыдовка и работал в селе Михиевка заведующим клубом (культпросветработником).

В 1950 году был призван в Советскую Армию и служил в городе Севастополь на Черноморском Флоте. В 1953 году мобилизовался и приехал к родителям. В апреле 1953 года уехал на Донбасс в город Макеевка. Работал шофером в Донтрансе. В 1957 году женился на Людмиле. Наследства Бог не дал. В 1987 году ушел на пенсию.

КИРИЯК ЕВДОКИЯ НИКИТИЧНА

Я, Кирияк Евдокия Никитична, родилась 9 августа 1926 года в селе Просьяное Нововололажского района Харьковской области.

В 1933 году приехала с родителями в город Макеевку Донецкой области. В 1934 году была принята в школу, где проучилась до 1942 года. В апреле 1942 года была насильно вывезена в Германию. В Польше была санобработка, затем нас построили в колонны по 4 человека, посадили опять в вагоны и отправили в Германию.

Когда мы приехали, нас вывели всех из вагонов, построили опять в колонну и распределили кого куда. Я попала в город Хемниц. Привели нас строем под присмотром автоматчиков и полицейских с собаками во двор, который был обнесен бетонным забором, и сверху была колючая проволока.

В здании, в котором нас разместили, наверное, было когда-то кафе или ресторан. Там была большая сцена, а на окнах весели красные шторы с бахромой.

После распределения, на второй день, нас строем повели полицейские и солдаты с собаками на завод. По дороге на завод были по правую сторону дома и небольшие узкие улицы. Возле каждого двора стояли корзинки или урны. Дворики были очень красивые и чистые, много цветов. По левую сторону был лес.

Когда привели нас на завод и распределили по цехам, то я попала на сверлильный станок, так как я не доставала до станка, меня поставили на два ящика. Работали мы по 12 часов. Утром нам давали на целый день 120 граммов хлеба, в обед суп из брюквы или кольраби. 120 граммов хлеба были суточной нормой. После работы опять конвоем вели нас в барак.

В этом здании были поставлены трехрусные нары, которые были под номерами. У меня был 69 номер. Лагерь наш был в городе Хомниц, Лебахер штрассе, 2016 «лагерь Весенбург».

Рядом со мной работала пожилая немка фрау Мида, которая приносила иногда очистки от картофеля, которые мы потом кушали. Ещё помню полицая Осибо, который утром приносил хлеб в лагерь. Когда оставались горбушки, он бросал их вверх и кричал: «Горбушка! Горбушка!». Если кто-то пытался взять две, он бил нагайкой.

В лагере я проработала с апреля 1942 года по май 1945 года. Когда кто-то болел, нас от работы не освобождали. Был выходной только в воскресенье.

Когда в 1945 году нас освободили американские части, домой добирались кто как мог. Я ехала сверху бревен в грузовом вагоне.

Приехав домой в Макеевку, в августе 1945 года, прошла фильтрацию в КГБ, где нас допросили и записали в книгу прибывших из Германии. Затем пошла работать на лесной склад на шахту Ленина, после меня перевели заправщицей в ламповый двор, где работала до 1962 года. В 1962 году попала под сокращение. Работала потом на обувной фабрике, откуда в 1976 году ушла на пенсию.

ВОЛКОВСКИЙ ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ

Родился 28 октября 1926 года в селе Серцовка Згуровского района Киевской области в крестьянской семье.

20 октября 1942 года был насильно вывезен в Германию. Работал в городе Ваттенштате на кирпичном заводе. Работать было очень тяжело, были случаи, когда меня избивали, не кормили. Жили в бараках, очень досаждали клопы. Кругом проволока, охранники.

Рабочий день начинался рано утром. Кусочек хлеба со свеклой и кружка кофе – вот и весь завтрак. В обед на завод привозили вареную брюкву. Ужин состоял из хлеба, в котором было больше опилок, чем муки.

Освобожден Советскими войсками в 1945 году. До этого момента я по 12 часов трудился на кирпичном заводе.

Приехал на восстановление Донбасса в 1951 году. Трудоустроился слесарем в Макеевке, откуда и ушел на пенсию. Имею правительственные награды.

21.03.2000 г.

ТАРАСЕНКО АННА МАКСИМОВНА

Я, Тарасенко (Вострикова) Анна Максимовна, родилась 5 августа 1927 года в Липецкой области Водопьяновского района, село Бутырки. В 1933 году приехали в Макеевку, где и живу в настоящее время.

20 марта 1942 года была насильно угнана в Германию в город Дормарген, Кельнер-трассе, 24. Попала к хозяину Йозефу Геенишу около Кельна. Работа была очень тяжелая, от темна до темна. Жили на чердаке с одним окошком, где хозяин хранил пшеницу. Питание было очень плохое: брюква, кальраби и немного хлеба.

Однажды мы вернулись с поля, уже было поздно, да и устали. А хозяин сказал, что очень рано. С нами работали тогда и поляки, и полька Мария сказала: «Анна, пойдем». И мы пошли. Хозяин вызвал полиция. Он ударил меня по лицу, и я залилась кровью, после чего меня отвезли в Нойс, в больницу, а кровь все равно шла из носа, пока я не обратилась к медбрату, который наложил мне повязку и скорая привезла меня домой.

Освободили нас американцы. Жизнь у нас, тех кто работал у хозяина, была не лучше, чем в концлагере. Нам нельзя было уходить в увольнение, не было никакой свободы. Носили деревянные колодки. Денег нам не платили, одежду давали только спецовку.

23.12.2001 г.

СЛОБОДЯНЮК КСЕНИЯ ИВАНОВНА

Родилась и выросла в селе Марковка Белопольского района Сумской области. Тогда, в 1942-м я была 16-летней девушкой с роскошными косами и уже не понаслышке знала, что такое горе. В голодном 1933-м осталась сиротой, жила у соседей. К началу Великой Отечественной войны успела закончить 6 классов. Когда мы с подругами получили повестки, предписывающие явиться на сборный пункт для отправления в Германию, то решили просто никуда не ходить. Мы были наивными деревенскими девчонками и полагали, что при необходимости сможем уехать в Сумы, спрятаться там. Сумы казались нам далёким, огромным городом. Мы даже не думали, что там тоже оккупанты...

Никуда я не уехала, нигде не спряталась... Через несколько недель после первой повестки сельский староста определил: прежде всего будем отправлять сирот. А мне и в дорогу нечего брать: даже ложки своей не было. И поехала налегке из родной страны в чужую, из одного горя в другое.

Ехали мы в товарном вагоне, где из всех удобств были охапка соломы на полу, два ведра с водой да бочка вместо туалета. В дороге нас не кормили, и как я выжила сама не понимаю, ведь ни крошки с собой не брала.

Я попала в лагерь на Шпинглер-штрассе, где жила в комнате с 27-ю женщинами. Спали на нарах, расположенных в три яруса. Моими соседками были Уляша и Зина. Не знаю, что случилось с ними потом, остались ли они живы.

Помню, на второй день пребывания в лагере началась бомбежка. Мы плакали и молились, а вокруг гремели взрывы, заглушая вопли раненых. Когда загорелась столовая, страх отступил перед голодом, и люди кинулись к пылающему зданию, надеясь вырвать из огня что-нибудь съестное.

Питались узники простой баландой, вареным шпинатом и брюквой. Хлеб выдавали по куску на пятерых. Служащий лагеря, занимающийся

раздачей, отсчитывал в шеренге 5 человек и отдавал пайку либо первому, либо последнему из них. Хорошо, если последнему: тогда остальные четверо буквально вцеплялись в него, и таким образом пятерка отправлялась делить хлеб. Если же кусок отдавался первому, то часто он, не теряя времени, мчался прочь и съедал свою ценную ношу до того, как голодные товарищи успевали его догнать. А делили заветную пайку ниткой, трясясь над крохами: здесь, за колючей проволокой, взгляд на справедливость был особый. Случалось, мне и моим подругам удавалось обменять свой хлеб на пакетик ячменного кофе: его можно было медленно жевать часами. А после распухал язык и десны, израненные остьями ячменя...

Работала я на заводе Круппа в цехе МВ-9 шесть дней в неделю. Выходной день – воскресенье – был днем нелюбимым и пугающим, потому что в рабочие дни немцы, рабочие завода, жалея «русских», подкармливали их. Именно благодаря доброте многих людей я выжила. Узникам трудовых лагерей других национальностей, не «русским», позволяли получать посылки из дому и от «Красного Креста».

Рядом с постоянным диким голодом жил холод. Имеющаяся одежда мало защищала истощенные тела в холодную или дождливую погоду, поэтому узники ходили, укутавшись в одеяла. И еду, если кто даст, под одеяло легче было спрятать.

Выдали нам обувь – деревянные башмаки, которые так натирали ноги, что мы ходили на работу босиком, даже в жестокий холод.

А в довершение всего – унижения и избиения за провинности. У меня до сих пор сохранились шрамы от побоев.

Во время одной из бомбежек у меня лопнула барабанная перепонка, разболелся желудок. Меня признали непригодной для работы на заводе, но домой не отправили, а вместе с другими больными увезли на биржу труда в город Везель, где нас разбирали немцы для работы в собственных хозяйствах.

Остаток войны вплоть до прихода американских частей я провела в семье ветеринара доктора Валтихвана в деревушке Бислих: помогала по хозяйству, прибирала в многочисленных комнатах, общалась с работающими по соседству «землячками» - Таней из Киева и Уляшей из Белоруссии. Хозяева меня не обижали, называли Алексой, были добры и заботливы. Помню, как однажды пошла в магазин, а когда проходила мимо школы, немецкие дети набросились на меня. Бросали в меня камни, оскорбляли. Узнав о случившемся, хозяйка отправилась к директору школы и добила наказание виновных.

Когда после прихода американцев я начала собираться домой, фрау Валтихван не хотела отпускать меня, говорила, чтобы я осталась жить у них. Но я не могла остаться: пусть нет дома, зато есть родина. А по дороге

на родину я познакомилась с молодым парнем, демобилизованным военным, который вскоре стал моим мужем. Началась новая, «мирная» эпоха в моей жизни...

29.11.2015 г.

СОЛОВЬЕВ МИХАИЛ АРТЕМЬЕВИЧ

Я, Соловьев Михаил Артемьевич, родился в Могилевской области Горецкого района, в деревне Михайловичи. В лагерь попали в 1942 году вместе с матерью. Мама была в партизанском отряде связной. Кто-то доложил на неё в комендатуру. Маму арестовали, долго допрашивали, сильно били, ломали пальцы, проббили голову. Вскоре нас отправили в лагерь под город Шклов вблизи деревни Окуневка. И там мы пробыли почти три года. Мать и всех остальных взрослых гоняли на земляные работы, а мы, мальцы, находились в лагере под наблюдением немецких надзирателей, которые были очень жестокие и обращались с нами, как со скотом. В общем, кормили плохо, но били хорошо, до сих пор отметка на лбу. Кормили хлебом, который наполовину был сделан из опилок, гнилой картошкой, супом из брюквы, поили водой из бочки, в которую сбегала вода с крыши.

Запомнился мне один случай, который до смерти не забуду — это когда открыли ворота лагеря и освободили нас. Вошли в лагерь наши солдаты. Все были очень рады, кто песню пел, кто плакал от радости, женщины даже землю целовали, а пацаны радовались тому, что домой пойдём. Но мне как-то не очень было весело, я стоял в стороне. Вдруг подходит ко мне дядька такой большой и говорит: «Ты что такой невесёлый? Смотри, все радуются, веселятся, а ты такой скучный», — и достаёт из кармана тряпочку. Разворачивает он эту тряпочку и подаёт кусочек сахара. Вы даже представить себе не можете, какая это была радость. Тут все пацаны окружили меня, и мы давай этот сахар, кто лизнёт, кто откусит, а этот дядька стоит и смотрит на нас, а у самого слёзы на глазах. Потом и говорит: «Потерпите, ребята, ещё немного, погоним немца, и вам мамки купят много конфет!». Я ему говорю: «Дядя, а ты не обманываешь?».

Вот так закончилось мое детство. Конечно, радоваться нечему, всю жизнь ждал отца, так и не дождался, он погиб на войне.

Писать и рассказывать можно много. И я бы хотел, чтобы нынешняя молодежь не видела такого, что испытали мы в детстве.

В настоящее время я председатель местной секции узников концлагерей. И буду работать, пока ноги носят.

20.10.2014 г.

ГЕРАСИМОВ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ

Родился я в Мариуполе в 1924 году в семье рабочего. После окончания школы в 1939 году был принят на работу на завод имени Ильича в листопрокатный цех №7. Вступил в комсомол. В 1941 году, когда началась война, мы, комсомольцы, на собрании решили: все идем на фронт. Написали заявление, но в Ильичевском райвоенкомате нам отказали, так как мы нужны были на производстве – катали бронелист для танков. Так мы и остались дома, а когда город внезапно оставили наши войска, оказались в оккупации.

В 1942 году немцы стали тех, кто помоложе, собирать для отправки в Германию в качестве оstarбайтеров. Я оказался в городе Дюрене, и на распределительном пункте меня отдали одному немецкому бауэру для хозяйственных работ. Он неплохо относился ко мне – я работал в поле. Но в 1943 году меня арестовали за то, что мы вместе с другими такими же оstarбайтерами организовали передачу хлеба нашим военнопленным. В гестапо эту мою деятельность оформили как кражу имущества у хозяйна, хотя он сам иногда давал нам хлеб для передачи. Но я его выдавать не стал. Меня отправили в тюрьму города Ахен, а затем в Освенцим. Там и накололи номер, с которым живу всю жизнь.

Видимо, сочетание цифр 171375 оказалось счастливым, я оказался среди тех немногих, кто выжил в Освенциме. До сих пор помню вечное чувство голода, постоянно дымящие трубы крематория. Многие не выдерживали этих испытаний и теряли рассудок... В 1944 году меня перевели в концлагерь «Дора» на подземные работы, а затем в лагерь Заксенхаузен, откуда нас послали на расчистку улиц немецких городов после их бомбежки нашей и союзной авиацией.

Весной 1945 года нас перевезли в город Фленибург, посадили на баржи, а затем, уже в Балтийское море, пересадили на теплоход. Говорили, что нас должны были довести до Бразилии или Австралии или взорвать в море, чтобы скрыть следы преступлений. Как и почему мы остались живы, не знаю до сих пор. Вроде бы нас спас Международный Красный Крест. В итоге мы оказались в шведском порту Мальмо. Там нас встретили работники советского посольства, ведь Швеция в годы войны была

нейтральной. Поместили в каком-то большом дворце. Пришли медики и сделали нам санобработку. Потом стали нас взвешивать. Мой вес в то время составлял 36 килограммов. Полтора месяца нас лечили и откармливали. Я очень благодарен тем людям, кто заботился о нас тогда.

После Швеции нас перевезли поближе к Родине – в город Выборг, где мы прошли проверку. Мне предложили работу в леспромхозе, заготавливать лес для Ленинграда. А через год я вернулся в Мариуполь. Устроился на работу в «Азовсталь», где и работал до выхода на пенсию. Имею двоих детей, четырех внуков и трех правнуков.

Я кланяюсь тем, кто сохранил мне жизнь: героям Сопротивления, настоящим коммунистам, солдатам-освободителям, людям доброй воли. И вечно молюсь за погибших...

31.01.2007 г.

ЯНБУХТИНА РАШИДА ХАСЬЯНОВНА

Родом я из Донбасса. В 17 лет я стала немецкой рабыней: попала в облаву в 1942 году. За регулярным пополнением фашистских предприятий дармовой рабочей силой в оккупированных районах и странах следили специальные люди. В Чистяково это были уличные старосты. Все жители от 14 до 50 лет обязаны были проходить специальные регулярные «отборочные» проверки. За неповиновение – расстрел. Много было агитационных листовок, в которых красочно рассказывалось о том, как замечательно живет невольникам. Были и такие, что уезжали добровольно, но очень мало.

В Германии я работала на фабрике. Жили в лагере. Был специальный корпус для русских военнопленных. Работницы старались хоть немного нас подкормить, хоть и самим было туго. Эти люди очень страдали, в отличие от пленных из других стран. Многие умирали от ран, голода и непосильной работы. А наемниц в город в выходные дни отпускали свободно и письма домой писать разрешали.

Американские самолеты разбомбили фабрику, а те «наймыты», что остались живы, подались в пересылочные пункты, чтобы вернуться на Родину. Иные оставались в Европе. В той суматохе и путанице, что были тогда, никому не было особого дела до оstarбайтеров.

В родном Чистяково меня не притесняли. Ходила отмечаться в КГБ, но на дальнейшую жизнь пребывание на оккупированной территории не повлияло.

ТЕЛЬНЮК ВЕРА СТЕПАНОВНА

Родилась я в городе Глухов, что в Сумской области. В далеком 1943-м, попав с двумя подружками в облаву, стала невольницей. Тех, кого схватили, две недели продержали в заточении, а потом в сопровождении собак повели на вокзал. Отец успел передать узелок с вещами и продуктами. Это была наша последняя встреча.

Когда в Германии группу пленных вели в концлагерь, вдоль дороги стояли немецкие ребятишки и женщины и кидали в невольников чем попало – камнями, мусором, смеялись и приговаривая на немецком: «русские свиньи».

Я попала на ферму. Трудилась и в поле, и на дойке коров. Хозяева были строгие, но голодом не морили, только очень следили за опрятностью, чистотой и точностью. Я часто и долго болела, а заботился обо мне паренек Женька, родом из Смоленска. Ухитрился даже молоко передавать в сапоге.

Помню, как освобождали город американцы. Едут по улице танки, а на них негры. Тогда впервые увидела таких людей. Было и страшно, и радостно. Вернувшись домой, долго там не задержалась. По приглашению родственников приехала на Донбасс, да так тут и осталась. Поэтому о прошлом никто не напоминал и не упрекал. А с Женей так и не встретилась, наверное, не судьба.

09.08.2006 г.

ГОЛОВАЧЕВА ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА

Я родилась в Тамбовской области. С 1939 года живу в поселке шахты № 3-бис. Оттуда меня в 16 лет угнали в эшелоне. Трудилась на фабрике по изготовлению эмалированных кастрюль. Там и увечье получила – потеряла пальцы на руке. Жили в чистом лагере, везде идеальный порядок. Всех обязательно осматривал врач, каждый проходил дезобработку. Очень строго следили за здоровьем. Если обнаруживали инфекционные болезни: венерические, а особенно туберкулез – немедленно отсылали в другое место. Может и расстреливали, я не знаю. Только больным со здоровыми категорически запрещалось находиться вместе во избежание распространения заразы.

Помню русских военнопленных, что жили под открытым небом во дворе. Рядом барак для пленников из Европы. К ним отношение было более-менее. А советских солдат просто сживали со света, они голодали, мерзли, многие не доживали до утра, такие были истощенные.

09.08.2006 г.

ПОБИРАЩЕНКО ЕКАТЕРИНА ГЕРМАНОВНА

Родом я из Черниговской области. В неволю отправилась в теплушке, где в вагоне сорок человек и выдолбленная в центре пола дыра. Остановка была в Польше, где пленникам дали по тоненькому кусочку хлеба и по три яйца. Это вся еда до самого Берлина. Там невольников отбирали, как поросят на рынке, новые хозяева.

Попала к фермеру, ухаживала за коровами. Обращались пренебрежительно, работой нагружали с утра до вечера. А за малейшую задержку или неповиновение били кнутами. Рядом трудились пожилые польки. Они, как могли, защищали и жалели молодых девчат. Только мало чем могли помочь. Американские солдаты, освобождая местечки, кидали «наймытам» хлеб, консервы, галеты. Они были из другой жизни...

После возвращения на Родину я переехала в Торез. Здесь и живу уже много лет, но годы, проведенные в неволе, забыть не в силах.

09.08.2006 г.

ЖУК ФЕДОР ПЕТРОВИЧ

Расскажу о горечи своего пребывания в Германии, куда был насильно вывезен в 1943 году вместе с ныне покойной мамой и двумя младшими – 15 и 13 лет братьями и другими жителями нашего села. А было это так. Село Телиженцы Изяславского района Хмельницкой области рано утром было окружено немецкими солдатами с собаками и полицаями. Другие солдаты и полицаи ходили по домам и, не давая времени на сборы, выгоняли в центр села. Так впопыхах наша мама нас одела и каждому собрала в сумочку одежду и кое-что из еды, что было дома, и нас погнали

в центр села. Тут уже стояли грузовые автомобили. Нас отвезли на железнодорожную станцию Четырбоки, что недалеко от станции Шептовка Хмельницкой области. На станции провели сортировку, всех молодых по возрасту, в том числе и детей, загнали в товарные вагоны, оконные отверстия которых были зарешечены проволокой. Заполнив вагоны до такого состояния, что сесть было уже негде, двери закрыли и чем-то закрутили. Куда нас везли – неизвестно. Везли долго, в основном ночью. На остановках и стоянках вагоны почти не открывали. Мы изнемогали от жары и тесноты. Через несколько дней поезд остановился в каком-то лесу. Двери открыли, и охрана приказала выходить, но в это время объявили воздушную тревогу. Нас снова загнали в вагон. Стали слышны сильные взрывы и гул самолетов.

Через некоторое время снова открылись двери и было приказано выходить с вещами. Выйдя из вагонов, мы были в окружении охраны с собаками. Нас погнали в какой-то лагерь, обнесенный в три ряда колючей проволокой, над которым высились будки с охраной немецких солдат. В этом лагере нам сделали санитарную обработку – постригли всех наголо, после чего головы и другие места кистями смазывались какой-то очень вонючей жидкостью, от которой умирали не только вши, но и облазила кожа. После этой процедуры мы снова надели свою одежду, которая уже прошла через дезкамеры. Позднее снова нас построили и погнали в столовую, где каждому дали в алюминиевых мисках очень редкий со специфическим запахом и вкусом суп из брюквы. После этого нас отвели в деревянный барак, где были сплошные нары без матрацев. В этих условиях мы провели где-то 10 – 12 дней. Каждый день трижды, а иногда и больше, особенно как оглашалась воздушная тревога, нас строили для переключки по уже составленным спискам. В этот лагерь ежедневно приезжало много, как тут говорили, «покупателей», которые тут выбирали людей и куда-то забирали их.

В один из таких дней пришла очередь и к нам. Двое гражданских пожилого возраста мужчин и полицейские в мундире и высокой шапке долго осматривали нас, смотрели на руки и на ноги, и на зубы. После детального осмотра отобрали нас, четыре семьи в количестве 15 человек, и повели к центральным воротам, где стоял трактор с прицепом и легкой автомобиль. Посадив нас на прицеп, вывезли из лагеря. Ехали долго, только под вечер въехали в какой-то населенный пункт, тут сошли с прицепа и нас повели улицей к одному из домов. Полицейский, открыв замок на входных воротах, повел по огороженному колючей проволокой коридору к помещению, в котором стояли четыре двухъярусные четырехместные деревянные кровати с матрацами, наполненными соломой. Под потолком за металлической сеткой тускло светила электролампочка,

единственное небольшое окно было за решеткой. А уже на второй день, очень рано, те же немцы и полицейские повели нас к главному двору, где уже были тут работающие поляки, русские, украинцы из Западной Украины и другие. Через поляка-переводчика на ломаном русском языке нас оповестили, что мы находимся в имении бауэра Отто Штрубэ дорф Шланштет юбер Гальберштат. Тут мы будем работать преимущественно на сельскохозяйственных работах под надзором и руководством старшего мастера Штамберга, мастеров Шваньке, Шпильке, Маера – в зависимости от вида и места работы. А в дни, когда погодные условия не позволят выйти в поле, будем работать в хозяйстве, а именно в конюшнях, коровнике, свинарнике и стойле для волов. У бауэра хозяйство было очень большое, земли много и работы тоже. К работе нужно относиться старательно и добросовестно, а кто не будет этого выполнять, нарушать дисциплину и допускать другие провинности, тот будет жестоко наказываться теми же мастерами и даже полицейским, у кого мы все на учете. Тут уже нас всех взрослых и маленьких посвятили в «остарбайтеры» – приказали пришить нагрудный знак «OST». Выдали и специальную одежду, по два крапивных мешка, один как фартук, а второй сложен ворком на голову и плечи, на случай дождя и непогоды. После этого снова нас построили и в сопровождении старшего мастера Штамберга с неизменной сучковатой палкой повели нас в поле перебирать сахарные буряки. Вот тут и начался наш труд при ощущении сучковатой палки старшего мастера Штамберга. Мне досталось почувствовать его палку за то, что недогнивший саженец не положил в отдельную корзину, а выбросил в общую. Кроме того, он увидел, как я откусил кусок буряка и жевал его. Ведь есть хотелось, а буряк сладкий, как сахарок. В обеденную пору к нам в поле привезли обед, который состоял из миски супа из кольраби и маленького кусочка эрзац-хлеба. После возвращения с работы, вечером, в нашу казарму зашла пожилого возраста женщина с тем же переводчиком и сообщила, что они принесли продукты питания на неделю. Потом она сказала, что в ее обязанности входит следить за дисциплиной в помещении, за нашим поведением и что обо всех нарушениях с нашей стороны будет докладывать своему человеку, полицейскому. В выходные дни, то есть в воскресенье, нас никуда за территорию выпускать не будут. До забора из колючей проволоки ни в коем случае не прикасаться руками, потому что он под напряжением.

Тяжело работая на разных работах под присмотром мастеров, очень часто мы наказывались за наименьшие провинности. Один раз, работая на культивации поля, в конце я очень круто повернул волов, вследствие чего перевернулся культиватор и повредил ногу волу. Это, конечно, увидел мастер. Прибежав ко мне, он стал бить так, что, я думал, от ударов

поломал ребра и руки, но, к счастью, сломалась палка. Отбросив ее обломок, он стал бить руками и ногами, но это было уже не так больно, как палкой. Очень часто возникали у меня недоразумения с мастерами. Самого бауэра за все время я видел 4-5 раз на расстоянии, когда он приезжал и общался непосредственно с мастером. К нам, работающим, он никогда не подходил и с нами не общался.

ТАРАСЕНКО НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Я родился 17 декабря 1926 года в Запорожской области. Закончил семь классов в с. Балабино, поступил учиться в Запорожский авиационный техникум. Когда началась Великая Отечественная война, студентов, которым было по 14-15 лет, отправили работать в колхозы. Мне казалось, что фронт вот-вот стабилизируется, и Красная Армия погонит фашистов на Запад. Но...

В августе 1941 года фронт докатился до Днепра. Знаменитая Хортица несколько раз переходила из рук в руки воюющих сторон. 18 августа 1941 г. в Запорожье взлетали в воздух промышленные объекты. Сорвана была гребля Днепрогэса. Фронт остановился вдоль Днепра до 3 октября. В этот день мой отец, Иван Иванович, с группой активистов села подвальной отправился на Восток, а мы остались на месте постоянного проживания: мать и мы, трое несовершеннолетних детей.

Весной 1942 года из нашего села начали вывозить людей, в основном – молодежь, на принудительные работы в Германию. Тогда мне, 15-летнему, удалось избежать этой судьбы. Но накануне Октябрьских праздников на железной дороге, которая была рядом с селом, пошел под откос немецкий эшелон с хлебом, а в Балабино появились написанные от руки листовки антифашистского содержания. По селу прокатилась новая волна «набора» в Германию, которая захватила и меня. Так 18 ноября я среди других оказался в набитом людьми «телятнике» с зарешеченными окнами, который медленно двигался на Запад. На колесах какая-то путаница – действовали партизаны. Незвестные мне раньше станции – Сарны, Маневичи, Ковель... Не думал я в то время, что польский край в будущем станет моей судьбой. И вдруг необычно звучит польский язык: Люблин, «Майданек». Говорят – будет баня, в Германию везут только чистых. Ох, это дерзкое слово «чистый» – чистый ариец, санитарно чистый и т.п.

Вскоре эшелон с большинством пленных, моих земляков, двинулся дальше, а меня в числе немногих отобранных больных оставили в «Майданеке» на строительных работах. Уже после войны я понял, что это за

отбор больных. Печально известный дым «Майданека» развеял прах тысяч обездоленных, которых отобрали как таких, которые не подходят для работы в Германии. Но мир не без добрых людей. Нашлись в то время среди obsługi концлагеря из поляков, такие, которые с очередным эшелоном, уже из Белоруссии, смогли отправить меня на Берлин.

6 января я прибыл в Фридрихсфельде, что под Берлином. Таким способом я стал подневольным рабочим известного по всему миру концерна «Сименс». Содержался в лагере №39, который находился в Берлин-Шарлоттенбурге, то есть в самом центре Берлина вырос город рабов XX века, за колючей проволокой, под охраной упитанных полицаев.

В сентябре 1943 года лагерь №39 сгорел от бомбардировки авиацией союзников. Много пленных погибло. Среди тех обшарпанных, чумазых, перепуганных страшной бомбардировкой людей, которым чудом удалось спастись, был и я.

Полиция отловила нас и завезла в лагерь №35, что находился в районе Фалькензее под Берлином. Условия там были еще хуже: та же баланда, которую давали раз в день и комендант-белогвардеец, который бил узников ни за что, ни про что. На работу возили на тот же «Сименс» в вагонах «только для собак и русен» пригородного поезда. Учитывая дорогу, подъем в лагере был в 5 часов утра. Наверное, с целью экономии времени, тех, кто работал на «Сименсе», переводят в лагерь №65, что был расположен в западном районе Берлина – Шапндау. Когда корпуса «Сименса» были уже полностью разрушены бомбардировками и работа остановилась, принудительных рабочих развезли по другим местам. Я попал в команду, которую отправили на шахту «Элизабет» в г. Аусиг Судетской области. Работал я на вспомогательных работах (грузовых, земляных).

Так и встретил 9 мая, когда советские войска мчали на Прагу. По дороге домой 15 мая 1945 года в г. Герлитц я был призван Полевым военкоматом в ряды Красной Армии. Демобилизовался я аж 28 октября 1950 года.

С возвращением в родное село работал и учился в вечерней школе. После окончания в 1957 году Запорожского машиностроительного института приобрёл специальность инженера-механика и начал работать на Запорожском заводе «Коммунар». На меня обратили внимание. Работал мастером, старшим мастером, начальником цеха. В 1965 году был приглашён в Луцк директором машиностроительного завода, на основании которого создавался автомобильный завод. Директором этого предприятия работал 10 лет. В эти годы 5 раз избирался депутатом Луцкого городского Совета народных депутатов.

В 1975 году был переведен начальником Киверцовского механического завода системы Министерства путей сообщения. Завод не один раз

был признан победителем соцсоревнования в системе министерства, а меня наградили нагрудным знаком «Победитель соцсоревнования 1977 г.» и именными часами. Жители города трижды избирали меня депутатом Киверцовского городского Совета народных депутатов.

В 1982 году стал директором Луцкого ПТУ-6, в августе 1990 года был награжден знаком «Отличник народного образования УССР».

ШКОДА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА

Сама я украинка. Приехала из города Николаева. На Украине 25, 26, 27-го годов рождения забирали повально всех. Погрузили нас в вагоны, в которых коров возили. Повезут – тут разбомбят и назад везут. Так месяц нас возили. Там и хлопцы и девки – голодные, холодные, не пили, не ели. Вот как мы выжили?!

Сгрузили нас в городе Броншвайн. Там 50 000 наших пленных было. И нас там начали отбирать. Кто ещё ничего был – сказали, будут отбирать. А мы намазывали руки шиповником, чтобы нас не забирали. Немец проверит, что мы как заразные. Нас из одной деревни было 60 девочек. Определили работать на литейный завод. Мы там голодные, холодные. Возили большущие тачки с углем. И там мы жили 2 года. В концлагере было очень плохо. И кровь брали у нас.

Когда привезли нас – бегут детки за нами в след и кричат: «Покажи рог!» Им сказали, что русские с рогами. Бегут дети в след и кричат: «Русиш, покажи роги!» Они считали, что мы враги их и рабы.

Мне тогда было 15 лет, 31 килограммов веса всего было. Скелет! А надо было тачку 150 килограммов везти на гору. Внизу нагружали, а наверх везли. Доменные печи были, жарко.

Приходишь на работу, а немцы говорят: «Nicht krank. Arbeiten» и гнали на работу.

Давали поест мисочку брюквы с червями, не зажаренную, без картошки. Одна брюква. Она верная была. Одна буханка хлеба на 10 человек. Граммов 100, не больше.

Работали от темноты до темноты. С работы приходим – сядем, как начнем рыдать. Поспим и опять на работу. Думаем: «Придет то время,

что мы наедемся хлеба». Думали о хлебе и еде, как выжить. Завод был в поле, взять было нечего.

Немцы обращались к нам грубо. По-немецки мы не понимали. Немцы говорят: «Ein Hammer». А что это за «Hammer»? Как даст по плечу резиной! На завтра уже знаешь, что «Hammer» - это молоток. За год я по-немецки знала все как по-русски.

Одеты мы были в то, что из дома с собой привезли. На груди написано было краской «OST Arbeiter» и номер 45. И сзади на все плечо тоже. Вот такое горе мы видели и слышали. Я до сих пор последний кусок хлеба отдам, кто только просит. Меня не касается, пьяница он или кто, но я горе видела и помогу.

Последний год нас всех собрали из лагеря и увезли на границу с Американским каналом. Он был за Берлином. Там большой аэродром был. Мы там жили, работали. Потом сказали, что наш барак в 2 часа дня подорвут. Девки говорят: «Что нам делать?» Я говорю: «Одевайте все лучшее, что у вас есть и не придем на два часа». Мы переоделись и ровно в два часа наши бараки подорвали. И пленным сообщили мы, что бараки подорвут. А пленные были летчики офицеры – 120 человек. И вот мы 60 девушек и 120 офицеров сидели неделю в подвале. Нас немцы искали. Потом один офицер – генерал Леонид Павлович говорит: «Девочки, кто не боится – выходите с красной тряпкой на палке наверху». Так как у меня родителей не было, они трагически погибли давно, то я знала, что меня никто не ждет. Я сказала: «Ладно! Будьте здоровы! Что Бог даст!» И пошла наверх с этой красной тряпкой. А нас американцы искали. Нас поселили в такой хороший дом. Дали врача. Дали бульон. И там мы жили два месяца. Это было в конце 1944 года.

Сталин выступил, что войны без плена не бывает, возвращайтесь дорогие сестры, братья, вас Родина ждёт.

Американцы передали нас нашим. Я девочкам говорю: «Меня дома никто не ждёт. Я пойду в армию добровольно». Подхожу. Один майор там, он мой земляк, остаётся. Я говорю: «Нас три девочки. Возьмите нас вольнонаёмными в часть». Он говорит: «Пожалуйста». Мы прошли комиссию. Меня поста-

вили на кухню работать, а остальных девочек кого в прачечную, кого уборщицей. И мы там пробыли до весны 1945 года. Там я и с мужем своим будущим познакомилась.

ЗЕМЦОВА АННА ПАВЛОВНА

Родилась я 20 марта 1925 года. Во время войны, в 1941 году умерла моя мама. Отца забрали на фронт. Остались мы втроем с сестрами. Люба 31-го года, Нина 29-го и я. Пасли телят. Молоко нам давали, кое-как питались. И в это время зашли немцы. Защиты не было. Меня схватили босиком, в одном платье, без платка. Тетя увидела, стала кричать. Подбежала, хотела мне хоть посылку дать, но ее оттолкнули и она не успела.

Везли нас в вагонах. Привезли, дали полосатые платья, номера, бирки «OST». Жили в лагере в бараке. Спали на двухъярусных кроватях. Работали на каком-то предприятии, где делали трубы. Одна мазала, вторая тряпками обматывает, третья веревками обвязывает. Так и работали.

Один день тишина была. На работу нас не вызвали. Думаю: «Что такое?» Вышли на улицу. Стоит солдат и машет нам рукой, мол, идите сюда. Девчонки побоялись, но пошли. А он говорит: «Выбирайтесь как хотите, под вами мина». Было в лагере три барака. Под колючей проволокой и током. Поляков увезли, французов тоже увезли.

Девчонки решили – нам что тут, что там умирать, давайте выбирать. И стали мы выбирать. Кое-как, кто постарше, знал, где юг, север, вывели нас на тропку. Вышли на дорогу. Там стояли три железнодорожных домика. Там старухи жили и детвора. Они сказали, что их освободили русские. Они сказали нам по какой дороге идти, чтобы выйти до фронта. Дали нам картошки, тушенки. Вышли мы на трассу, там машины, солдаты едут. Мы не знали, что за солдаты. Подняли руки вверх, а это были наши, русские солдаты. Хотели нас забрать, а мы сказали, что нас еще там тридцать человек.

Приехали мы в какой-то дом. Там сожгли наши полосатые платья, шлепки деревянные. Одели нас в форму, дали сапоги, посадили на карантин.

Приезжает начальство и говорит: «Девчонки, надо работать». Конечно, будем работать! Повезли нас в какой-то колхоз заброшенный. Немцы оттуда все увезли. Скотина орет, куры, свиньи. Нас туда определили. Мы там для госпиталя готовили: молоко сепарировали, коров доили, свиней, кур кормили, резали, все для госпиталя.

ГРУШКО
ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА

С гитлеровской политикой расширения жизненного пространства для арийской нации для удовлетворения интересов немецкого народа я столкнулась впервые месяцы Великой Отечественной войны. В августе 1941 года после трагического поражения наших шестой и двенадцатой армий в районе Кировоградщины были взяты в плен сотни тысяч наших бойцов. Тут же их и разместили лагерями в совсем неприспособленных условиях. В Умани и возле станции Ромодан, в Хороле пленных загнали в глиняные карьеры бывших кирпичных заводов. Люди спали просто под небом. Только раненых разместили под навесами, предназначенных для сушки кирпичей сырца.

Те, кто побывал в Умани, рассказывали, что в «Уманьской яме» (так называли лагерь) содержалось больше семидесяти тысяч человек. Было там оборудовано две так называемых кухни, где в обычных металлических бочках при круглосуточной работе можно было приготовить какой-нибудь суп по крайней мере на 2 000 человек. Да еще буханку эрзац-хлеба на шестерых. При раздаче еды всегда начиналась давка. Людей били дубинками. Возле кухни и при других обстоятельствах немецкие охранники и украинские полицаи убивали по 60-70 человек ежедневно. Много пленных умирали от ран и голода. Незначительную часть военнопленных спасли женщины ближайших сел. Охрана разрешала забирать из лагеря близких родственников, если такие вдруг выявятся.

Староста нашего села Степан Марочко, царство ему небесное, хоть и не считался в целом человеком кротким, брал подводу с десятком или больше женщин и отправлялся с ними в лагерь. Там крестьянки, задабривая немцев магарычем, выбирали «своих мужей» и везли к себе во временное поселение. А один раз наша соседка вернулась из того похода в синяках. Рассказывала плача:

– Я уже убедила немца, что узнала там за колючей проволокой своего мужа. Отдала ему бутылку самогона, закуску. А тут откуда-то взялся полицаи. Узнал меня. Ударил несколько раз прикладом, обозвал последними словами. Мол, в прошлый раз я уже забирала своего мужа, а теперь кого еще смотришь. Люди добрые, а какие они там бедные, голодные. Сердце разрывается. Все кушатки просят, а я уже отдала узелок немцу...

В селах тем временем устраивались отборы рабов в Германию. Почему же не брать пленных? Мне объяснили, что пленные – это организованная масса. Завезти их туда – значит создать в своём тылу своего рода «пятую колонну». И немцы пополняли недостачу рабочих рук преимуще-

ственно крестьянами. Где мы только не перепрыгивались с подругой, но среди полицаев тоже не все были полными глупцами. И в мае 1943 года нас схватили и вывезли. Меня определили к бауэру Байфусу в Полхлеб в Помирании. Он был инвалидом, непригодным к службе в армии. С женой и дочкой жил в большом поместье с земельным наделом. С первого взгляда поразила абсолютная аккуратность рационально обустроенных хозяйских построек. Усадьба по всему периметру обсажена густой стеной елей в четыре ряда. Везде убрано, все по порядку сложено. Такого старания и аккуратности, такого трудолюбия дома не наблюдала. С того момента не переставала удивляться, как такая интеллектуальная нация могла породить такую армию бездушных, которые ныне уничтожают народы, грабят государства, тысячами заживо гноят пленных, там в глиняных карьерах.

Нас оstarбайтеров было четверо у Байфуса. Трудились с шести утра и до вечера. Работали на ферме и в поле. У хозяина было четыре лошади, два десятка рогатого скота, свиноферма. Дostatка же соответствующего не было. В доме примитивная обстановка, неприглядная посуда. Кажется, и мясорубки на кухне не было, потому что фарша не делали, не жарили котлет.

Надаивали каждый день, наверное, с двести литров молока, но никогда на столе его не имели. Даже кофе пили без молока, не говоря уже про употребление сыра или сметаны. Угощали нас обратом. Всё надоенное молоко, как и откормленную скотину, хозяин должен был сдавать на государственные перерабатывающие предприятия. Для личного употребления установлена соответствующими постановлениями норма. И никаких нарушений принятого в стране порядка. Как деликатес, по праздникам или в воскресенье нам давали кусочек вываренного до мармеладного состояния сахарного буряка. Вся тыловая Германия работала на фронте. И целиком осознанно.

Никаких массовых гулянок или развлечений. Долгие передышки не допускались и в течение дня.

Один из наших рабочих поляк Зенон Ковальский был старший над нами. Боже, какой вредный человек. Не зря говорят, что эгоистичность, тщеславие – присущие черты польского характера. Мы страдали от него каждый день. Бывало, что где-то остановимся с подругой, или заговорю я с дочкой хозяина, он уже тут как тут. Бить не бил. Байфус запрещал рукоприкладство, но иначе, как русскими свиньями нас украинцев, не называл, ругался и тут же возвращал к работе.

Неприученная к таким порядкам и такой работе я переутомлялась, нередко заходила за зеленую ограду усадьбы, смотрела вслед поездам, которые тянулись в сторону моей Родины и горько плакала. Некоторой

отдушиной в тех переживаниях служило воскресенье. Был выходной. Немцы шли в церковь. А я отправлялась к подруге, к соседнему бауэру. Кроме нее, там работала и семья. Мы и подружались. И когда фронт приблизился так, что через село потянулись фуры с беженцами, их бауэр дал нам подводку, что-то из одежды, и мы также отправились «домой» – за беженцами. Когда же фронт обогнал нас, поняли, что идем не туда и вернулись к бауэру. И что там увидели! Над хозяйством как будто вихрь пронесся. Скот и свиньи бродят где попало. Не хватает нескольких больших свиней. В доме – вещи, продукты – все одной куче. Хозяин в кресле застреленный.

Горько, обидно стало за наших солдат. Но, как оказалось позднее, не больше чести было и нам невольникам и в пути, и дома. Репатриантов тогда считали предателями Родины. Дома даже нужно было регулярно наведываться в райцентр и отмечаться в милиции. Чтобы поступить в пединститут я скрывала свое пребывание в Германии.

ЛАЗОРЕНКО ФАИНА ИВАНОВНА

Родилась 8 апреля 1925 года в с. Сенчи Сенчанского района (теперь Лохвицкий). В школе хорошо училась, была отрядной пионервожатой, мечтала поступить в мединститут. В день выпускного бала началась война. Я со слезами на глазах вспоминаю этот грустный выпускной, своих одноклассников.

В мае 1943 года меня вывезли на принудительные работы в Германию. Ехали, стоя в поезде, нужду справляли кто куда. Есть не давали. Попала в Баварию, в Нюрнберг, оттуда в Фихтах, а там уже к бауэру в Румансдорф. Тяжелый труд возле животных, в поле подорвали мое здоровье. Пробовала убежать, но меня вернули к хозяину.

Весной 1945 года освобождена американскими солдатами, отправлена в советскую зону. Добиралась домой с такими же девушками, пешком. Попала в советский фильтрационный лагерь, там заболела. По территории Польши уже везли машинами. Тут, в дороге, встретила со своим одноклассником М.Козинцем, который ехал на Запад.

Вернувшись домой, хотела устроиться старшей пионервожатой, но меня не взяли, потому что была в Германии. Дом мой был сожжен, мать умерла. Временно жила у сводной сестры в «халупке». Со временем подруги устроили меня работать в банк в с. Сенчи.

В 1949 году вышла замуж и переехала в Лохвицу к мужу Лазоренко Василию Григорьевичу. Работали в банке вместе. Сначала – бухгалтером, потом – старшим, затем заместителем главного бухгалтера банка аж до пенсии.

Тяжелый труд в неволе подорвал здоровье. Я не могу иметь детей. С 1976 по 1978 годы перенесла три операции на желудке, кишечнике в связи с язвой. С 1986 года – прогрессирующая катаракта левого глаза. Сейчас почти не вижу, ношу сильные очки. Считаю, что здоровье потеряла в Германии. Живу одна, помогают мне члены семьи моего племянника.

КЫЗИНА КЛАВДИЯ ИВАНОВНА

Родилась я на Украине, Каменец-Подольской (Хмельницкой области), на родине Николая Островского. Нас в семье было трое детей. Старший брат 1939 года, я, 7 лет, и сестра меньшая 5,5 лет. Когда началась Великая Отечественная война, мой отец был военным. Отец перевез нас в село. Село было большое, 550 дворов, красивое. Через наше село проходила железная дорога на Германию, Польшу. В 1942 году я должна была пойти в школу.

Очень хорошо помню как объявили войну. Такой красивый голос! Я с детства и до сих пор помню его. На все село было слышно, что началась война. Прошла неделя после объявления войны и в нашем селе были уже немцы – на машинах, мотоциклах. Так страшно было! Мы думали - это звери летят! Все гребут! Гусей, кур ловят. Немцы расположились в селе, заняли дома, комнаты, а мы кто где. Потом, помню, наши начали наступать и выгнали немцев из села. Мы так обрадовались! А через месяц опять немцы вернулись. И так три раза. Самолеты летят, бомбы летят, все горит. Школа у нас была такая красивая, 10-летка. Сожгли её.

Когда немцы третий раз зашли в деревню, то стали забирать жителей села. Нас с сестрой и братом погрузили на повозки на лошадях вместе со стариками, женщинами. Свезли всех в село Четырбоки, согнали в храм. Мы стояли там до утра. А потом погрузили в товарные поезда и привезли в какой-то лес. Там стояли бараки. Мы спросили у взрослых, где

мы находимся? Нам сказали, что мы проходим границу. Потом повезли дальше и по пути на каждой станции часть людей выгрузили. Нас довели до конца. Высадили из поезда, выстроили в колонну, осмотрели глаза, зубы, отсортировали и завели в какое-то здание с большим бассейном, душевыми. Запустили нас в эти душевые по несколько человек и пустили какой-то газ. Мы кричим! Умираем! Стучим! Кто не выдержал – упал. Потом нас всех в холодный бассейн выгнали. Выживших погрузили снова в вагоны и завезли аж в Западную Германию, под Францию.

Помню, когда привезли, было очень много бараков, все за колючей проволокой. Нас в них поселили. Кто побольше был, того на третий этаж нар, кто средний, на середине, кто маленький – внизу. Много было маленьких детей по 5, 6 лет. Мы не понимали, что немцы от нас хотят.

За нашим баракom был барак с поляками, за ними чехи. Потом уже, спустя год мы умели разговаривать на их языках и спросили у поляка из соседнего барака в каком городе мы находимся. Он сказал Бествик.

Кушать давали в раз в день, утром. Брюкву наварят и кусочек неочищенной картошки. Мы это картошку сами очищали. Нам выдали робы черные, на них был написан наш номер и «OST» на голубом фоне. А на ногах у нас были деревянные чуни. Ноги ими натирали, и когда надзирателя не было, мы их снимали и босиком бегали. И однажды мы ноги забыли помыть. А ночью нас всех проверяли всегда. И этот надзиратель как дал каждому резиновой палкой и под кран, под холодную воду загоняет: «Швайне райне, русиш! Давай, иди мой ноги!». Мы больше те деревяшки не снимали.

Немцы забрали брата работать в депо. Он мыл паровозы. У них наставники были немцы. А нас приходили забирали на временные работы к бауэрам: полоть грядки, на страду. Бауэры отдельно садятся кушать, а нам 5-6 детям принесут по бутерброду. Давали кушать, когда на работу брали. А осенью нам было сильно тяжело. Вывозили в лес, там сыро было. Мы плохо одетые. Не знаю, как мы не простужались. Или Бог нам так давал. В лесу мы собирали бучину в мешки. Масло из нее делали. Зимой нас никто не брал.

Перед нашим баракom был барак итальянцев. Они были отдельно огорожены колючей проволокой. На работу на железную дорогу их водили под конвоем. Мы в окно смотрели. Наверное, за работу им платили. В воскресенье их выпускали в магазин. И вот они мимо наших окон по 5-6 человек ходили. И вот идут они однажды обратно и пальцем нам показывают, мол, идите сюда. Мы подходим, а они каждый дают нам по бутылочке лимонада. Мы так ждали воскресенья! Я этого не забуду никогда.

А дальше в бараке жили французы. Мы их называли «жабы». Не знаю почему. Они лягушек ловили в реке и этих лягушек жарили, а мы смотрим

и плачем сидим. Говорим им, зачем вы их мучаете?! Но французы к нам не подходили. Чехи иногда подходили, а поляки такие вредные были! Ляхи! Они нас всегда обманывали.

Нам раз в 2 недели должны были давать по кусочку булки, но поляки нам их не отдавали. И когда приехала проверка из области и спрашивали как нас кормят, дают ли нам булочку, а мы говорим: какую булочку? Нам хлеба не дают, а то булочки. Как взяли того поляка за шкирку. Хоть немцы и фашисты были, но требовали, чтобы давали нам все, что положено.

Немцы начинали готовить нас к школе. Учитель приходил, разговаривал с нами, а мы говорим: не пойдем мы в школу! Там бьют по пальцам, по голове. Только видели, что учитель идет, так мы все в туалетах закрываемся и сидим. Немец ходит, ходит и уходит...

Брали у нас кровь врачи. Говорили, что нас только осмотрят. Мы высокие были, но такие худые! Кровь брали три раза. Голова кружилась. Давали по стакану чая.

Потом началось наступление. Немцы все удирают, а мы как дикари, не знаем куда бежать. Какой-то мужик кричит: давайте в лес! И мы побежали в сторону леса, а там река была, мы прыгнули в эту реку и течением меня вода унесла, кричу! Уцепилась за камень и держусь. Мужик тот меня вытащил.

Фронт уже приближался к лагерю. Мы знали тогда только наших и немцев, а откуда мы знали, что эти мавпы (ред. обезьяны) нас займут? Ночью все горело, мы на земле лежали. Видим, чехи, поляки бегут, кричат, чтобы мы за ними бежали. Мы прибежали в депо. Утром наступила тишина. Говорят: выходите, люди, война кончилась! Мы вышли и как увидели, что на танках черные люди сидят, мы испугались! Мы думали это люди обгорелые на танках, а это негры были. Они нас на руки взяли, говорят: не бойтесь! Мы пробыли еще месяц с ними. Кормили нас сухим молоком в банках, а мы не знаем как его есть, мы его никогда раньше не видели. Брали мы эти банки и шли к американцам и показываем, что мы не знаем, что это такое. А они нам показывают, что воды нужно добавить, разболтать и пить. Потом стали прилетать самолеты, грузить детей из бараков. Думаю, может домой их везут. Не знаю. А потом приехали наши солдаты. Как мы увидели наших солдат, так обрадовались! Отец мой погиб в 1941 году, тоже военный был. И повезли нас на машинах через реку Одер по мосту. Такая река страшная, мы таких рек не видели. Мост деревянный, машины медленно едут. Нас привезли в Берлин. Там мы были 2 месяца. Видела, где американцы, англичане стоят и наши. С нами везде солдаты ходили. Жили в казарме. Кормили нас уже 3 раза в день. Горох часто давали. Мы так рады были.

Нас с сестрой и братом не разделяли. Брату уже 14 лет было, он как удерёт куда-нибудь... Один раз динамит принёс и говорит: мыло нашёл.

Мы с сестрой читать еще не умели, но уже всё понимали, а брат уже по-немецки так говорил, что не отличишь его от немца.

Погрузили нас снова в товарные вагоны и привезли в родное село. Там нашли маму нашу. Потом как начался голод... Думали, что умрем от голода. Нас отправляли работать на поле, давали там по 50 граммов хлеба. С 10 лет дети работали. Так я до 62 лет в поле и отработала.

Очень хочется сейчас мира, чтобы молодежь наша жила хорошо! Но не дают «забугорные». Мы все переживем, и голод, и холод. Люди наши крепкие, понимающие, они все переживут, только, чтобы не было войны.

2015 г.

ОБИХВОСТ ВЕРА РОМАНОВНА

Августовской ночью 1943 года полицаи выгнали меня, 12-летнюю девочку, мою маму и папу из родного дома и отправили на вокзал, где вместе с другими посадили в товарный вагон без каких-либо удобств, с собой разрешили взять только одежду и сухари. В дороге, которая заняла несколько дней, иногда кормили гороховым супом (ведро на вагон), в туалет разрешали ходить всем вместе возле поезда, под конвоем. На подъезде к селу Знаменка поезд бомбардировали. Из вагона, в котором везли нас с родителями, погибли несколько человек. В Германии в г. Пархим после спецобработки людей в одежде остарбайтеров отправили в лагерь за колючую проволоку, где держали 6 месяцев. Через полгода я, моя мама и папа были отправлены на работы в домашнем хозяйстве. Вместе со взрослыми работниками я работала с утра до вечера. В 18 часов звенел звонок – сигнал к началу дойки (у бауэра было 8 коров), после этого пасла гусей, кормила кур и свиней, чистила скотный двор, птичник. Хоть на улице уже было темно, работа продолжалась. Хозяева поставили кровать для рабочих в прихожей, ели мы отдельно, в уголке под лестницей на втором этаже дома. Хозяйство было очень большим, только кур было 300, но за два года ни один работник не попробовал ни одного яйца. Раз в неделю давали молочные продукты, в основном же кормили картошкой, брюквой, другими овощами. Хозяева работников не били, не унижали, просто относились к ним как к бесплатной рабочей силе, без угроз, равнодушно. Хоть нам и был разрешен один выходной день, но в сельском хозяйстве его не

бывает: домашний скот требует ежедневного присмотра. За все месяцы пребывания в Германии пользовались только своей одеждой. Один раз немцы подарили мне поношенное платье. Выдавали резиновую обувь и башмаки на деревянной подошве. Никуда из хозяйства не выходили, потому что до города было очень далеко, да и денег за работу не платили. Хозяева были скупыми людьми, приказывали отдавать сыворотку и молоко свиньям, а не рабочим.

В таких условиях в Германии я и моя семья жили и работали. Мне повезло, что не разлучили с родителями, хотя программа нацистов относительно «неарийцев» предусматривала насильственное изъятие детей у восточных рабочих.

В 1945 году меня и моих родителей освободили американцы, два месяца держали в пересыльном лагере в Нойбранденбурге, передали советским войскам, которые отправили нас домой. Вызвали на беседу в органы госбезопасности, оттуда сразу же отпустили.

КРАСНОЩОКАЯ НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА

Родилась в 1925 году. Была вывезена в Германию в 1943 году. В вагонах без элементарных удобств нас из Барвенковского тысячи километров везли в город Ганновер, оттуда бауэр забрал меня для работ в домашнем хозяйстве, при этом смотрел на результаты медосмотра (их было два – в Лозовой и на границе). Ферма Айвиса Фальбуша и его жены Катрин Фальбуш размещалась недалеко от г. Дудерштадта (приблизительно 3 км от него) в селе Миньеруды. Приходилось выполнять все, что приказывали хозяева: чистить хлев, сеять, копать землю, собирать урожай... Один раз из-за какого-то черного удобрения, которое рассыпали вручную на полях, загноились ноги. Помогла народная медицина.

За все годы пребывания в Германии я не встретила ни одного из односельчан. Фермер набрал себе в помощь девушек разных национальностей, выделил нам маленькую комнатку для жилья, в дом, где жили хозяева, входить не разрешал.

Рабочий день наш длился с 5 утра до 10 вечера. Кормили так, чтобы у нас были силы только для выполнения заданий фермера, в основном – брюквой и фасолью. Вечером давали кипяченое молоко с хлебом.

Хозяин предупреждал, что за плохую работу нас ожидает наказание или даже отправка в концлагерь. Немецкие семьи и питались, и одевались

хорошо, потому что бесплатный труд рабочих приносил им хорошие доходы даже в военные годы.

До самого освобождения мы не знали, что нас ожидает в будущем. Весной 1945 года, когда я работала в поле, приехал хозяин и сказал: «Собирайтесь домой». Американцы собрали всех восточных рабочих на сборный пункт, потом передали нас советским войскам. Ещё будучи на сборном пункте, мы «позаимствовали» у немцев картошку (паек был маленький, очень хотелось есть). После жалобы немцев оказались в тюрьме, но нас больше напугали, чем наказали, почти сразу отпустили. Дальше велели голодать...

Возвращались домой в тех же вагонах без удобств, но это была дорога на Родину, поэтому все тяготы пути переносились намного легче, чем когда-то. Обратная дорога могла закончиться для меня катастрофой: чуть не столкнувшись со встречным поездом, который как-то оказался на той же колее. Машинист вовремя успел затормозить поезд.

Домой вернулась летом 1945 года, уже приехал брат, вывезенный в Германию в 1942 году. В НКВД не вызывали.

ОЛЕЙНИК НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

Когда началась война, мне было 15 лет. Была вывезена в Германию насильно 7 мая 1943 года. После пересыльного лагеря попала в город Дудерштадт, на завод. Работала на станке, делала какие-то запчасти. Завод работал в две смены по 12 часов, остарбайтеров чаще принуждали работать в ночную смену, без выходных. Как и другие работники, я жила в лагере, в двухэтажном бараке. Питание было очень плохим: один батон выдавали на 4 дня, один раз в день давали редкий кофе, на обед чаще всего в столовой варили суп из брюквы и шпината. В сезон иногда кормили грибами. Как и в других лагерях, остарбайтеров разделяли по национальному признаку. Вместе со мной в комнате жили еще 39 украинок, в основном молодые. Письма домой писать не разрешали. Еще до отправки фашисты обещали всем остарбайтерам выдать сберегательные карточки и марки, но ничего этого на самом деле не было.

Гитлер выразил желание онемечить украинских девушек, потому что считал, что они – наследники немецких племен, но его планы не сбылись из-за разгрома сил вермахта. 8 апреля я была освобождена и вернулась домой, в село Барвенково Харьковской области.

БОЧАРОВА НИНА РОМАНОВНА

7 мая 1943 года была силой захвачена немцами, вместе с другими земляками в товарных вагонах перевезена в Польшу. После всех, принятых в отношении остарбайтеров, процедур я попала в г. Дудерштадт, на военный завод. Жила вместе с другими в лагере за колючей проволокой. Рабочий день начинался в 7 часов утра, часто не ограничивался по продолжительности, работали до позднего вечера. В воскресенье мы должны были отдыхать, но нас в этот день забирал на работу в домашнем хозяйстве или бауэр Генрих или другие бауэры. Остарбайтеры сажали картошку, выполняли другую работу. Из-за того, что в лагере кормили очень плохо, люди голодали, поездки к бауэру были выгодными: удавалось припрятать для себя какое-нибудь количество картошки. За месяц платили 1-2 марки, купить на эти деньги что-то из продовольствия было невозможно.

По официальным данным остарбайтеры должны были получать 30% от зарплаты немецких работников, но никогда такую сумму немцы не давали. Из Германии мне удалось отправить три письма, которые были доставлены с цензурными исправлениями по назначению. В 1945 году была освобождена американцами, после долгих проверок вернулась на Родину.

ЧЕРНОВА ВАРВАРА ЕГОРОВНА

В 1941 году началась война. Мы жили в прифронтовой полосе, под Ленинградом. Через полтора месяца фашисты были уже у Ленинграда. Они когда пришли так хулиганили! Танки немецкие шли по дороге в нашей деревне, все вокруг ломали, жгли, а если кто из жителей не успел выбежать из домов – их давили вместе с домом.

Нас всех из ближайших деревень собрали в городе Чудово и стали распределять: инвалидов и детей увозили эшелонами неизвестно куда. Один эшелон завезли за Чудово, а те, кто был ещё в силе – копали рвы. Людей там расстреливали, в этот ров они падали.

В 1943 году людей уже осталось мало. Кого куда увезли. Нас повезли в Эстонию. Привезли в лес. Там было три барака. Один для нас, во втором

фашисты были, а в третьем эсэсовцы и власовцы – завербованные русские военнопленные. Нас гоняли на работу. Разгружали вагоны с углем, бревнами, песком. Очень тяжелая была работа. Есть не давали. Били чем попало: прикладом, палками. 4 месяца мы там прожили. Стал приближаться фронт, но мы этого не знали.

Нас повезли в Ригу, в Латвию. Там мы прожили восемь месяцев, работали по цехам. Кто где. А я как малолетняя узница – просто уборщицей была в кабинетах. Фронт снова стал приближаться, и нас увезли в Польшу, в город Гдыня.

Когда нас привезли в Гдыню, то увидели там забор из колючей проволоки в 5 рядов, вышки и 15 барakov. Там был какой-то склад. Питание давали редко. В основном баланду, свеклу с мукой. Утром повели в баню, гнали этапом. Две полячки по пути говорят: «Надо же, позавчера привезли целый эшелон и сожгли в этой бане и опять, наверное, русских привезли». Мы это услышали, испугались. Старшая моя сестра говорит: «Все, мы отсюда не выйдем». А я говорю: «Оксана, если нас ведут в баню, значит, где-то мы должны работать». Помылись мы в бане. В парилке, где сушили белье, была такая печка страшная. Я до сих пор ее вижу. 15 метров глубины и 4 метра ширины. Открывали там газ и этот газ всех морил. А мы в рубашке, наверное, родились. Нас это обошло стороной. Двое суток мы пробыли в этом концлагере и повезли нас в город Гданьск, в Восточной Пруссии.

Привезли нас на завод. Там сараи какие-то были. Спали на нарах. Отобрали нас человек пятьдесят и вывезли за город, километров двадцать. Везли на машине. Высадили на поляне. Там мы строили бараки: копали ямы, ставили столбы, собирали бараки. Есть не давали. Иногда картошку давали, когда траву жевали, чтобы с голоду не умереть. Прожили мы там 8 месяцев. Мне 13 лет было.

24 марта нас освободили русские войска. Кричали: «За Родину! За Сталина! Ура!» Нам просто не верилось, что это русские.

Немцев много было убитых, что на поле картошки. А мама идет и говорит: «Ах, паразиты какие! Все-таки мы выжили! Все-таки живые остались! А вы теперь лежите в своей земле, а мы поедем на Родину».

Поехали мы на распределительный пункт. Увезли нас обратно в Чудово.

Меня распределили работать почтальоном в деревушке. Помню, на почту по телефону позвонили и сказали, что 9 мая – День Победы! Все так рады были: кто кричал, кто плакал, кто смеялся, кто плясал. Такая радость была!

Потом я работала в колхозе. Пахали на себе. Лопат не было. Был один плуг. Запрягались мы и пахали землю. Был приказ, чтобы вырастить хлеб, накормить страну и самим выжить. А потом мы с мамой переехали в Саратовскую область, на Родину.

ТРУБЧАНИН НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

Фашисты схватили всю нашу семью: мать, отца, брата, двух сестер и меня. Тамара, младшая 5-летняя сестра, умерла в Германии, не вынесла тяжелой жизни в лагере. После нескольких месяцев пребывания в сортировочных лагерях мы попали в г. Краков на фабрику. Я, 13-летний, трудился наравне со взрослыми: возил на тачках разный груз. Никакой скидки на возраст не было. Рабочий день – 8 часов. Два выходных дня в субботу и воскресенье. Лагерь, где мы жили с семьей, охранялся немцами. На фабрике работало много украинцев, в том числе и дети. За работу никому ничего не платили. Работали за одежду и еду. Запрещалось посещать кинотеатры и другие общественные места, например, парикмахерские. Никаких уроков для детей школьного возраста в лагере не проводилось. Немцы очень любили играть в футбол, а в соперники для тренировок брали мальчиков из лагеря.

В 1945 году мы были освобождены советскими войсками, жили какое-то время в доме бауэра, который убежал с немцами. Летом 1945 года вернулся домой, в Советский Союз.

БЕССОННАЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА

10 сентября 1942 года получила повестку с требованием явиться на сборный пункт для отправки в Германию. После медицинского осмотра, который проводили местные врачи под контролем немцев, я была признана здоровой, прошла дезинфекцию, и, вместе с другими односельчанами в грузовом вагоне, полном людей, меня вывезли в Австрию, в город Линц, где на протяжении трех лет я работала на строительстве барачков для фирмы Йозеф Бест.

Жили мы в общежитии на 60 человек. На одежде была надпись «OST» («осторожно, сталинский товар» – говорили немцы). Вместе со мной работали хорваты, югославы, поляки, чехи, русские. Построили три барака. Во время работы гоняли и били тех, кто, по мнению немцев, плохо работал. Рабочий день длился с 8 часов утра до 17 часов, в воскресенье был выходной. На тяжелой работе вместе со мной трудилось шесть землячек. Одна из них – Вера Куплевацкая не дождалась освобождения, умерла в

Германии. За работу платили 17 марок в месяц. На завтрак давали 250 граммов хлеба и чай, в обед и вечером кормили супом из брюквы. Для рабочих был переводчик – пан Сидляк.

Никаких культурных мероприятий немцы не проводили, только сами рабочие устраивали концерты – пели народные песни друг для друга. Уже в 1942 году была издана служебная инструкция по охране мест, где жили русские рабочие. Инструкция разрешала беспощадно использовать оружие при сопротивлении, а также назначать дополнительную работу после окончания смены, отправку на штрафные работы, лишение горячей еды на три дня, тюремное заключение на три дня. Она предусматривала запрет на любое общение с людьми немецкой национальности и с другими иностранными работниками, поэтому в общежитии были комнаты только для украинцев, только для поляков и т.д. За работой следил немец – архитектор, который сообщал в гестапо обо всех чрезвычайных происшествиях.

В конце войны бросили работников на произвол. Пять дней мы с подругами жили «без хозяев», потом нас освободили. Три раза меня допытывали в «особом отделе», но потом отправили в Харьков и уже оттуда в село.

ДЖЕЖЕРЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА

Я была вывезена в Германию 10 декабря 1942 года. Ехала в товарном вагоне. После дезинфекции и медосмотра попала в город Франкфурт-на-Майне, в пересыльный лагерь, размещенный в поле. Через определенное время 20 человек из лагеря были отобраны каким-то немцем и перевезены в лагерь в город Венцлер. Нас поселили в бараке (в комнате жили по 20 человек), направили на завод изготавливать детали на шлифовальном станке. Подъем был в 4 часа утра, кормили завтраком (250 г хлеба, чай, кусочек маргарина), везли на завод. Работали без выходных с 6 часов утра до 6 часов вечера. Обедом кормили на заводе (суп из картошки, капусты и брюквы и хлеб). Немцы относились к работникам по-разному. Жестокие были охранники, часто били. Нам разрешалось два раза в месяц отправлять домой на Родину почтовое письмо с оплаченным ответом. Все письма и ответы родственников проверялись в бюро цензуры иностранных писем, поэтому писали то, что разрешалось немцами, правду о своей жизни рассказывать не могли.

Фашисты вводили обязательную трудовую повинность, потому что добровольно ехать в Германию соглашались редко. Вместе со мной в Германию были вывезены 9 односельчан. Все мы работали на заводе до 29 апреля 1945 года. До августа 1946 года домой не разрешали ехать, все проходили проверку в особом отделе, после нее вернулись на Родину.

ВОЛЫК ЛИДИЯ ИВАНОВНА

Я оказалась в доме именно в тот момент, когда немцы пришли забирать моего соседа, но тот исчез. Меня схватили 1 декабря 1942 года, вместе с другими девчонками и парнями, загнали в здание школы, потом посадили в вагоны, в которых раньше перевозился скот, и отправили в город Перемышль. Там я после медицинской проверки была распределена в город Венцлер на завод для работ на фрезеровочном станке. Как и другие оstarбайтеры, я жила в бараке, в комнате для украинцев. Работали по 12 часов в день, часто без выходных, за одну марку в месяц. Кто-то пытался убежать из лагеря, но неудачно. За то, что я допустила брак на работе, меня посадили в тюрьму на пять дней без права дышать свежим воздухом, без горячей еды, права на хлеб и воду. Запомнился на заводе помощник мастера по фамилии Панзык-Майер, который очень хорошо относился к иностранным рабочим. Перед освобождением завод бомбили, рабочие прятались в бомбоубежище. Когда немцы убежали, работники разошлись кто куда.

Я нашла приют у двух пожилых немцев, которые сами предложили мне помощь. Неделю гостевала у них, а потом попала в лагерь, откуда 1 июня 1945 года вернулась домой.

ГОНЧАР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Я попал в Рурскую область. На вокзал меня привез немецкий солдат 7 мая 1943 года. Я ехал в Германию со своими вещами и едой. В вагоне спали на полу на сене. В Германии после проверки меня признали годным к работе на кирпичном заводе. Каждый день 100 человек из лагеря ходили пешком несколько километров на работу. В лагере все жили соответственно нацио-

нальностям. Утром будили, давали редкий кофе, бутерброд (хлеб с маргарином). Работали по 10 часов в день. В месяц платили одну марку и табак. Рабочие за смену должны были выгрузить 18 000 штук кирпичей каждый. В воскресенье был выходной. Работникам не разрешалось бесконтрольно ходить по предприятию. На работу и назад нас сопровождала охрана. Не разрешалось общаться с рабочими других национальностей, даже пользование умывальником и туалетом было отдельным для украинцев, поляков и русских. Когда немцы бросили лагерь, я и мой друг поляк Гора пошли в соседнее село, попросили у немцев картошки. Нам разрешили остаться. Потом один из жителей села на повозке довез нас в сборный пункт в городе Фаллингбостель, оттуда советские войска переправили нас в Беларусь, потом на Украину. Вызвали в КГБ, допросили, отпустили домой.

КАНАРИК ВЕРА ГРИГОРЬЕВНА

Родилась я в 1927 году. Жила в большой семье (пятеро детей), рано потеряла отца, в 14 лет пошла работать на мельницу, где меня уважали за трудолюбие и добрый характер. Судьба складывалась удачно, но началась война... В 1941 году погиб старший брат, в город пришли немцы, полиция гоняли нас на работу. Зимой в 30-градусный мороз заставляли расчищать от снега дорогу. 10 сентября 1942 года меня и сводную сестру два полицаи рано утром забрали для отправки в Германию. Сначала привезли в здание школы, окруженное колючей проволокой, где держали всю ночь, а утром следующего дня под конвоем привезли на вокзал, посадили в товарные вагоны. На вокзале атмосфера была страшная: кричали матери, плакали дети, но фашистов это не беспокоило. С собой взяли только некоторую одежду (в ней работали все следующие годы), еду на три дня. В Харькове всех выгрузили из вагонов, повезли на медкомиссию. Некоторые ребята мазали тело перцем, от чего поднималась высокая температура, и их отправляли назад. Немцы-врачи вскоре разобрались с причиной «болезни». Всех «больных» везли дальше. Ехали долго, нас распределили в город Линц (Австрия). На вокзале тех, кто выглядел хорошо, забирали бауэры, а я с подругами (нас было 6 человек) решили держаться вместе, поэтому замазали и помяли одежду, надеясь на то, что никто не возьмет, и немцы вернут нас обратно. Но планы не осуществились, нас назначили на разные работы. Привезли за 4 км от Линца в лагерь за колючей проволокой, распределили по баракам.

Нам представили «отца» лагеря – Тараса и «мать» лагеря. Тарас был страшным человеком, все время ходил с кнутом, бил рабочих. В семь часов утра после очень легкого завтрака мы шли ремонтировать дороги, корчевать пни, чистить лесопосадки. На работе всегда сопровождал десятник, который относился к нам неплохо, жалел нас. В обед (суп из кормового буряка и картошка, хлеб) вместе с рабочими в столовой питались пленные французы. Их кормили лучше. Рабочим разрешалось брать из тарелок французов остатки еды. Если работали на поле осенью, подбирали остатки овощей. Вечером кормили юшкой из капусты. На Пасху один раз дали несвежую жареную рыбу, но для нас это был праздник.

За работу ничего не платили. Разрешали погулять возле лагеря под присмотром, потому что все равно никто не убежит: чужие люди и чужая страна. В воскресенье был выходной день. Тарас часто собирал нас на сборы тремя свистками. Горе было тем, кто не успевал прийти вовремя в столовую. Женщинам было легче, чем мужчинам, «мать» лагеря не была такой жестокой, как Тарас, который один раз выбил глаз парню, который сказал в ответ на слова Тараса «Халь Гитлер!» - «Гад Гитлер!».

Ночью в бараках проверяли рабочих, если что-то не нравилось, могли всех разбудить и прилюдно наказать «виновного». Иногда рабочие получали письма с родины, вместе их читали, плакали, уже не верили в то, что вернуться домой. Меня из лагеря уже почти перед самым освобождением забрал какой-то немец, привез к бауэру. Хозяйка немца была очень рада, что у нее появился работник: поля большие, работать нужно кому-то. Поэтому условия жизни были лучше. Хозяйка Мария Трир Визер давала мне молоко с булочками. Я, привыкшая к убогому лагерному пайку, хотела спрятать булочки «на потом», но хозяйка заставляла есть, обещая еще дать продукты. У бауэра я косила траву, справлялась с шестью коровами, свиньями, выполняла другие работы. Хозяйка трудилась наравне со всеми. Я вспоминаю, что много немцев проклинали Гитлера за то, что он начал войну: «У Германии всего в достатке, дома не закрываются на замки или затворы. Зачем нам нужен этот Союз?».

Освободили меня американцы 4 мая 1945 года, привезли в Будапешт. После короткой проверки отправили домой.

Про те дни я написала стихотворение на украинском языке:

*Як жила я у тім Лінці,
щастя не мала,
тільки зранку й до вечора
долю проклинала.
Нащо мама моя рідна
на світ породила?*

*Та нащо нещасну
у чужий світ пустила?
Де не вийдеш, де не глянеш,
кругом німецькі часові,
а нас на волю не пускають
в чужій далекій сторони.*

СОЛНЦЕВА ПОЛИНА ИВАНОВНА

Жила во время войны вместе с мамой и тремя сестрами в Барвенковом Харьковской области Украинской ССР. 13 мая 1943 года немцы, которых привел местный полицай Волкодав, забрали меня и старшую сестру, разрешили взять с собой только документы и кое-какую одежду. Сначала всех собрали в клубе, а потом посадили в три вагона и повезли в Польшу, где провели медосмотр и дезинфекцию. С Польши в вагонах для перевозки лошадей отправили в Германию. Ещё по дороге из Барвенково останавливались на каждой станции, где немцы грузили все новых остарбайтеров. Три раза в день давали немного еды (хлеб и юшка), в туалет ходили прямо в вагоне, в ведро. Не было ни полок, ни соломы, ветер гулял по вагонам, ночью было холодно. Привезли в г. Эльзен. К вагонам приходили заказчики, немцы давали им нужное количество рабочих.

Мою сестру забрали на военный завод еще раньше в г. Амборге. Я попала на частную бобовую фабрику, где делали консервы для немецких войск. Жили в комнате 22 человека, до фабрики – 10 метров. Место проживания охранял старый немец. Он хорошо относился к нам, часто в свободное время просил нас что-нибудь спеть.

Хозяин фабрики выдал нам серые костюмы с нашивкой «OST» и «кандалы» – большие сабо, как мы их называли. На фабрике трудились и немцы, поэтому рабочий день был с 8 до 18 часов. Все имели два выходных дня – субботу и воскресенье. Немцы получали очень хорошую зарплату, а остарбайтеры – мелочь, остальное забирал хозяин на еду, одежду, баню и т.д. Работников с востока кормили в основном бобовыми супами. Можно было в выходные дни сходить в город за четыре километра, но обязательно в одежде с нашивкой «ОСТ». Купить на зарплату можно было только тюльку. В городе нас никто не трогал, хотя частенько звучало обидно: «Русская свинья». Каждую неделю ходили в баню, выдавали чистую постель и нательное белье, дезинфицировали одежду и костюмы.

Немцы очень следили за чистотой, потому что разговор шел о производстве продуктов питания для самих же немцев. Нам доверяли делать только коробки для упаковки бобов, грузить их в вагоны и др.

Один раз я заболела: на щеке появилась язва, которая и раньше меня беспокоила (в Барвенковом меня несколько раз лечили, но безуспешно). Хозяин фабрики сразу же направил меня в больницу, где мне сделали электроприпекание, вылечили полностью так, что язва не появляется до сих пор. Одна из моих знакомых, из нашего же села страдала заболеванием суставов, ей тоже была предоставлена медицинская помощь, домой вернулась здоровой. Но за лечение высчитали деньги из зарплаты.

В 1945 году американцы бомбардировали Эльзен очень часто, мы вместе с немцами прятались в бункере. Американцы меня и освободили, перевезли в Голландию, предлагали остаться, но все хотели домой, поэтому нас передали советским войскам, отправили в Латвию, где были тысячи таких людей, которые ждали очереди возвращения на родину. Остарбайтеров было так много, что за едой стояли целый день. Потом стали выдавать сухой паек. В августе 1945 года я была дома. Сестра вернулась еще в мае. Два года мать ничего не знала о моей судьбе (писать домой письма не разрешали).

После войны я работала в колхозе. На допросы в органы безопасности меня не вызывали. Я давала показания только в деле полицая Волкодава.

КОРКИШКО ЕЛЕНА ИОСИФОВНА

Родилась в 1925 году. Как война началась, мне было 16 лет. Вывезли в Германию меня 7 мая 1943 года. Нас было 4 сестры. Забрали полицая двух. Везли в товарном вагоне, полном людей. Иногда останавливали поезд для «туалетных» нужд. В дороге ели только то, что взяли с собой, почти весь маршрут проехали, сидя на голом полу. Медосмотр не проводили, привезли в город Дудерштадт.

Я по распределению попала на фабрику патронов, расположенную недалеко от барачков, в которых жили остарбайтеры. Работали по 12 часов под конвоем. Лагерь был обнесен колючей проволокой. Кормили два раза в день очень плохо. Был один выходной, чаще в этот день работников забирали бауэр на сельхозработы. Немцы к нам, остарбайтерам, проявляли

равнодушные, не издевались, даже таблички с надписью «OST» не пришивали к одежде. Выдали спецовку, в которой работали все время до освобождения. Хорошо относилась к работницам женщина-немка – «лагерфельдша». Когда начинали бомбить город, немцы говорили: «Наххауз пойдете, рус». За работу на фабрике не платили, что-то давали бауэры, в основном – продукты.

Город заняли американцы, открыли магазин для остарбайтеров, начали хорошо кормить. Потом передали советским войскам, которые отправили нас домой. После возвращения вызвали в КГБ, поговорили и отпустили.

Я, работая в Германии на бауэра, находила время заниматься вышивкой. Давали все: ткань, мулине, иголки. Вышивая для хозяев, тайком вышивала скатерть для себя, привезла ее домой, сберегла до сих пор.

ИВАНОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в городе Остров Псковской области. Когда началась война мне было 6 лет. Отец работал на мельнице, ему квартиру дали на втором этаже.

Когда вошли немцы, румыны летом, нас сразу выгнали, а цыган, которые рядом жили – сразу угнали. Жили мы по соседям до зимы глубокой, а так жили в сараях. Пожары были, много разбомбили. Самое главное было для немцев – пройти на Ленинград. Много было партизан у нас на Псковщине. Действовало 29 партизанских отрядов численностью 67 000 человек. Нас собрали на железнодорожной станции. Меня, маму, братишку трёхлетнего и бабушку. Мы были заложниками. Населению целых деревень отдавали приказ покинуть дома и быть готовыми к отправке в течение 10 минут. А за время оккупации области было угнано в немецкое рабство от 100 до 150 тысяч человек. Привезли нас в Польшу. Попали мы в Освенцим. Там по-польски я научился говорить. Черноволосых сразу в топку бросали, а мы белобрысы были. Помню, нас белобрысых, рыжих отобрали и дальше куда-то увезли. Погрузили в вагон и повезли на запад. Там были бараки за колючей проволокой, вышки. Я видел, как девчонок молодых,

которых пытались убежать, немцы душили и собаки их грызли. Носил я специальную одежду, колодки.

Приезжали бауэры, меня забрали в свинарник работать. Ел там мороженую картошку. За непослушание выгоняли на мороз и поливали водичкой. Я там воспаление легких получил.

Меня освободили американцы. Помню хорошо, как Рейн переплывали. Видел, как негры привезли сахар с сахарного завода, а мы сладкого ничего не ели, не знали, что такое сахар.

Осенью 1945 года вернулись домой. Жили сначала по сараям. Хочу, чтобы никогда больше не было войны, и чтобы люди были с таким характером, как мы раньше были.

08.05.2020 г.

БАРАНОВА МАРИЯ ПЕТРОВНА

В начале войны мне было 18 лет. Вместе с другими юношами и девушками я копала противотанковые окопы под Днепропетровском, а когда немцы начали бомбардировку района, убежала в родной край. Дома не задержалась надолго, потому что меня в мае 1943 года под дулом автомата загнали в вагон и отправили в город Такку (Дудерштадт).

Жили в лагере, в бараке, в очень тяжелых условиях. Кормили один раз в день. Работали на заводе чернорабочими, чаще в ночную смену. Завод выпускал снаряды, поэтому немцы очень боялись саботажа. К важной работе нас не допускали, боялись, чтобы мы что-то не испортили или не навредили производству.

Я переносила грузы или обрабатывала гильзы от патронов. Платили один раз в неделю, каждую субботу выдавали по 5 марок. На эти деньги можно было купить стакан чая. Так если бы и захотели купить что-нибудь другое – не смогли бы, потому что немцы отказывались продавать. За границы лагеря остарбайтеры могли выходить в свободное время. Завод работал в две смены по 12 часов. Если выпадала возможность, во время отдыха все пытались попасть на работу к местным жителям, но не для того, чтобы заработать денег, а чтобы нормально поесть. Многие немцы относились к остарбайтерам доброжелательно, не считали людьми второго сорта.

Я работала на заводе до апреля 1945 года, а потом не дожидаясь разрешения, села в поезд и вернулась домой.

ДУДЧЕНКО
АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВНА

Когда началась война нашим отцам, братьям стали присылать повестки, но не всем. А те, которые остались, подождали дня 2-3 и поехали сами в военкомат. Вот и мой отец поехал. Утром мы встали, а вся наша деревня была уже занята немцами. Шли они без всякого выстрела. Остались одни дети и старухи. За ночь они расположились в наших огородах. Все, что мы посадили, все они потоптали.

Сказали, что мы уже здесь никто. Плачем, испугались, все были в шоке, не знали, что с нами будет. Пришли к нам, посмотрели наше жильё и сказали, что в нашем доме будет жить комендант. Дедушка нам этот дом построил и умер в 1938 году. Лучшие дома заняли немцы, а нас выгнали. Набивались в дома, сколько нас там вмещалось. Мебель из дома никакую не разрешали брать. У нас хозяйство было, скот: корова, овцы, куры. В дом не разрешали заходить, а за хозяйством своим ухаживали. Я у мамы была одна, и бабушка с нами была.

Коменданты менялись очень часто. Я тогда считать не умела, но вот помню, что они уходили всегда ночью, мы никогда их не видели. Утром встаем, уже другой комендант, другие требования. Знаю, что за время войны в нашем районе немцы уничтожили больше 1 000 населенных пунктов. Нашей деревне всегда завидовали, она на бугорке была, и железная дорога недалеко от нас была. Немцы говорили: скоро чай в Москве будем пить. А нам так неприятно было.

Напротив нас семья жила, женщина там была, очень красивая, спокойная, учительница, и она немца вилами заколола. И немцы под расстрел поставили нас – меня, бабушку и других. Все плачут, просят, староста пришел. В общем, отпустили нас. Сказали, если еще раз повторится – расстреляем.

Потом появился у нас новый комендант – самый лучший из всех, что были раньше. Он как-то полюбил меня, угощал, но я ему делала подлости. У него все пропуска были на столе для людей. Бабка меня подучила, чтобы я эти пропуска брала только тогда, когда его нет, а когда отвернулся или спит – не брать. Где большая пачка, побольше брать, где поменьше – меньше. Бабушка дочке их отдавала, а та партизанам. Где какие взрывы были против немцев, бабка сидит и говорит: слышала там? Вот это уже партизаны прошли, вот, мол, как ты помогла.

Прошел слух, что будут людей эвакуировать. Из других деревень стали увозить людей, и в один прекрасный день к нашему дому подошла здоровая машина и мне с бабушкой сказали: собирайтесь, вас эвакуируем. Бабушка плачет. Собрались мы, оделись, кушать даже ничего не взяли. Я подошла к машине, а у нее колесо даже больше, чем я. Не знала даже как туда залезть. Немец подошел, схватил меня, как швырнул меня и бабушке кое-как помогли. Стали подъезжать к другим домам, собирать людей. Поехали в деревню Голенищево, там была железная дорога. По той дороге можно было доехать в Германию через Литву.

Столько народу в вагоне, все режут, в туалет некуда сходить. Кто что говорит: кто говорит под откос пустят, кто говорит расстреляют... Ехали мы где-то сутки, может меньше. Довезли нас до Литвы и высадили. Пошли мы с бабушкой побираться, кушать просить. Кто даст чего, а кто бил нас, бабушку били, меня швыряли. Эти литовцы, оказывается, сердитые на нас, а мы русские с открытой душой, не знали.

Распределили нас по принципу двое рабочих и один иждивенец, мы попали в семью мужа и жены учителей. Работали там на хозяйстве, в огороде. За это не платили, кормили.

Весной 1944 года нашу местность освободили и стали мы собираться домой.

9 мая День Победы помню хорошо. Прошел слух, что кончилась война, что мы победили. Мы так радовались, не передать словами! Бегали, прыгали, кувыркались, кричали. Взрослые думали, что мы помешались. Такая радость была, потому что в такой жизни жили, что не дай Бог.

Подрастающему поколению хочу сказать: берегите мир, берегите, защищайте землю.

07.05.2020 г.

ТКАЧЕНКО АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА

Я 1922 года рождения, из села Барвенково Харьковской области. Во время первой оккупации нашего села, меня и моих знакомых Марию Ярошенко и Веру Семенову по приказу коменданта города доставили в комендатуру. Молодых девчат и парней полицаи и немцы загоняли колоннами на железнодорожный вокзал для отправки в Германию. Людей загнали в товарные вагоны и отправили на запад. Только на границе Украины и Польши открыли вагоны и накормили постным супом.

Я попала в курортный город Бад Пурман, где работала в семье немецкого стоматолога Гусельса домработницей. Сам Гусельс относился ко мне с уважением и любезно. Запомнился мне случай: я приготовила обед хозяевам и села поесть на кухне. Ганс Гусельс зашел ко мне и предложил пообедать вместе с хозяевами за одним столом. Семья Гусельса не проявляла неуважения или презрения ко мне. Проживая в семье немцев, я пыталась разговаривать с ними на их родном языке.

Вспоминаю еще один интересный случай. Немцы воевали не так, как советские войска: много кто отслужив два-три месяца на фронте, возвращался домой. Гусельс же воевал на восточном фронте, и я лично сама встречала его на вокзале (жена Гусельса в это время была на работе). Один раз я погладила штаны сына Гусельса, навела идеальные стрелки. Парень был очень непослушным. Он специально или случайно зашел в лужу, испачкал и помял штаны. Я за это поставила мальчика на колени в ванную комнату на несколько часов. Тот простоял, не жалуясь, до прихода матери. Узнав о причине наказания, мать не только не наказала меня за самоуправство, но еще и добавила наказания сыну.

В апреле 1945 года нас освободили, а 15 сентября я уже вернулась на Родину. Во время бомбардировки наш дом и все документы о рождении, образовании, гражданстве сгорели. Благодаря добрым соседям, которые подтвердили мою личность, я восстановила документы, устроилась на работу в местную больницу, где проработала много лет, пользуясь уважением врачей и пациентов.

ИГНАТОВИЧ ГРЕТА МЕЧИСЛАВОВНА

Родилась я 9 июля 1937 года в городе Витебск Белорусской ССР. Мои родители увлекались литературой и решили дать мне такое имя. Когда я попала в концлагерь, мама сказала, что я 1938 года рождения, чтобы спасти мне жизнь.

Мама родилась в Витебске в 1907 году. Она была старшим ребенком в семье. В 10 лет попала в приют, потому что потерялась ее мать. Она была ребенком революции. В 17 лет вышла замуж. Моего отца репрессировали как врага народа, польского шпиона, когда мне было 5 месяцев. Мама

говорила, что он был очень хорошим человеком, семьянином, мастером. Делал такие детали, что даже машины таких делать не могли. Работал слесарем в железнодорожном депо. Мама долго не говорила мне, где отец. И в 1963 году я послала запрос в военный трибунал СССР и мне пришлось свидетельствовать о смерти отца, документ о реабилитации и описание его обвинения. В 1990 году мы с сестрой решили узнать, где могила отца. Нас очень тепло принял начальник КГБ в Витебске, показали подвал, где отца пытали. Мама все время верила, ждала, что отец вернется, пока в 1963 году не получила похоронку. До сих пор я люблю отца своего. Он очень любил детей.

Когда отца забрали, то мама хотела покончить жизнь самоубийством. Взяла меня на руки и пошла бросаться под поезд. Это мне сестра рассказала. Сестра показала мне мост, где стояла мама со мной. Ее спас папин товарищ, который увидел маму.

Мамин брат прошел всю войну, имел 11 ранений, контузию. Умер в 1948 году от инфаркта.

В 1941 году мне было 3 года, сестре 9 лет, а брату 16 лет. Брат жил в Виннице с бабушкой. 22 июня мама была на работе, на текстильной фабрике Коммунистического интернационала молодежи. В соседний дом попала бомба, а меня взрывной волной выбросило из кровати и дом загорелся. Это мне сестра рассказывала. Сестра вытащила меня из дома, схватила детскую ванночку, в которой купают детей, накрыла меня ею и села сама сверху, чтобы спрятать от огня. Мама прибежала домой и увидела нас.

Когда нам стало негде жить, то нас забрала к себе в село Огородники коллега мамы по работе. Там мы жили до 1942 года. Помню, как немцы расстреляли одну семью вместе со всеми детьми. По-моему, они были белорусы. Немцы и дом их сожгли.

Помню, как сон, как нас согнали немцы, было холодно. Мы шли как будто по коридору, по бокам немцы. Мама несла меня на руках, а потом опустила меня на землю. И это спасло меня. Потому что немцы всех детишек, которые были на руках и стариков отобрали и сожгли в селе.

Нас погрузили в теплушки – вагоны для скота, товарняки, закрыли и больше не открывали до прибытия. Привезли в лагерь, город Аугсбург. Это был трудовой лагерь. Помню одноэтажные бараки, которые стояли один за другим. Бараки были очень длинные, деревянные. Помню дорожки из песка в лагере, ни единой травинки не было. Помню вышки надзирательные, солдат с автоматами, овчарок.

В бараке по обе стороны стояли трехэтажные нары. Я была на первом этаже. Нары были покрыты соломой и тканью. Помню голод и холод. Это я даже на том свете буду помнить.

Мама жила в бараке с нами. Ее гоняли на работу на фабрику, и дети постарше тоже работали. Пока мама на работе, мы весь день в бараке.

Кушать хотелось. Маме за работу давали 200 граммов хлеба, а нам раз в сутки в мисочке давали кольраби (что-то типа брюквы, свеклы).

Утром надзиратели нас поднимали. Они были немцами, в военной форме. Обращались к нам на немецком.

На ногах у нас были деревянные колодки. Помню их звук. Бегать в них нельзя было. Они не снашиваются. Надолго хватало их. Номера нам на руках не татуировали.

В лагере я провела с осени 1942 по конец апреля 1945 года.

Помню, что в лагере мне так хотелось поиграть с игрушками. У меня до сих пор такая любовь к игрушкам. Помню, найду тряпочку и качаю её. А когда не было тряпочки, то сгибала колено, завязывала его и получалась головка и качала колено. Вот это наши игрушки. Тряпочки мы берегли.

Сестра всегда делилась со мной едой. Помню, когда мама на работе надорвалась, у нее были повреждены внутренние органы и ей не давали хлеб, а сестра приносила откуда-то еду. Я все время была с сестрой. Она меня и грела, и помогала.

Мама всегда после работы падала полумертвая. И так каждый день. Помню, что мама плакала, обнимала нас ночью. Мне кажется, что если бы мы с сестрой умерли, она бы тоже умерла.

Я очень боялась собак, немецкого крика и сестра рассказывала, что у меня в 4 года в лагере уже была седая полоса на голове.

Еще долго я после войны не могла слышать слово «немцы». Даже в школе отказалась изучать немецкий и учила английский.

Хорошо помню все с зимы 1945 года. Мы уже привыкли в лагере, не боялись ничего. Наш лагерь находился в низине, а охрана лагеря была на возвышенностях. И видели, как с этой возвышенности вниз стали скатываться какие-то чудовища. А это были танки. Мы же их раньше никогда не видели. Охранников уже не было на вышках. Любопытство нас одолело, и мы вышли к танкам и увидели негров. Только зубы белые, все черное, а офицеры были белые. Через день или два приехала машина и привезла нам игрушки. Американский офицер подарил мне большую куклу с глиняной головой. Дороже на свете для меня ничего не было! Я не знаю, что мне сейчас могут показать, что было бы для меня дороже той куклы. Офицер посадил меня в танк, а пол был усеян снарядами. Покатали нас в танке. Потом нас увезли в какой-то город. Там такие беленькие домики, цветы. И женщина из дома вынесла нам яйца. Наверное, Пасха была. Потом нас, детей, без взрослых, вывезли в поле. Я там увидела траву, как цвели маки. Это было для меня все!

Когда нас отправляли домой из лагеря, дали с собой еды, охраняли всегда. Наш лагерь вообще случайно нашли. И когда нас уводили, кукла моя упала из рук и голова ее разбилась. И мне казалось, что и я в тот

момент разбилась. Я бросилась к ней, подняла, пыталась слепить обратно, но не получилось. Это была моя первая кукла. Она была мне как родная. У меня истерика была. Мама выбросила эту куклу.

Американцы предлагали нам остаться, не уезжать домой, но мама решила все-таки вернуться. Наверное, патриотизм сыграл свою роль. Может быть мама надеялась, что отца еще получится найти.

Домой мы добрались на машинах до границы, а потом американцы передали нас нашим солдатам и привезли на поезде в Витебск. Никаких документов у нас не было. Город был в руинах. Все разбито. Жили мы в подвале с еще двумя семьями. Лазили везде, в траншеях, и трупы находили.

В 1945 году мне было уже 8 лет. Мама устроилась на работу в столовую посудомойкой.

В 1945 году мне сделали прививку от оспы, и я заболела. Поэтому в этом году я в школу не пошла. Лежала в госпитале. Потом разрежала ногу стеклом и опять лежала в госпитале.

В школу пошла в Виннице уже в 1946 году, когда мы перебрались к бабушке. Больше я в Витебск не вернулась. И мама с сестрой сюда перебрались. Жили в маленькой времяночке деревянной. Я на кровати спала, а цыплята под кроватью. Потом у нас в доме потолок упал. А я в тот момент вышла погулять. Судьба. Маму ударило по спине. Курица с цыплятами осталась жива под кроватью. Жертв не было. В таких условиях мы жили.

В 1966 году получили квартиру.

После школы закончила медицинское училище в 1957 году. По направлению работала в селе Буденновка зав. фельдшерско-акушерским пунктом, вышла замуж, родила дочь Татьяну. Потом я уехала к сестре в Тростянец. Работала зав. здравпункта спиртзавода. Я очень люблю медицину. Потом родила вторую дочь, в 1961 году – Оксану.

В 1963 году мы снова вернулись в Винницу.

ДОРОГОВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА

Я, Дорогова Антонина Васильевна, родилась в 1929 году, 23 июня, в деревне Хмелинка Саратовской области (сейчас нет этой деревни). Хочу написать о моей жизни, которая связана с историей всей России того времени.

Мой дед по отцу Степан Николаевич Дорогов воевал в 1914 году с немцами, попал в плен и был в Австрии. В его семье было 6 человек детей.

Семья занималась сельским хозяйством, наёмных работников не было, но когда была коллективизация, то нашу семью признали кулаками. Моего отца и деда арестовали и сослали в Архангельск, несколько лет они там прожили. Мой дед Степан Николаевич вернулся в родную деревню, он был грамотный и стал впоследствии председателем сельсовета.

В 1933 году был голод, я точно помню, как пекли и ели лепёшки из травы лебеды. Отец вернулся из ссылки и забрал нас из деревни в город Сталинград: маму, меня и сестру. Жили бедно, перед войной только хлеба наелись и тут война, бомбардировки и опять голод.

В наш Тракторозаводской район пришли немцы, из подвала нас выгнали и погнали до Белой Калитвы. Дорогой мы ели мясо убитых лошадей. Кто не мог идти, садились на землю вдоль дороги. В основном это были пожилые люди. Мне запомнилось и такое, среди этих людей сидел годовалый ребенок и грыз чёрную корку хлеба. Он был завернут в лоскутное одеяло. Я часто вспоминаю этого ребёнка. Нашлась ли добрая душа, помогли ли этому ребёнку? Время было тяжелое, осуждать никого не могу.

На железнодорожной станции погрузили нас в вагоны. Людей в вагоне было много, дали нам по сайке хлеба и так довезли до города Хемниц в Германии. Далее повезли нас в лагерь для гражданских лиц, который находился в 30 км от города Грёдиц. Лагерь был большой, там были украинцы, белорусы, русские. Лагерники работали на заводе, питание было плохое, каждый день кто-то умирал, чаще всего мужчины. Моя мама умерла в 1943 г. Нас детей-сталинградцев было трое: я, моя сестра Маша, и Лида Климова. Начальник лагеря послал нас работать на кухню. Мы там мыли и убирали, за это нам позволяли есть баланду, которую варили из картофельных очисток и гнилой капусты. Все чистое готовили для поляков, чехов, французов. Они жили не в лагере и им помогал Красный Крест.

В лагере мне часто попадало. Послал нас однажды повар за бочкой квашенной капусты и с нами был мальчишка Пауль – немец и когда мы катили эту бочку, то её дно вывалилось, это было около ямы с мусором. На вид капуста была хорошая, но сверху были мелкие черви, и я стала выбрасывать верхний слой в яму. Но мальчишка Пауль стал драться со мной и кричал мне, что русские свиньи все поедят, и я знала, что эта капуста пойдёт к нам в котёл. Мимо шел пожилой немец, увидел что мы дерёмся, спросил Пауля, тот молчит, а я сказала что капуста не хорошая, я не знала как по-немецки будет слово черви. Он взял капусту с червями в рот, я засмеялась, и он стал меня бить. Но немки, которые работали на кухне все видели, и заступились за меня.

И ещё было, я с девчонкой немкой подралась, это было уже в 1944 году. Фриц отвёл меня в жандармерию, где меня посадили в подвал.

Но сидела я там недолго, за меня заступились. Хочу сказать о немецком народе, среди них были хорошие люди, которые помогли мне.

Мы дети как могли, помогали нашим русским военнопленным. Лагерь военнопленных был рядом с нашим, и они иногда приходили к нам на кухню. Кормили их гораздо хуже, чем нас, они были всегда голодны и копались в мусоре у кухни. Мы дети работали на кухне и прятали в этот мусор картошку, но нас однажды предал украинец Лука. Он работал в котельной, которая отапливала кухню. Мы ходили мимо него и он все видел и рассказал о нас начальнику лагеря Пензелю. Начальник лагеря завёл нас всех троих детей в котельную, открыл топку куда Лука забрасывал уголь и сказал, что если вы будете класть картошку русским свиньям, то я вас покидаю в эту топку. В этот день мы картошку не прятали, а на следующий прятали опять. Через некоторое время начальник лагеря отправил нас всех троих работать к хозяевам. Дальше всех отправили меня. Я была старшая, и он понимал, что я все это делаю, и буду делать дальше.

Хочу рассказать ещё один эпизод из лагерной жизни. На кухню, где мы работали, приезжали военнопленные-концлагерники в полосатой одежде, им было ещё тяжелей, чем нам. Мы с Лидой Климовой иногда клали картошку под котёл, где она пеклась (одна из нас кладёт, а другая смотрит как бы нас не увидел повар немец Куга, он был очень злой). Военнопленные приезжали и брали нашу баланду, пока им наливали баки, мы на кухне давали им баланду, они присядут и пьют баланду прямо из котелка, а другие из них стоят у дверей кухни с конвоем. Нам нужно было отдать нашим печёную картошку, чтобы конвой не видел. Я просила девушку Ванду – польку, которая работала вместе с нами, она была красивая, отвлечь конвой. Она выходила, немцы шли за ней, а мы с Лидой в это время бросали картошку нашим военнопленным. Наши ребята поднимали её с земли и тут же ели. Так мы помогали своим. Одного из военнопленных звали Юрий, он сказал мне: «Девочка я привезу тебе тетрадку, ты её спрячь, ты доживёшь до конца войны». Я согласилась, но когда наши ребята приехали в следующий раз, то Юрия не было, я спросила, где Юра, мне сказали, что он умер. Много умерло людей в лагере. Вспоминать тяжело. Лида умерла в 2013 г. Из нашего лагеря никого не осталось, живы только я и моя сестра Маша.

Я вспоминаю разговоры в лагере. Из лагеря иногда бежали, но в Польше всех ловили, поляки предавали.

Много пришлось пережить, всего не расскажешь, и ещё очень больно вспоминать время, когда мы вернулись в Россию, в Сталинград. Нас считали предателями, прямо об этом говорили. Меня дважды увольняли

с работы и говорили, что для нас только черные цеха, это чугунно-литейный на Тракторном заводе. Жить было негде, где работали там и спали. Меня в общежитие взяли молодые девчата, которые приехали на восстановление города. Это были ленинградки и девчата с Урала. Морально было тяжело, время было голодное, но работали мы много. Восстанавливали город, заводы, трудно пришлось нашему поколению.

Прошу наше правительство обратить внимание на подрастающее поколение, и то поколение, которое уже взрослое, они мало знают о войне, о немецких лагерях, многих это не интересует. Но это ведь наша история и как можно жить, не зная истории своей Родины, это позор, от этого страдает старшее поколение. Прошу, пожалуйста, обратите внимание на учебники истории и телевизионные программы. Книги о войне есть, но беда в том, что сейчас мало читают.

По материалам сайта газеты «Судьба». 25.01.2020 г.

ХАЗИНА ЛИНА МЕЧИСЛАВОВНА

Я родилась в 1932 году, в городе Витебск, поселок Красный Октябрь. Мама меня дома родила, не в больнице. До войны я успела закончить один класс.

Помню, как застали первую бомбежку 22 июня 1941 года в селе Огородники. Дом наш сгорел. Летом мы с мамой собирали ягоды в лесу и ходили продавали. Помогали по домам, кому копать, сажать, что могли, все делали, чтобы было на что покушать. Больше года мы так жили.

Когда немцы зашли в наше село, они председателя нашего колхоза вместе с семьей увезли куда-то, и привезли снова в село через три месяца. Немцы сказали, что он будет нашим бургомистром. Его фамилия была Закржевский.

16 августа 1942 года ночью, в 11 часов мы увидели в окно большую колонну лошадей. Это были партизаны. Они схватили этого бургомистра в его доме. У его дома стояла арба. Его посадили в арбу и оставили с ним дежурного. Партизаны поехали дальше к полицаям, который жил у нас в селе. Бургомистр смог сбежать в лес. Партизаны у дома расстреляли

жену, дочь бургомистра и даже корову его расстреляли, дом сожгли. На следующий день бургомистр вернулся в село с немцами и даже не подошел к своей жене и дочери. Так я, ребенок, так плакала о том, что он даже так и не подошел к ним. Его дочь звали Ванда, а жену Павлина. Это я запомнила точно.

В октябре 1942 года немцы всех жителей согнали. Тех детей, кто был на руках у родителей – отняли, стариков тоже отделили и загнали в сарай и сожгли там всех. Все остальные плакали!

Нас всех погнали в поле, загнали в какие-то скотники, где были нары. Мы там пробыли 3 месяца. Давали есть гороховую, желтую воду. Я до сих пор горох есть не могу теперь. Мы были под охраной. Выходили в поле, разрывали замерзшую картошку, разводили костер, пекли ее и ели. Нас там было где-то 1 500 человек.

Потом нас погнали дальше к Прибалтике. Провели санобработку. Посадили всех в товарные вагоны и увезли в Аугсбург. Оттуда на машинах привезли в лагерь. Помню хорошо ворота лагеря. Расселили по баракам.

В лагере уже были люди до нас. В отдельных бараках жили украинцы, которые решили поехать добровольно работать в Германию. Они жили в других условиях: могли ходить по лагерю, выходить из лагеря, свободней себя чувствовали, а мы жили под строгим контролем. По территории лагеря постоянно ходили дежурные – полицаи, которые видели, если два человека общаются, то сразу их разгоняли.

Помню одного страшного надзирателя. Мы его называли «три по три». Он всегда только и говорил: «три по три, становись!». Он был такой негодяй! Избивал людей, издевался за малейшую провинность. В воскресенье всех выгоняли на плац и считали каждого 50-го. Каждого 50-го расстреливали.

Утром маму выгоняли под конвоем с собаками на работу. Подъем был в шесть утра. Она работала на заводе Messerschmitt, где выпускали самолеты. Завод был недалеко. А нас, детей, оставляли в бараке, как щенков. Раз в сутки давали кольраби маленькую кружечку. Это что-то наподобие сахарной свеклы, а по цвету похоже на белорусскую брюкву. Маме за работу в сутки давали 200 граммов хлеба.

У мамы от тяжелой работы началось полное выпадение матки, она не могла ходить, лежала, опухла от голода. Мне приходилось ночью с другими детьми прокусывать проволоку, пролазить через забор лагеря и выходили так в город. До города было порядочно идти. Так мы на животе 1,5 км ползли, чтобы нас не заметили дежурные.

В городе ходили под хлебные, продовольственные магазины. Женщина научила меня милостыню просить. Нужно было как-то поднять маму, сестричку. Они обе были опухшие от голода. Помню одна немка, Софья,

увидела меня. Она была в магазине. Налила мне супа, дала хлеб. Суп я съела, а хлеб сказала, что отдам маме и сестре. Она сказала, что еще даст мне хлеба, а я говорю: нет, нет, не надо, я этот отдам. И она взяла меня на работу. Я у неё убирала в магазине, полы мыла, прибирала, делала всё, что она мне говорила, когда могла выбираться из лагеря. Она мне за это давала еды. У неё в магазине продавалась газированная вода сладкая. Она мне её тоже давала. Мы с ней хлеб ели.

Два раза я попадала полицию в руки. Помню, как он меня ударил. Когда пришла в сознание, была в карцере. Там нельзя было ни есть, ни лечь. Зажатая там стояла трое суток. Но не сдавалась, снова ходила в город. Жалко было маму и сестричку.

Перед Пасхой, помню, мы вылезли из лагеря и попали в село. В Германии тоже не все фашисты были. Некоторые нам сочувствовали. Кто хлеба давал кусочек, кто еще что-то. Мы так рады были, что было что покушать.

Я была постарше сестры и нас гоняли в столовую. Там стояли цинковые столы с углублением в середине. Туда привозили какую-то крупу, перемешанную с человеческим мясом, стеклом и дети это перебирали, чтобы потом это варить. Знаю, что человеческое мясо, потому что мне попался там человеческий палец с ногтем.

Вши у нас были в лагере, но не много.

В лагере была у нас подпольная группа, но тогда я о ней не знала. Немцы узнали об этом и расстреляли пятерых в лесу.

Перед тем, как лагерь освободили, приехали на мотоциклах эсэсовцы и дали шеф-повару лагеря отраву, и сказали всыпать ее в котлы, чтобы все погибли. Она отказалась делать это и ее отца – коменданта лагеря забрали. Но он смог сбежать. Благодаря ей мы остались живы. Об этом нам взрослые рассказали.

Вечером и ночью немцы стали сбегать из лагеря, а утром в лагерь заехали три танка и военная машина. Радости было много! Нам сказали, что мы свободные. И в этот же день нам сделали чудеснейший обед – борщ, плов с бараниной. И от этого погибло очень много людей, потому что голодные были, а мама нам говорила, чтобы мы много не ели и мы слушались.

На следующий день нас всех собрали на плацу и предложили уехать в Америку, работать там, обещали дать жилье. Сказали, что те, кто желают, могут сделать 2 шага вперед. Никто не тронулся с места, ни один человек. Какой патриотизм был у людей! Все хотели домой.

Мы стали собираться. До границы американцы везли нас на студебеккерах. Каждому дали по палке колбасы, хлеба по 2 буханки, большому куску сыра. На границе нас погрузили в поезд и повезли в Витебск. Город был разрушен.

Когда вернулись домой, то никому не говорили, что были в лагере. Пришлось врать, что мы были в оккупации в Чкаловской области, а документы сгорели. Иначе бы даже в школу не взяли.

ВИНОГРАДОВА ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА

Родилась я в 1931 году, 30 сентября. До войны я успела окончить всего первый класс, то есть совсем была грамотная, а уже во второй класс я начала ходить в 1946 году. Таким крупным переростком я пошла во второй класс.

Сами мы из Ленинграда, а летом были у бабушки, 40 км от Ленинграда, в поселке Ульяновка. Война началась 22 июня 1941 года, а 28 августа 1941 года немцы уже на мотоциклах и машинах были под Ленинградом. Пешком они не ходили, все было моторизовано. Папу на третий день войны на фронт взяли. Ополченцы

Ленинграда не пустили немцев.

И началась наша «мирная жизнь у врага». Везде на зданиях вешали такие маленькие открыточки, на которых было написано «Адольф Гитлер – освободитель».

Мы жили на частной квартире, хозяйства у нас никакого не было. И началась голодовка. А у кого было хозяйство, то все немцы съели. Курам головы сворачивали, на козу говорили – это Сталина корова. Потом и Сталина корову съели. Все сожрали.

Начались сильные бои под Ленинградом. Нам некуда было деться. Ленинград немцы окружили со всех сторон. Он же стоит на болоте, а немцам нужны хорошие дороги. Мне тогда было всего девять лет, я была худенькая. И меня с мамой немцы отправили на лесозаготовки. Там было морозно, холодно, дожди, есть нечего. Давали по 200 граммов хлеба. Он был белый, красивый, но полностью из опилок. От такого хлеба у меня заболели зубы. Рядом с нами, когда мы валили лес, постоянно были немцы. Немцы были с собаками. Я всех животных люблю, но ненавижу овчарок. Чуть оступился и сразу тебя овчарка хватает. Сколько погибло, покусано людей было этими овчарками... Все отощавшие, и овчарки с легкостью расправлялись с такими.

Из-за зубной боли я часто плакала, и немцу это надоело. Он меня как ударил кулаком по лицу. У меня из носа, изо рта и ушей кровь ручьем полилась. С тех пор, это было в 1941 году, я осталась только с одним ухом. Второе на 100% ничего не слышит. Так и не смогли меня вылечить. Зубы стали выпадать. И в 30 лет я осталась с одним ухом и без зубов. Цинга была.

Стало еще холодней, но немцы русского холода боялись еще больше, чем мы. Мы жили вместе с мамой, бабушкой старенькой, моей сестрой 2-летней. Сестренка постоянно хотела кушать, а кушать нечего было. Наш дом стоял на речке, такой длинный был, на 8 квартир, рубленый, с железной крышей. Немцы выгнали нас на кухню, а сами заняли комнаты. И вот сестра брала тарелку и ходила еду просить. Кто выгонит ее, а кто бросит что-нибудь в тарелку, как собаке. Хорошо, что было еще лето. Питались одуванчиком, лебедой, крапивой, такими растениями, как дудки были. Так мы жили около года.

Я не могу, когда сейчас Россию-матушку загаживают. Я не могу плюнуть, сморкнуться не землю. В душе берегу природу, она все-таки людям помогает. Не знаю, как мы выжили. Есть нечего было. Немцы ничего не давали.

Зимой немцы собрали нас и стали гнать по своей территории до определенного пункта. И опять немцы были с овчарками. Сестричку Тонечку мама несла на руках. Она постоянно плакала и просила у мамы хлеба, а хлеба не было. Не знаю, как мы выжили...

Согнали нас в какой-то пункт, загрузили в вагоны для телят и повезли. Все женщины, дети, старики были. Сестричка моя постоянно плакала. Сколько много вшей было, они по сестре ползали прямо ручьями, а она все равно хлеба просит, и голосок ее все тише был, животик вздулся и она умерла. Ее бросили прямо в снег. Тогда никто никого не хоронил и никто ни по ком не плакал. Зато сейчас плачу. Как увижу ребенка такого возраста и сразу в слезы. В дороге почти не кормили. Когда дадут кусочек хлеба из опилок с водой, а когда и не дадут. Умерших прямо из вагона выбрасывали на улицу. Привезли нас на сортировочный пункт в Эстонию. У кого много рабочих, того в Германию, а у кого больше иждивенцев – латышам в рабы. Мы попали к латышам на хутор. У них было 14 коров и один бык. Мы работали у латышей на скотном дворе. Кормили нас немножко лучше, чем скотину. Ночевали мы тоже вместе со скотом. Крыс было очень много. Я ни в одном кино столько не видела. Ночью был ужас! Они визжали, пищали, страшный звук стоял. Все это русский народ выдержал. Всю войну мы были в рабстве у латышей.

Через две недели вдруг хозяин, у которого мы были, сказал, что ответ нас туда, где нас и брал. Когда мы туда вернулись, там было очень

много таких как и мы, русских. А бомбежки были страшные! Это было возле города Валмиера.

На следующую ночь немцы все исчезли! Ни одного немца нет! Куда же они провалились? А до этого день-то был, они рвали свои флаги. А флаги все были штапельные, красные. А в середине было белое и в этом белом свастика немецкая. И бабушке удалось один флаг украсть. Из него она смастерила мне платье. И я была в красном платье. С убитого немца бабушка сняла жилетку зеленую, как сейчас помню. И нашла бабушка на скотном дворе резиновые сапоги. У меня размер ноги 32, а бабушка принесла сапоги резиновые 42 размера с широким голенищем. Вот такая я нарядная встречала наших освободителей. Русским солдатам было сразу видно, что мы русские дети.

У латышей хорошие дороги были. Видели, как ехали наши части. И русские кричали: «Детки! Детки! Откуда же вы?!» Мы галдели, кто во что горазд! Очень много было белорусов, ленинградцев и из его пригорода. Русские солдаты удивлялись, какие мы худые, измученные. И прикрепили нас к солдатской кухне. Вот тут-то мы уже поели! В обед приходил врач и просил много не есть, чтобы мы не погибли. А так хотелось как можно больше! В общем, питались мы на солдатской кухне.

К августу мы уже отъелись, отпились, все хорошо. Нам предложили остаться в Латвии, Красный Крест предлагал поехать в Швецию. Везде, помню, висели плакаты с надписями «Вас ждет Родина!». И я думаю, да какая там Швеция! Да мы ненавидим этих всех чужеземцев. За 4 года столько от них натерпелись. Мы хотели только домой. Солдаты наши сказали: не торопитесь. Под Ленинградом, откуда вы родом, вас ждет выжженная земля, голая. У вас ничего нет. Что вы будете делать? Куда вас девать?

Погрузили нас в телячьи вагоны, дали нам сухой паек, солдаты еще дали нам продуктов, масла. Приехали мы сытые. Не довозя до Ленинграда, нас высадили в Ульяновке и всё. Стоят дома. В них никого нет. Кое-где человек появится. Дома без крыш, без окон, без дверей. И паспорта у нас только немецкие.

Мама после войны была ткачихой. Я пошла в школу. Училась всегда на «5». Тем, кто без четверок учился, давали по два кусочка хлеба с сахарным песочком. Да как же можно было за такое не потрудиться?! Когда сестренка, умирая, хлеба просила, а тут еще и с песочком.

Потом жизнь стала налаживаться.

Четыре года я у немцев пробыла. Все понимала, что они говорят, но сама говорить не умела. А вот по-латышски говорила. Ненавидела их, но говорила. До сих пор по-латышски помню.

После школы поступила во Второе Ленинградское Некрасовское педагогическое училище. Не работала по профессии ни дня. Очень

маленькие зарплаты были. Закончила курсы машинописи. Всю жизнь проработала машинисткой.

В 19 лет вышла замуж, но семь лет мне снились одни бомбежки. Всю жизнь голова болит.

Я хожу везде, где меня приглашают. Я везде рассказываю, как я жила, как меня немцы побили, что я стала калекой, как издевались над нами, как вши заедали нас живьем. И всегда говорю: ребята, берегите свою страну! Берегите все, что есть в нашей России!

2020 г.

ФЕДОСЕЕВА ЛИДИЯ МАТВЕЕВНА

Родилась в 1940 году на Брянщине. Для меня 9 Мая – это праздник, пронизанный скорбью и болью. Песни, музыку на День Победы мне тяжело слышать. Я никуда не хожу, уезжаю в сад.

В 1941 году отец, будучи сотрудником НКВД ушел на фронт и вскоре пропал без вести. Маме было 28 лет и она осталась одна с тремя детьми на руках. Мне было полгода, а братьям три и четыре года.

Когда фашисты оккупировали город Дядьково, где мы жили, жители уходили в деревню. Так мы оказались в Чернячитях. Когда в деревне начались пожары, все дома сгорели, мы ушли в лес, в землянки. Когда начались холода, мы были вынуждены выйти из леса. Немцы разбрасывали листовки, в которых писали, что не тронут нас. Но немцы не собирались выполнять свои обещания.

Когда мужчины, старики выходили из леса, то многих расстреляли.

Вскоре мою маму, нашу 78-летнюю бабушку и нас троих детей отправили в Германию. Везли в вагонах для скота, без пищи и воды. Выгрузили в литовском городе Ковно. Там людей содержали в чистом поле прямо под открытым небом. К счастью, осень была теплой. Лагерь был окружен колючей проволокой и нам жители через ограду бросали хлеб.

Осенью 1943 года мы оказались в концлагере Санполът в Польше. Здесь людей содержали в ужасающих условиях. Голод и холод, пронизывающий до костей – вот, что ярко врезалось в мою детскую память.

Мы жили в неотопливаемых, набитых битком людьми бараках. Спали на нарах. Маму с утра угоняли на работу с другими узниками на рытье траншей, а мы с другими детьми оставались.

Пока взрослые трудились, нас использовали как биологический материал – выкачивали кровь. Мальчишек, братьев уводили из барака и приводили только вечером. Они после этого себя очень плохо чувствовали. Мама когда приходила плакала и говорила, что, наверное, у них берут кровь. А кровь эту отправляли раненым немецким солдатам.

В лагере в основном издевались над узниками женщины и полицаи поляки и украинцы. Особенно жестокими были женщины-немки. За любую провинность били. Могли и до смерти. Особенно жестоко они относились к красивым женщинам. Специально их выбирали и уродовали.

Пока мама работала, за нами присматривала обессиленная бабушка, но вскоре ее не стало. Бабушка сильно болела. Однажды ее вывели из барака. Кто-то доложил немцам, что у нее сын в Красной Армии. И ее расстреляли в лагере. Мама пришла, а бабушки уже нет.

Кормили в лагере скудно и редко. Давали похлебку с брюквой, баланду. Целый год мы жили в концлагере. В 1944 году немцы начали расформировывать лагерь. Евреев стали убивать в душегубках. Помню трубы огромные в лагере, которые дымились. Там сжигали в печах наших военнопленных и евреев.

Когда лагерь расформировывали, тех, кто был в состоянии передвигаться и работать, отдавали в рабство местным фермерам. Один из них был не против, чтобы у него работала моя мама, но без детей. Мама рассказывала, что бросилась ему в ноги и говорит: «Ради Бога, я буду делать любую работу, сколько хочешь, и день и ночь, только возьми детей». И он взял нас. Так мы оказались в Австрии.

Жили мы в охраняемых бараках. Маму каждый день уводили на работу. На территории лагеря стояли домики австрийцев – обслуживающего персонала. У них мы просили еды. Есть очень хотелось. Ребята звали меня с собой за хлебом, кто что даст. Я была девочка маленькая, красивая. Мама говорила, что от меня нельзя было глаз отвести. Я когда прибегала к хозяевам, то выходила от них с полной сумкой. Хозяева просили, чтобы мама отдала меня им, но мама не отдала.

Пройдя через весь кошмар концлагерей и рабства, мама сохранила три маленьких жизни своих детей. Это было первое чудо.

В 1945 году нас освободили союзники-американцы, и мы прибыли на Родину, в Брянщину. Это было второе чудо.

Мама оплакивала папу, пропавшего без вести в 1941 году, но недолго. Случилось третье чудо. Отец вернулся с фронта живым.

Он рассказал, что его сильно контузило. Попал в плен. Его поместили в концлагерь, откуда он дважды бежал, и дважды его ловили. Последний раз он убежал и попал к партизанам. Так и был в партизанах до конца войны.

Смотрю на своего правнука и думаю – Господи, это вот таких детей немцы брали за ногу и об стенку били. Посмотрю на Лёньку и думаю: ну как же у тебя руки поднялись убить такого ребенка. Посмотришь на него – он бегаёт, радости у него не знаю сколько. А как обнимет – сердце замирает.

Нет, такое не должно повториться. Люди должны думать головой, прежде чем допустить такое.

РУЧКО АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

В годы Великой Отечественной войны я был малолетним узником фашистского концлагеря в Восточной Пруссии в районе Лабиау (ныне Полесск). Когда советские войска освободили узников лагеря, мне было всего 3 года.

Тот период я знаю по рассказам матери – Марии Федоровны. В апреле 1943 года из деревни Рудец Уваровичского района Гомельской области Белоруссии угнали в неволю всю нашу семью: Марию Федоровну, её мужа Василия Мироновича и меня. Таких горемычных набралось на три вагона-теплушки. Выбирали молодых,

здоровых, светловолосых и голубоглазых, похожих на арийцев, поскольку наряду с уничтожением и выселением населения страны Гитлером предусматривалось и его онемечивание.

С этой целью по приказу Гимmlера на захваченных территориях искали и отбирали детей с арийской внешностью по проекту организации «Лебенсборн». Планировалось или отдавать детей в немецкие семьи (маленьких) или отправлять работать на военные заводы (подростков).

В лагере было шесть барачков: два для женщин с детьми и четыре мужских. Лагерь был трудовой, здесь не было крематориев: на своей территории немцы не строили таких страшных концентрационных лагерей как в Польше, Чехословакии и Прибалтике. (Хотя по данным историков, на трети территории Восточной Пруссии было 47 лагерей, только в районе Кёнигсберга – 17).

Но были лаборатории, где проводили опыты и брали кровь для солдат вермахта даже у маленьких детей. Кровь брали постоянно.

В основном узники работали в каменоломнях для укрепления обороны Кёнигсберга. Голод, непосильная работа, издевательства... Здесь с мамой мы пробыли до января 1944 года, когда в лагерь приехала фрау Римке, чтобы набрать себе рабсилу для работы на ферме в деревне Крайцендельд. Выбрала две семьи – матерей с детьми. А их отцы остались на работах в каменоломнях... Для нашей это была единственная возможность выжить: сельхозработы были легче и привычнее... Жили в закутке в сарае для скотины, благо он был теплый...

Узников лагеря освободили в январе 1945 года. В памяти у меня навсегда запечатлелось лицо пожилого солдата, который нёс меня на руках, мокрое от слёз, и прокуренные махоркой усы. Позже мама мне рассказывала, что тот боец шептал мне: «Прости, сынок, что мы это допустили»... Он нёс меня до вагона эшелона, который вез освобожденных из лагеря в проверочно-фильтрационный пункт в г. Кибертай (Литва).

Фильтрация проходила с 13 по 15 февраля 1945 года, но мне эти дни показались вечностью... А отца после освобождения отправили в штрафную роту, которую бросили под Кёнигсберг, где проходили ожесточенные бои, и на оборону которого он работал совсем недавно. Там он пропал без вести...

В селе нас с мамой встретили холодно, если не враждебно, заклеив «врагами народа». Вначале жили у бабушки – мачехи моей мамы, а после нашли небольшой домишко... На работу нигде не брали, пока мама не вышла замуж за фронтовика Тимофея Моисеенко, который работал бухгалтером в колхозе...

Но на чужой роток не накинешь платок, шепотки, что мы сами добровольно уехали в Германию, продолжались. Тогда на семейном совете было принято решение ехать жить в Литву, в Вильнюсскую область. А там свирепствовали «лесные братья». Бандиты убивали русских, вешали на деревьях, поджигали дома. А после скрывались в бункерах под землей, которые было трудно обнаружить. Житья от них не было... Шла настоящая война.

Когда дети возвращались из школы, то обязательно заходили во двор управления НКВД, где штабелями лежали трупы бандитов. Но полностью остановить террор мирного населения «лесными братьями» не удалось... А после смерти Сталина они совсем озверели...

Позднее наша семья переехала в Калининградскую область, в Багратионовск, тогда целенаправленно набирали людей славянской национальности для заселения этой бывшей немецкой территории.

По материалам газеты «Судьба». 2023 г.

КУДРЯШОВ
БОРИС ПЕТРОВИЧ

Я, Кудряшов Борис Петрович, родился 29 сентября 1944 года в г. Гонновер (Германия).

Моя мама, Зайцева Александра Андреевна, уроженка Орловской области, деревня Реприновка Маховского района, в июле 1942 года была насильственно вывезена оккупационными властями в Германию, использовалась чернорабочей на строительстве аэропорта в г. Гонновер. Работала с утра до поздней ночи. Кормили очень плохо. Иногда узников подкармливали пожилые немцы, которые трудились на этом же аэродроме. 4 апреля 1945 года

освободили американские войска. Мама буквально в зубах, так она говорила, вынесла меня из барака с узелком пеленок, поскольку по лагерю ходил слух, что детский барак немцы хотят взорвать, а узников северных лагерей утопить в Балтике, посадив их на паромы. Но сделать этого фашисты не успели. Американцы предлагали всем уехать в Америку, и некоторые так и сделали, ведь на родине их ждали лагеря НКВД.

При выезде на родину прошли госпроверку, слава Богу, что нас не объявили врагами народа, как многих узников, но то, что мы находились в фашистском концлагере приходилось скрывать всю жизнь.

Моя мама познакомилась с молодым человеком Петром на работах по строительству аэропорта в конце 1943 года. В 1944 году 29 сентября родился я. После освобождения узников долго ждала отправку поездом на родину. Мама приехала по месту рождения в г. Орёл в июле 1945 года. Там, в Орле, у неё родился второй ребёнок, 20 октября – дочку назвали Татьяной.

В 1947 году в августе мама с двумя детьми приехала в Татарстан – г. Набережные Челны, дер. Бурды. Там она родила ещё пятерых сыновей. Всю жизнь прожила в д. Бурды. Похоронила мужа очень рано, в 1965 году, ему было 44 года. Она осталась одна с семьёй детьми на руках в 41 год. 2 октября 2011 года моей мамы не стало. Когда она приехала в татарскую деревню к отцу, не знала ни одного татарского слова. А мать отца, моя бабушка, не знала ни одного слова по-русски. Очень трудно было общаться с бабушкой. Отец с утра до вечера находился на работе. А я с деревенскими ребятами на улице быстро научился говорить по-татарски. Мама обрадовалась, что я научился татарскому языку.

Мама всегда брала меня с собой в качестве переводчика. А сама она стала еле - еле разговаривать по-татарски только через три года. В первый класс я пошел в 1952 году и в 1960 году окончил 7-летнюю школу. Затем пошёл работать в колхоз до 1963 года. В 1963 году я уехал из деревни в г. Альметьевск, там устроился на работу в государственный драмтеатр и работал до октября 1964 года, пока меня не призвали на воинскую службу в Советскую Армию.

Служил я в Польше до 1971 года. После армии вернулся в Набережные Челны, устроился на работу в «Камгэсэнергострой» художником-оформителем, в 2004 году вышел на пенсию. Женился я в 1968 году на Бухаровой Тамаре Аркадьевне, 17 марта 1969 года у нас родились двойняшки в г. Лечница (Польша), а третья дочка родилась в Набережных Челнах 3 сентября 1980 года. Теперь у нас есть 4 внука, одна внучка и два правнука. В 1992 году я начал строить дом на частном секторе и в 1994 году переехал жить в новый дом, теперь занимаюсь хозяйством по дому. В свободное время пишу картины, пейзажи, портреты. Слава Богу, все хорошо. Я, как малолетний узник, являюсь председателем организации бывших малолетних узников г. Набережные Челны с 2009 года. Всего у нас 36 малолетних узников проживает. Я имею правительственные награды.

По материалам газеты «Судьба». 2023 г.

ЛОЖКИНА ПОЛИНА ДАВЫДОВНА

Когда война началась, немцы пришли – я в детдоме была. И тогда начали полицаи собирать детей, взрослых – комсомольцев, коммунистов, а также евреев. Евреев полицай собрал 12 человек. Меня прятали колхозники.

Полицай все равно поймал меня. Он на лошади наверху едет, а я впереди иду. Люди кричат: «Що тобі дитина здробила?!». Вернул меня в детдом в той же деревне, а все комнаты уже заняты были. Меня все равно в комнату засунули и я должна была ждать утра. Ребята говорят: «Давай мы окно выбьем и ты убегай!» Но

у меня никого нет, бежать некуда. Я говорю: «Что будет, то будет. Что людям, то и нам». И не стала убежать.

На следующий день полицай повел меня в комендатуру. Заходим, а там был только переводчик, а коменданта самого не было. Переводчик, видимо, наш был, свой. Переводчик говорит полицаю: «И что ты хочешь?» А он ему отвечает: «Она черная». А он ему говорит: «Ну и что? И я черный». Полицай говорит: «Убивать надо». Переводчик сказал: «Вези ее туда, где взял. Надо будет – мы ее вызовем». Полицай повез меня обратно в детдом.

Директор меня вызвал, чтобы никто не видел и сказал: «Пришло сообщение, чтобы мы детей набирали в Германию. Я тебя запишу, авось ты живая останешься».

Собрали нас детей из детдома и на вокзал повели с собаками и автоматами. Подвели к вагону товарному. Как собаки мы туда залезли. Пол голый. Кто где сел и ждет конца своего...

Повезли нас в Германию. По дороге останавливались. Поля были небуранные. Где брюква была, где свекла. Мужиков заставили, чтобы они нарвали брюквы, свеклы и нам ее накидали в вагон. Вот это мы ели.

Приехали в Германию, а там тоже голод и холод. Мы там бараки строили. Стекловоду таскали в корзинах.

Правительству Украины хочу сказать, чтобы людям дали жизнь! Сколько сирот, инвалидов осталось! Чтобы хоть дали людям пожить. Пожилые люди не находят себе места. Не знаешь – встанешь ты утром или нет. Нужно, чтобы спокойствие было. Много ли человеку надо? Жизнь спокойную!

2016 г.

КИРЕЕВА НИНА ИЛЛАРИОНОВНА

Родилась я в 1928 году. 28 августа 1941 году немцы уже без боя зашли к нам. Начали убивать, расстреливать, вешать. У нас выбора особо не было: или немцам прислуживать, или же в лес. У нас леса огромные. И вот я ушла в лес. Дом наш разбили. Я прибилась к отряду Рябикова. Была связной. Взрослый не пройдет, а меня одели как будто на самой последней помойке нашли, чтобы немцы не очень-то приближались ко мне.

У нас было три партизанских отряда: Ахметчика, Рябикова и Федорова.

Я несла задание в отряд Федорова и у него должна была забрать в свой отряд. Записывать нельзя было ничего, все в голове держала. Шла я больше 100 километров. Когда я пришла на свою стоянку, где у меня передышка была, только села кушать – немцы накрыли, окружили деревню. Всех загребли по машинам. Так я попала в концлагерь. Если бы узнали, что я партизанкой была, то расстреляли бы или повесили, а я сошла за местное население.

Привезли нас в концлагерь Барановичи. Жилось хуже, чем самой последней собаке: голодали, кормили помоями – баландой. Добавки не давали. Даже если баланда останется – выльют, но добавки не дадут. Попробуй стань по номерам. На теле у нас номеров не было, были только на одежде. Станешь не по номеру – получишь не баланду, а резиновой дубинкой.

Начальник концлагеря был Герман. Бескошей – зам. начальника. Они всегда ходили в перчатках. Причем перчатки были из человеческой кожи! Как шелковые! Они снимали кожу с пленных. Перчатки эти я видела. Когда наши освободили лагерь, то открыли вагоны, которые стояли на запасном пути, то в одном вагоне были человеческие волосы в тюках. На Берлин: рыжий, длинный – все с этикеткой «На Берлин». В другом вагоне были сумочки из человеческой кожи с надписью «Высшее качество». Перчатки мужские, женские, зонтики – все из человеческой кожи. Я в руках даже держала.

Работали не покладая рук, несмотря на болезни. Даже знать не должны, что ты болеешь, а то пристрелят. Скидки никакой не было. Я на гладильном столе стояла. Нас несколько человек там стояло. Гладили немецкую одежду из прачечной.

Все время был страх и хотелось есть – самое главное. Страх был ежеминутно. Сейчас живешь, а через минуту тебя пристрелят.

Однажды захотели проверить нас на шивовость. Вынесли солдаты бутерброды. Их полно было – 5 или 6 подносов. Мы увидели и опешили. Подносят нам их и говорят по-немецки: «Пожалуйста, ешьте». Меня что поразило: хоть бы кто-нибудь малейшее движение сделал, чтобы взять бутерброд! Стояли все как замороженные. И тогда как разозлился Бескошей – зам.начальника концлагеря. Как соскочил с кресла! Как ударил ногой снизу по подносу! Один, другой, третий! Все бутерброды разлетелись! Прошел по ним! Какая боль была в сердце! В то время дали бы мне автомат – я бы не промахнулась! Всех бы, как поганых собак перестреляла! До сих пор этот случай забыть не могу за столько десятилетий.

Каждую ночь у меня вся война с начала и до конца проходит.

Ребята, обращаюсь к вам, золотые мои! Цените то, что мы завоевали. Не растаптывайте свою Родину, как тот фашист хлеб растоптал, а цените ее, потому что она дорогой ценой оплачена. Не будьте жестокими! Видите, что человеку плохо – подайте ему руку, и он вам до конца жизни будет благодарен!

ИНОМИСТОВА
АННА ВАСИЛЬЕВНА

Я родилась в 1939 году в Брянской области, в селе Лозицы. Брянщина богата лесами, просторами полей, а самое главное – добротой, душевностью и щедростью людей. У меня было еще две сестры. Сестра после войны работала учителем. Вторую сестру, когда началась война и ей было 16 лет – забрали в Германию, а потом, в 1943 году деревню сожгли за связь с партизанами. Жителей угнали в лагерь смерти в городе Рославль в Смоленской области. В лагере содержалось всего 240 000 человек. Многие погибли.

Мне тогда было всего четыре года. Мы с бабушкой сидели на повозке, запряженной коровой-кормилицей.

По дороге поломалась оглобля. Немцы убили корову, а повозку сожгли. Тогда несли меня на руках. Немцы гнали нас как скотов. Отец был в партизанах. Немцы его арестовали, но ему удалось бежать в лес. Из деревни партизанам передавали картошку, хлеб.

Четырехлетней девчужкой четыре месяца жизни я отдала концлагерю. Конечно, не по своей воле. Слава Богу, выжила.

Взрослые в концлагере работали. Добывали торф, а немцы увозили его в Германию. Мне в лагере немец поломал позвоночник. Я просила кушать, а немец меня ударил сапогом. Я упала и получила такую травму. Мама рассказывала, что я сильно посинела и потом уже, позже стала плакать. Сначала мама думала, что я мертвая. На ножки я уже не могла стать. Бабушки скрутили мне платками спину и сросся позвоночник не правильно.

После освобождения из лагеря смерти жить было тяжело. Не было еды, деревня сожжена. Ни одного дома не осталось. Голод был. Кушали траву, липник молодой (листья липы), крапиву. Мама из этого пекла зеленые лепешки.

Старшая сестра, которую угнали в лагерь, вернулась в 1947 году. Прожила год и два месяца, и умерла. Похоронили мы ее в конце апреля, а 1 мая за ней приехал жених. Опоздал на один день.

После смерти мужа, чтобы хоть как-то отвлечься от горя, я стала заниматься творчеством – петь в хоре, очень люблю стихотворения военные. Всегда к поэзии отношусь очень серьезно.

Вот самое мое любимое стихотворение:

*Реки русской крови
Пролили немцы в Ростове,
Покраснел от убитых Дон.
Днём и ночью со всех сторон
Люди слышали крик и стон.
Разослали немцы повестки
По семьям советским.
Велели в больницу детей приводить,
Решили заботу о них проявить:
  оспу привить.
Вышел фриц на врача похожий,
Матерей оставил в прихожей,
А детей повел в кабинет.
Плачут матери, беспокоятся,
Ждут, как дверь в кабинет откроется,
А ребятам врачи-душегубы
Ядом намазали губы.
Нет предела немецкой низости:
Посинели детские губы до сизости.
Кровью рвёт, выступает кровавый пот.
Ручки болью сводит.
Страшная смерть приходит.
Тут-то немецкие звери и открывают двери.
Бросились матери к ним,
К детям своим, маленьким да грудным.
Плачут, да не понимают,
Что мертвецов обнимают.
Стали в дверях солдаты,
Загремели в руках докторов-палачей
  пулеметы да автоматы.
Полилась материнская кровь на тела детишек:
Отравленных, удушенных, окровавленных.*

11.03.2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора-составителя	4
Николай Андреевич Махутов Председатель Международного союза бывших малолетних узников фашизма, член-корреспондент Российской академии наук, профессор	7
Владимир Георгиевич Кикнадзе доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, полковник, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук	9
Аушвиц	11
Л.С. Симонова	16
Л.В. Левченко	24
Е.А. Афанасьева	26
А.А. Готовчиц	27
П.И. Сагорский	28
М.И. Ойжинская	31
Н.Д. Кривич	32
В.М. Макарова	33
Л.Я. Карпович	36
З.И. Капустина	41
Не собиралась она помирать	43
Бухенвальд	45
В.И. Марчук	49
Б.И. Сидельников	51
М.А. Павлось	55
М.М. Степцова	57
Дахау	59
В.Д. Залунин	62
В.И. Перебейнос	64
Колдычево	65
Я.Ф. Демьянец	68
Майданек	71
М.В. Шилова	75
Маутхаузен	79
М.И. Розенталь	83
В.С. Медведев	86
Нойенгамме	89

В.К. Шапошников	92
Ю.А. Синявин	100
Озаричи	107
Для чего уцелел?	109
Ф.Н. Баталова	114
А.Т. Лавринович	116
М.А. Паркалов	117
Н.Л. Шелег	118
Равенсбрюк	119
К.Я. Савон	123
В.Ф. Калюжная	125
А.Н. Легеза	127
Флоссенбюрг	131
Г.М. Гуртовой	133
Л.В. Фатьянов	139
А.А. Ткаченко	141
Ф.Н. Омельченко	147
О.М. Дудок	154
Т.Т. Михайлович	162
А.Я. Лютый	165
Б.Г. Дубовенко	167
Штуттгоф	171
Л.Ф. Цвигун	175
Финские концлагеря	177
«Арестованная» фотография	179
А.М. Трофимова	186
Б.А. Шабанов	187
Подневольные дети-доноры	191
Г.Г. Самохина (приют «Призрение», г. Макеевка)	192
В.А. Бутывченко (приют «Призрение», г. Макеевка)	196
Г.Ф. Дорофеева (приют «Призрение», г. Макеевка)	197
Е.Ф. Пащенко (г. Галле)	198
А.И. Стафеева (г. Китцинген)	201
С.Г. Левченко	207
Л.И. Ермолюк (г. Ретцов)	208
Трудовые лагеря	211
П.Г. Макрий	212
А.И. Степанова	218
О.Н. Рихель	219
К.С. Мантула	225
М.Д. Солонникова	226

Л.Д. Краминская	228
Ю.М. Кулиш	228
Е.Н. Кириак	229
П.А. Волковский	231
А.М. Тарасенко	231
К.И. Слободянюк	232
М.А. Соловьев	234
П.С. Герасимов	235
Р.Х. Янбухтина	236
В.С. Тельнюк	237
Т.С. Головачева	237
Е.Г. Побиращенко	238
Ф.П. Жук	238
Н.И. Тарасенко	241
Е.А. Шкода	243
А.П. Земцова	245
Т.М. Грушко	246
Ф.И. Лазоренко	248
К.И. Кызина	249
В.Р. Обихвост	252
Н.И. Краснощочкая	253
Н.В. Олейник	254
Н.Р. Бочарова	255
В.Е. Чернова	255
Н.Ф. Трубчанин	257
М.Ф. Бессонная	257
М.Ф. Джежеря	258
Л.И. Волык	259
М.А. Гончар	259
В.Г. Канарик	260
П.И. Солнцева	262
Е.И. Коркишко	263
А.А. Иванов	264
М.П. Баранова	265
А.С. Дудченко	266
А.М. Ткаченко	267
Г.М. Игнатович	268
А.В. Дорогова	271
Л.М. Хазина	274
В.Г. Виноградова	277
Л.М. Федосеева	280

А.В. Ручко	282
Б.П. Кудряшов	284
П.Д. Ложкина	285
Н.И. Киреева	286
А.В. Иномистова	288

Автор-составитель выражает благодарность Фонду президентских грантов, а также Центрально-городской районной города Макеевки территориальной профсоюзной организации профсоюза работников образования и науки Донецкой Народной Республики, АО «Республиканская типография» (Республика Бурятия) за финансирование издания книги «Живая память»; Макеевскому художественно-краеведческому музею и редакции газеты «Судьба» – изданию Международного союза бывших малолетних узников фашизма, которое выходит в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) с мая 1993 года, за предоставленные материалы воспоминаний узников концлагерей, а также редакции газеты «Вечерняя Макеевка» за корректуру текстов воспоминаний героев данной книги.

Книга издана в рамках проекта
«Отстаивание исторической правды
в деятельности объединения
бывших малолетних узников фашизма
и инициативной группы граждан города Макеевки
(Донецкая Народная Республика)»

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЗНИКОВ – ЖЕРТВ НАЦИЗМА

В книге использованы фотографии, документальные материалы из личного архива автора-составителя сборника, частных коллекций, отечественных изданий и открытых источников сети Интернет, а также фонда Р-2105 Государственного архива Республики Бурятия «Судьба» – газета Международного союза бывших малолетних узников фашизма»

Составитель *А.С. Саенко*
Вёрстка *Д.А. Иванов*
Корректор *Л.М. Цыбенова*

Подписано в печать 16.05.23 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,98. Тираж 200 экз. Заказ №118.

Издательство АО «Республиканская типография»

Отпечатано в АО «Республиканская типография»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13

ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКОВ – ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ